

Софокл Антигона Трагедия [filosoff.org](http://filosoff.org)  
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Софокл Антигона Трагедия.  
Действующие лица.  
Антигона, Исмена – дочери Эдипа  
Креонт, фиванский царь  
Евридика, его жена  
Гемон, их сын  
Тиресий, слепой старик – прорицатель  
Страж

Вестник  
Домочадец Креонта

Хор фиванских старцев

Без слов: слуги Креонта; прислужницы Евридики.

действие происходит перед царским дворцом в Фивах.

Пролог

Антигона

(вызывая из дворца Исмену)  
Сестра родная, общей крови отпрыск,  
Исмена, слушай. Тяжелы проклятья  
Над семенем Эдипа – и при нас  
Им, видно, всем свершиться суждено.  
Казалось бы, и горя, и бесчестья,  
И скверны, и греха всю чашу мы  
До дна с тобой испили? Нет, не всю!  
Ты знаешь ли, какой приказ недавно  
Всем объявил Креонт-военачальник?...  
Не знаешь, вижу, – а беда грозит  
10 Ужасная тому, кто мил обеим.  
Исмена

О милых я не слышала вестей, –  
Ни горького, ни радостного слова, –  
С тех пор, как наши братья друг от друга  
Смерть приняли в один и тот же день.  
Но вот настала ночь, и рать аргивян  
На родину бежала; я не знаю,  
Сулит ли скорбь иль радость этот день.  
Антигона

Я так и думала – и из дворца  
Тебя велела вызвать, чтоб о деле  
Поговорить с тобой наедине.  
Исмена

20 Ты вся дрожишь... о, что случилось, молви!  
Антигона

Вот что случилось. Одного лишь брата  
Почтил Креонт, и даже свыше меры;  
Другой последней милости лишен.  
Могиле отдал прах он Этеокла?  
По правде праведной и по закону,  
И он велик среди теней в аду.  
А Полиника труп несчастный в поле  
Поруганный лежит; никто не волен  
Его ни перстью, ни слезой почтить;  
Без похорон, без дани плача должно  
Его оставить, чтобы алчным птицам  
30 Роскошной снедью стала плоть его.  
Так приказал достойный наш Креонт  
Всему народу, и тебе, и мне...

О да, и мне! А кто еще не знает,  
Тому он здесь объявит свой приказ.  
И не пустым считает он его:  
Плащ каменный расправы всенародной  
Ослушнику грозит. Вот весть моя.  
Теперь решай: быть благородной хочешь,  
Иль благородных дочерью дурной?  
Исмена

Несчастливая, возможно ль? Крепок узел;  
40 Мне ни стянуть, ни развязать его.  
Антигона

Согласна труд и кару разделить?  
Исмена

Какую кару? В чем твое решение?  
Антигона

Своей рукою мертвого зарыть.  
Исмена

Как, – хоронить запрету вопреки?  
Антигона

Да – ибо это брат и мой и твой.  
Не уличат меня[1] в измене долгу.  
Исмена

О дерзкая! Наперекор Креонту?  
Антигона

Меня моих он прав лишить не может.  
Исмена

Сестра, сестра! Припомни, как отец наш  
50 Погиб без славы, без любви народной;  
Как, сам себя в злодействе уличив,  
Он двух очей рукою самосудной  
Себя лишил.[2] Припомни, как страдальца  
Мать и жена – два слова, плоть одна! –  
В петле висячей жизнь свою сгубила.  
Еще припомни: оба наших брата,  
Самоубийственной дыша отвагой,  
Одной и той же смертью полегли.  
Лишь мы теперь остались. Всех позорней  
Погибнем мы, когда, поправ закон,  
60 Нарушим власть и волю мы царя.  
Опомнись! В женской родились мы доле;  
Не нам с мужами враждовать, сестра.  
Им власть дана, мы – в подданстве; хотя бы  
И горшим словом оскорбил нас вождь –  
Смириться надо. Помолюсь подземным,  
Чтоб мне простили погранный завет,  
Но власть имущим покорюсь: бороться  
Превыше силы – безрассудный подвиг.  
Антигона

Уж не прошу я ни о чем тебя,  
И если б ты мне помощь предложила,  
70 Я б неохотно приняла ее.  
Храни же ум свой для себя, а брата  
Я схороню. Прекрасна в деле этом  
И смерть. В гробу лежать я буду, брату  
Любимому любимая сестра,  
Пав жертвою святого преступленья.  
Дороже мне подземным угодить,  
Чем здешним: не под властью ли подземных  
Всю вечность мне придется провести?  
Ты иначе решила – попирай же  
В бесчестье то, что бог нам чтить велел.

Исмена

я не бесчещу заповеди божьей,  
Но гражданам перечить не могу.  
Антигона

80 При том и оставайся. – я же брата  
Любимого могилою почту.  
Исмена

Несчастливая! Мне страшно за тебя.  
Антигона

Меня оставь, – живи своею правдой.  
Исмена

Храни же в тайне замысел опасный,  
Не посвящай чужих! И я смолчу.  
Антигона

Всем говори! Услужью молчанья  
Ты лишь усилишь ненависть мою.  
Исмена

Твой пламень сердца душу леденит!  
Антигона

Но тем, кому служу я, он угоден.  
Исмена

80 Несбыточны твои желанья, верь мне!  
Антигона

Коль так – мой пыл остынет сам собой.  
Исмена

И приступать к несбыточному праздно.  
Антигона

Так продолжай – и ненавистна будешь  
Усопшему навеки, как и мне.  
Нет, пусть я буду вовсе безрассудна,  
Пусть претерплю обещанный удар –  
Но я не отрекусь от славной смерти.  
Исмена

Прощай сестра! Мечта твоя, безумна,  
Но для родных ты истинно родная.  
(Расходятся.)  
Парод

Со стороны города появляется Хор фиванских старцев.

Строфа I

Хор

100 Здравствуй, Солнца желанный луч!  
Краше всех просиявших зорь  
Над Диркейским святым руслом[3]  
Ты сверкнул, золотого дня  
Ясный взор, после долгой мглы  
Свет неся семивратным фивам!  
Ты же, жгучей шпорой вонзясь,  
Вражью рать о белых щитах,  
Что к нам Аргос в бой снарядил,  
В бегство двинул быстрее.  
Корифей

110 Поднялась она гордо на нашу страну,  
Под грозой Полиниковых гневных речей.

Как блистали доспехи, как веял султан!  
Так парит над землею могучий орел:  
Белоснежные крылья колышут его,  
И угрозой с небес  
Его яростный крик раздается.  
Антистрофа I

Хор

Над чертогом повис орел;  
Лесом гибельных копий он  
120 Обложил семивратный вал.  
Но вкусить не пришлось ему  
Нашей крови, и смольный огонь  
Не коснулся венца твердыни.  
Вспять направил гордый он лет,  
За спиной услышав своей  
Гром оружий: хищник узнал  
Силу бранную змея.  
Корифей

Ненавидит надменных речей похвальбу[4]  
Правосудный Зевес. Он заметил поток  
Необорный мужей и бряцающих лат  
130 Золоченую спесь – и у грани самой  
Огневицей перуна врагов ниспроверг,  
Уж разверзших уста  
Для ликующей песни победы.  
Строфа II

Хор

В гулком паденье поверженный огненосец[5]  
Землю ударил. Дышал он безумной злобой:  
Словно смерч-лиходей,  
Мнил смести он державный град.  
Такой ему жребий пал;  
Смертью иной прочих сразил  
Бурный Арес, наш покровитель  
140 Благоусердный.  
Корифей

И седмица вождей у ворот семерых,  
Что доверилась удали в равном бою,  
Свои латы оставила Зевсу побед.  
Лишь они, нечестивцы, что, крови одной  
По отцу и по матери, копья свои  
Друг на друга направили, – смерти одной  
Испытали совместную горечь.  
Антистрофа II

Хор

Нам же дарует всеславный венец Победа,  
Светлая гостя царицы ристаний[6] Фивы,  
150 Чтоб забвения мглой  
Войн годину покрыли мы.  
Пусть пляски вихрь в тьме ночной  
Радости мзду в храмы несет;  
Ты ж, Дионис, будешь нам в Фивах  
Царь хороводов!  
Корифей

Но я вижу владыку родимой страны,  
Менекеева сына Креонта: сам бог  
Ему царство недавним решением вручил.  
Он идет. Что за думы волнуют его?  
160 Знать, не даром он старцам гонцов разослал  
И в совет их державный на площадь зовет  
Принуждением царского слова!  
Эписодий Первый

Креонт

(выходит со стороны поля боя)  
О, мужи фив! [7] Божественною волей  
Наш город вновь спасен из моря бед.  
И вот я вас созвал – от всех отдельно,  
Посланца гласом каждого – считая  
Оплотом царского престола вас.  
Так вы уж древней Лаия державе  
Хранили верность; так, затем, Эдипу;  
И наконец, по гибели отца,  
Вы так же верно сыновьям служили.  
170 Теперь двойная их скосила доля  
В один и тот же день – убийцы оба,  
Они ж и жертвы, юную десницу  
Братоубийства скверной опорочив –  
И унаследовал царей погибших  
Престол, как родственник ближайший, я.  
Я знаю: безрассудно полагать,  
Что понял мысль и душу человека,  
Покуда власти не отведал он.  
Узнайте же, как я намерен править.  
Кто, призванный царить над всем народом,  
Не принимает лучшего решения;  
180 кому позорный страх уста сжимает,  
Того всегда считал негодным я.  
И кто отчизны благо ценит меньше,  
Чем близкого, – тот для меня ничто.  
Я не таков. Да будет Зевс-всевидец  
Свидетель мне! Молчать не стану я,  
Когда пойму, что под личиной блага  
Беда к моим согражданам крадется,  
Не допущу подавно, чтобы дружбу  
Мую снискал моей отчизны враг.  
Отчизна – вот та крепкая ладья,  
Что нас спасает: лишь на ней, счастливой,  
190 и дружба место верное найдет.  
Такой закон наш город вознесет,  
И с ним согласен тот приказ, который  
Я о сынах Эдипа объявил.  
Гласит он так: героя Этеокла  
За то, что пал он, за страну сражаясь,  
Покрытый славой многих бранных дел, –  
Почтить могилкой и достойной тризной  
С славнейшими мужами наравне;  
Но брат его – о Полинике слово –  
Кто, изгнанный, вернулся в край родной  
200 чтоб отчий град и отчие святыни  
Огнем пожечь дотла, чтоб кровью граждан  
Насытить месть, а тех, кто уцелел,  
В ярмо неволи горькой впрячь, – о нем  
Народу мой приказ: не хоронить,  
Ни плачем почитать; непогребенный,  
Оставлен на позор и на съеденье  
Он алчным псам и хищникам небес.  
Вот мысль моя, и никогда злодея  
Не предпочту я доброму средь нас.  
Кто ж верен родине, тому и в жизни  
210 и в смерти я всегда воздам почет.  
Корифей

Ты так решил, Креонт, сын Менекея,  
И о враге отчизны, и о друге;  
В твоих руках закон; и над умершим,  
И над живыми – нами, – власть твоя.  
Креонт

Так бдите же над исполнением слова!  
Корифей

Не молодых ли это плеч обуза?

Креонт

Конечно; к трупам стражу я приставил.  
Корифей

А нам ты что приказываешь, царь?  
Креонт

Ослушникам закона не мирволить.  
Корифей

220 Кто ж в казнь влюблен? Таких безумцев нет.  
Креонт

Наградой казнь ослушнику, ты прав;  
Но многих и на смерть влечет корысть.  
Страж

(появляясь со стороны поля)  
По правде не могу я, государь,  
Сказать, чтоб от чрезмерного усердия  
Я запыхавшись прибежал сюда.  
Нет: остановок на пути немало  
Внушала мне забота, и не раз  
Уж восвояси я хотел вернуться.  
То так, то сяк душа мне говорила:  
«Глупец! куда спешишь? Ведь на расправу!  
Несчастный! Что ты медлишь? Вдруг Креонт  
230 Узнает от другого, – будет хуже!»  
Так мысль свою ворочал я, досужий  
Шаг замедляя, – а в таком раздумьи  
И краткий путь способен долгим стать,  
Но верх взяла решимость: я пришел.  
Хоть и сказать мне нечего, а все же  
Скажу: пришел сюда не без надежды  
Не испытать, чего не заслужил.  
Креонт

О чем же речь? Ты оробел, я вижу!  
Страж

Узнай сначала про меня: то дело  
Свершил не я, а кто свершил – не знаю.  
240 Ответ держать поэтому не мне.  
Креонт

Что за увертки, что за оговорки!  
Не мешкай: что за новость, объяви!  
Страж

Тут поневоле мешкать будешь: страшно!  
Креонт

Так говори – и убирайся прочь!  
Страж

Ну вот, скажу: похоронен тот труп.  
Печальник скрылся. Слой песку сухого  
На мертвеце и возлияний след.  
Креонт

Что ты сказал? Кто мог дерзнуть? Ответствуй!  
Страж

Почем мне знать? Ни рытвины кругом  
250 От заступа или лопаты; почва  
Тверда, суха ступне и колесу:  
Кто здесь и был, тот не оставил следа.  
Так вот, когда дневальщик первый дело  
Нам показал – всем и чудно и жутко

Внезапно стало: мертвеца не видно!  
Не то, чтоб в землю он ушел: лишь сверху  
Был тонким слоем пыли он покрыт,  
Как бог велит во избежанье скверны.  
И ни от пса, ни от другого зверя  
Следов не видно – ни зубов, ни лап.  
Тут друг на друга мы с обидной бранью  
260 Набросились, страж стража обвинял;  
Вот-вот, казалось, до ручной расправы  
дойдет – кому же было нас унять?  
На каждого вину взвалить пытались –  
И каждый отрицал ее. Готов был  
Всяк раскаленное держать в руках железо, [8]  
И сквозь огонь пройти, и бога в клятве  
Свидетелем призвать, что он невинен,  
Что он ни в замысле, ни в исполнении  
Не принимал участия. Спорим, спорим, –  
Нет, не выходит ничего. Тут слово  
Сказал один из нас – такое слово,  
Что в страхе все поникли головой:  
270 Перечить не могли, а что бедою  
Оно чревато – было ясно всем.  
Его же слово – вот оно: с повинной  
К тебе прийти и обо всем сказать.  
Что было делать? Покорились, жребий  
Метнули – мне досталась благодать.  
И вот я здесь, что враг во вражьем стане;  
Еще бы! Всем противен вестник зла.  
Корифей

Недоброе нам сердце ворожит;  
Подумай, царь, не бог ли тут замешан.  
Креонт

280 Умолкни! Гневом душу мне наполнишь.  
Ужель с годами ум твой отупел?  
Что за кощунство! Чтобы сами боги  
заботились об этом мертвеце!  
Что ж, благодетеля они в нем чтили,  
Что перстью упокоили его –  
Его, пришедшего в наш край, чтоб храмы  
В убранстве их колонн огнем разрушить,  
Разграбить приношенья, разорить  
Мать-землю, надругаться над законом?  
А коль злодей он – видано ли дело,  
Чтоб о злодее боги так пеклись?  
Нет, нет, не то. – Уже давно среди граждан  
290 я ропот слышу. [9] Им мое решение  
Противно, видно, и строптивой вые  
Претит ярмо. Нелюб им новый царь.  
(Показывая на стража)  
Они и их – я это ясно вижу –  
Посулом мзды презренной обольстили,  
Чтоб мой приказ нарушили они.  
Да, деньги, деньги! Хуже нет соблазна  
Для смертного. Они устои точат  
Стен крепкозданных и из гнезд родных  
Мужей уводят; их отравы в душу  
Сочится добрых, страсть к дурным деяньям  
300 внушая ей; они уловкам учат,  
Как благочестья грань переступить.  
Но все же те, кого соблазн наживы  
Заманит в грех такой – хоть и не сразу –  
Добьются кары строгого судьи.  
(Стражу)  
Теперь заметь: как свят мне Зевса облик! –  
Ты видишь, клятвой я связал себя –  
Моим глазам представите вы вскоре  
Виновника запретных похорон;  
Не то – вам смерти не простой награда  
Назначена: живые вы на дыбе

Заплатите за дерзновенье мне.

310 Я научу вас знать, где к месту алчность,  
И воровать с разбором, твердо помня,  
Что не везде подачка нам сладка.  
Опасна гнусная корысть, и чаще  
Ты с ней беду, чем прибыль наживешь.  
Страж

Ответить дашь? Иль сразу уходить?  
Креонт

Разгневал ты и так меня довольно!  
Страж

Слух ли болит иль сердце у тебя?  
Креонт

Еще искать ты вздумал место боли?  
Страж

Я огорчил твой слух, виновник – сердце,  
Креонт

320 Болтать на диво мастер, ты, я вижу!  
Страж

Пусть так; но труп похоронил не я.  
Креонт

Неправда, ты, продав за деньги душу.  
Страж

Увы!  
Беда, когда судья нездорово судит.  
Креонт

Толкуй себе, что здорово, что нездорово,  
Но отыщи виновника, – не то  
Поймешь: корысть чревата злой невзгодой.  
Уходит во дворец.

Страж

И я согласен, чтоб его поймали.  
Но будет ли он пойман, или нет –  
Ведь в этом властен бог один – с возвратом  
330 Меня не жди. И то уж я не думал,  
Что жизнь цела останется моя;  
Спасибо, боги, вам за милость вашу!  
(Поспешно уходит.)  
Стасим Первый

Хор

Строфа I

Много в природе дивных сил, [10]  
Но сильнее человека – нет.  
Он под вьюги мятежный вой  
Смело за море держит путь;  
Кругом вздымаются волны –  
Под ними струг плывет.  
Почтенную в богинях, Землю,  
Вечно обильную мать, утомляет он;  
340 Из году в год в бороздах его пажити,  
По ним плуг мул усердный тянет.  
Антистрофа I

И беззаботных стаи птиц,  
И породы зверей лесных,  
И подводное племя рыб

Власти он подчинил своей:  
На всех искусные сети  
Плетет разумный муж.  
Свирепый зверь пустыни дикой  
350 Силе его покорился, и пойманный  
Конь густогривый ярму повинуется,  
И царь гор, тур неукротимый.  
Строфа II

И речь, и воздушную мысль,  
И жизни общественной дух  
Себе он привил; он нашел охрану  
От лютых стуж – ярый огонь,  
От стрел дождя – прочный кров.  
360 Благодолен! Бездолен не будет он в грозе  
Грядущих зол; смерть одна  
Неотвратна, как и встарь,  
Недугов же томящих бич  
Теперь уж не страшен.  
Антистрофа II

Кто в мудрость искусство возвел,  
Превыше бессильных надежд,  
Тот путь проторил и к добру и к худу.  
Кто Правды дочь, клятву, чтит,  
Закон страны, власть богов, –  
370 Благороден! Безроден в кругу сограждан тот, [11]  
Кого лихой Кривды путь  
В сердце дерзостном пленил:  
Ни в доме гость, ни в вече друг  
Он мне да не будет!  
Эпизодий Второй

Со стороны поля появляется Страж, ведущий Антигону.

Корифей

Непонятное диво мне разум слепит.  
Это ты, Антигона? Зачем не могу  
Уличающих глаз я во лжи уличить!  
380 О Эдипа-страдальца страдальца-дочь!  
Чего ради, царевна, схватили тебя?  
Неужели дерзнула ты царский закон  
Неразумным деяньем нарушить?  
Страж

Да, да, она виновница; ее мы  
Застали хоронящей. Где Креонт?  
Корифей

Он вовремя выходит из дворца.  
Креонт

С какой потребностью совпал мой выход?  
Страж

Да, государь; ни в чем не должен смертный  
Давать зарок: на думу передума  
Всегда найдется. Вот возьми меня:  
390 Я ль не клялся, что ни за что на свете  
Не возвращусь сюда? Такого страху  
Твои угрозы на меня нагнали.  
Но сам ты знаешь: всех утех сильнее  
Нежданная-негаданная радость.  
И вот я здесь, и клятвы все забыты,  
И эту деву я привел: у трупа  
Лелеяла покойника. Без жребья,  
Без спора мне присуждена находка.  
Ее тебе вручаю я: суди,  
Допрашивай, меня же от опалы  
400 Освободи и отпусти домой.

Креонт

Ее привел ты... как и где найдя?  
Страж

Труп хоронящей – этим все сказал я.  
Креонт

Ты понимаешь, что ты говоришь?  
Страж

Сам видел, хоронила труп она,  
Тебе наперекор. Ужель не ясно?  
Креонт

Как ты увидел? Как схватил ее?  
Страж

Так было дело. Я туда вернулся  
Под гнетом яростных угроз твоих.  
Смели мы пыль, что покрывала труп,  
410 И обнажили преющее тело.  
Затем расселись на хребте бугра,  
Где ветер был покрепче – от жары ведь  
Тлетворный запах издавал мертвец.  
Чуть засыпал кто – руганью усердной  
Его будил сосед – знай дело, значит.  
Так время проходило. Вот уж неба  
Средину занял яркий солнца круг,  
И стал нас зной палить. Внезапно смерч  
С земли поднялся, в небо упираясь  
Своей верхушкой. Всю равнину вмиг  
420 С собой наполнил он, весь беспредельный  
Эфир; кругом посыпались с деревьев  
Листва и ветви. Мы, глаза зажмурив,  
Старались божью вынести напасть.  
Прождали мы немало; наконец,  
Все успокоилось. Глаза открыли –  
И что же? Дева перед нами! Плачет  
Она так горько, как лесная пташка,  
Когда, вернувшись к птенчикам, застанет  
Пустым гнездо, осиротелым ложе.  
Так и она, увидев труп нагим,  
Взрыдала, проклиная виноватых,  
И тотчас пыли горстию сухой  
430 И, высоко подняв кувшин узорный,  
Трехкратным возлияньем труп почтила.  
Увидев это, бросились мы к ней.  
Она стоит бесстрашно. Мы схватили  
Ее, и ну допрашивать: о прежнем  
Обряде, о вторичном – и во всем  
Она призналась. И отрадно мне,  
И жалко стало. Да и впрямь: ведь сладко,  
Что сам сухим ты вышел из беды;  
А все же жаль, когда беду накличешь  
Ты на людей хороших. – Ну, да что!  
440 Всегда своя рубашка к телу ближе.  
Креонт

(Антигоне)  
Ты это! Ты!... Зачем склоняешь взор?  
Ты это совершила или нет?  
Антигона

Да, это дело совершила я.  
Креонт

(Стражу)  
Теперь иди, куда душе угодно:  
С тебя снимаю обвиненье я.  
Страж уходит. Креонт обращается к Антигоне:

А ты мне ясно, без обиняков  
Ответь: ты о моем запрете знала?  
Антигона

Конечно, знала; всем он ведом был.  
Креонт

Как же могла закон ты преступить?  
Антигона

450 Затем могла, что не Зевес с Олимпа  
Его издал, и не святая Правда,  
Подземных сопредстольница богов.  
А твой приказ-уж не такую силу  
За ним я признавала, чтобы он,  
Создание человека, мог низвергнуть  
Неписанный, незыблемый закон  
Богов бессмертных. Этот не сегодня  
Был ими к жизни призван, не вчера:  
Живет он вечно, и никто не знает,  
С каких он пор явился меж людей.  
Вот за него ответить я боялась  
Когда-нибудь пред Божиим судом,  
А смертного не страшен мне приказ.  
Умру я, знаю. Смерти не избегнуть,  
460 Хотя б и не грозил ты. Если жизнь  
Я раньше срока кончу – лишь спасибо  
Тебе скажу. Кто в горе беспросветном  
Живет, как я, тому отрадой смерть.  
Нет, не в досаду мне такая участь.  
Но если б брата, что в одной утробе  
Со мной зачат был – если б я его,  
Умершего, без чести погребенья  
Оставила – вот этой бы печали  
Я никогда осилить не смогла.  
Ты разума в словах моих не видишь;  
Но я спрошу: не сам ли неразумен,  
470 кто в неразумии корит меня?  
Корифей

Отца мятежного мятежный дух  
В тебе живет: не сломлена ты горем.  
Креонт

(Антигоне)  
Ну, так узнай: чем круче кто в гордыне,  
Тем ближе и падение его.  
Пусть раскалится в огненном горниле  
Железа сила: будет вдвое легче  
Его ломать и разбивать тогда.  
И пылкого коня лихую удаль  
Узда смиряет малая: не след  
Кичиться тем, кто сильному подвластен.  
(К старцам)  
Что ж нам о ней поведать? Провинилась  
480 уж в первый раз сознательно она,  
Когда закон, известный всем, попраля;  
Теперь же к той провинности вторую  
Прибавила она, гордясь делом  
Содеянным и надо мной глумясь.  
Не мужем буду я – она им будет –  
Коль власть мою ей в поруганье дам.  
Нет; будь сестры она мне ближе, ближе  
Нам всем родного домового Зевса: [12]  
Они с Исменой не избегнут кары,  
И кары строгой. Обе виноваты:  
490 Они вдвоем обдумали тот шаг.  
(Страже)  
Вы, позовите мне сюда Исмену.  
Я только что ее в покоях видел  
Безумною от крайнего волнения.

Да, кто во тьме недоброе замыслит,  
В своей душе предателя взрастит;  
Но хуже тот, кто, пойманный с поличным,  
Прикрасы слов наводит на вину.  
Антигона

Ты кару ищешь мне сильнее смерти?  
Креонт

Нет, этого достаточно за все.  
Антигона

Зачем же ждать? Мне речь твоя противна;  
500 Не примирюсь я с нею никогда.  
Так и тебе не по сердцу мой подвиг. –  
И все ж – могла ли я славнее славу  
Стяжать, чем ныне? Я родного брата  
Могилою почтила.  
(Указывая на хор)  
Если б страх  
Язык им не сковал, они б признались  
Что мыслями со мною заодно.  
Завидна жизнь царей: они лишь могут  
И говорить, и делать, что хотят.  
Креонт

Ужели всех кадмейцев ты умнее?  
Антигона

Спроси у них – пусть разомкнут уста.  
Креонт

510 Не стыдно ль мыслить розно ото всех?  
Антигона

Почтить родного брата – не позорно.  
Креонт

А тот не брат, что с ним в бою сразился?  
Антигона

О да, и он: одна и та же кровь.  
Креонт

За что ж его ты оскорбила тень?  
Антигона

Меня покойный не осудит, знаю.  
Креонт

Как? Нечестивца ты сравнила с ним!  
Антигона

Погиб мой брат, а не какой-то раб.  
Креонт

Погиб врагом, а тот спасал наш город!  
Антигона

И все ж Аида нерушим закон.  
Креонт

520 Нельзя злодеев с добрыми равнять!  
Антигона

Почем мы знаем, так ли там судили?  
Креонт

Вражда живет и за вратами смерти!  
Антигона

Софокл Антигона Трагедия filosoff.org  
Делить любовь – удел мой, не вражду.  
Креонт

(указывая на землю)  
Ступай же к ним и их люби, коль надо;  
Пока я жив, не покорюсь жене!  
Из дворца выводят Исмену.

Корифей

Посмотрите: Исмена у входа, друзья!  
Сердобольные слезы[13] текут из очей;  
Ее щеки в крови; над бровями печаль,  
Словно туча, нависла, горячей струей  
530 Молодой ее лик орошая.  
Креонт

(Исмене)  
А, это ты в тени укромной дома  
Змеей ползучей кровь мою точила,  
И я не ведал, что рошу две язвы,  
Две пагубы престола моего!  
Скажи мне ныне: признаешь себя ты  
Сообщницей в том деле похорон,  
Иль клятву дашь, что ничего не знала?  
Исмена

Коли она призналась – то и я.  
Ее вину и участь разделяю.  
Антигона

Нет, не разделишь – Правда не велит:  
Ты не хотела – я тебя отвергла.  
Исмена

540 Но ты несчастна – и в твоём несчастье  
Я не стыжусь быть дольщицей беды.  
Антигона

Любовь не словом дорога, а делом;  
О деле ж знает царь теней, Аид.  
Исмена

О, не отталкивай меня! Мы вместе  
Умрем и смертью мертвого почтим.  
Антигона

Ты не умрешь. Чего ты не коснулась,  
Своим не ставь; за все отвечу я.  
Исмена

Какая жизнь мне без тебя мила?  
Антигона

Спроси Креонта: он тебе опора.  
Исмена

550 К чему насмешки! Легче ли от них?  
Антигона

Верь, горше слез нас мучит смех такой.  
Исмена

Чем же утешу я тебя хоть ныне?  
Антигона

Себя спаси; тебе я жить велю.  
Исмена

О горе, горе! жить с тобой в разлуке?  
Антигона

Ты жизни путь избрала, смерти – я.  
Исмена

Но я тебя отговорить пыталась.  
Антигона

Кто прав из нас, пускай рассудят люди.  
Исмена

Но в этом деле обе мы виновны.  
Антигона

Нет. Ты жива, моя ж душа давно  
560 Мертва; умерших чтит моя забота.  
Креонт

Ума решились эти девы, вижу:  
Одна – теперь, другая – с малых лет.  
Исмена

Да, государь, ты прав; врожденный разум  
Со счастьем вместе покидает нас.  
Креонт

Впрямь, коли ты со злой влечешься к злу!  
Исмена

Мне жизнь не в жизнь с ней розно, государь.  
Креонт

Не говори ты «с ней»! Ее уж нет.  
Исмена

И ты казнить решил невесту сына?  
Креонт

Есть для посева и другие нивы!  
Исмена

570 Нет, коли все давно сговорено!  
Креонт

Дурной жены я сыну не желаю.  
Исмена

О Гемон, [14] как не дорог ты отцу!  
Креонт

Его женитьба – не твоя забота.  
Исмена

И сына ты лишишь такой невесты?  
Креонт

Лишу не я: разлучница здесь смерть!  
Корифей

Как видно, казни ей не избежать.  
Креонт

Ты понял верно. Но довольно. Стража!  
Домой их уведите... Да, еще:  
Двух женщин этих под охраной верной  
держать, свободы не давать отнюдь:  
580 И смельчаки не презирают бегства,  
Коль сознают, что смерть недалека.  
Стража уводит Антигону и Исмену.

Креонт остается на оркестре.

Стасим Второй

Хор

Строфа I

Блаженны вы, люди, чей век бедой не тронут!  
Если ж дом твой дрогнул от божьего гнева,  
Смена жизней лишь приумножит наследье кары.  
Мятежится за валом вал,  
Точно лютых вьюг разгул  
Подводный ад на гладь лазурных волн извлеч.  
580 На свет ил дна всплывает черный,  
Страждет скал прибрежных кряж,  
Протяжным стоном вою бури вторя.

Антистрофа I

Я вижу растущую в роде Лабдакидов,  
За бедой беду в чередех поколений;  
Не искупит жертва сыновья [15] отчих бедствий, –  
Сам бог в погибель дом ведет.  
Рос последний в нем цветок,  
600 Последний свет он лил на весь Эдипа дом.  
Увы! Серп бога тьмы подземной  
Срезать и его готов:  
Безумье речи, – разума затменье.

Строфа II

Твою, Зевс, не осилит власть  
Человечьей гордыни дерзость  
И сон-чародей перед тобой бессилен,  
И дней неустанный ход;  
Старости чужд, вечно державен ты,  
Вечно тебя Олимпа  
610 Свет лучезарный нежит.  
Человеку ж дан и в прошлом,  
И ныне, и впредь закон:  
Бди, борись – все тщетно;  
В уделе Земном все под Бедой ходит.

Антистрофа II

Надежд сонм обольщает ум,  
Но одним он бывает в пользу,  
Другим – на беду легкообманной страсти.  
Грядешь ты, не чуя зла, –  
И в ярый огонь ступишь негаданно.  
620 Видно, недаром предкам  
Мудрость внушила слово:  
Благодать во зле мы видим,  
Когда ослепленный ум  
В гибель бог ввергает;  
Недолго нам ждать: близко Беда ходит.  
Эписодий Третий

Со стороны города появляется Гемон.

Корифей

Но я Гемона вижу; в гнезде он твоим  
Стал единственным ныне... [16] Как тускл его взор!  
Знать, о доле невесты проведаль жених;  
630 Знать, не сладко с надеждой прощаться!  
Креонт

Узнаем вскоре сами без пророков.  
Мой сын, ужель ты гневен на отца,  
Про приговор решительный невесте  
Узнав? Иль, что бы я ни делал, прочен  
Сыновнего почтения завет?  
Гемон

Отец, я твой; ты путь мне указуешь  
Решеньем благостным, и путь тот – мой.  
Не так мне дорог брак мой, чтоб заветам  
Твоим благим его я предпочел.

Креонт

Ты прав, мой милый. Пред отцовской волей  
 640 Все остальное отступить должно.  
 Затем и молим мы богов о детях,  
 чтоб супостатов наших отражали  
 И другу честь умели воздавать.  
 А кто и в сыне не нашел опоры –  
 что скажем мы о нем? Не ясно ль всем,  
 что для себя он лишь кручину создал  
 И смех злорадный для врагов своих?  
 Нет, нет, дитя! Не допусти, чтоб нега  
 Твой ясный разум обуяла; женской  
 Не покоряйся прелести, мой сын!  
 Кто с лиходейкой делит ложе – верь мне,  
 650 Морозом веет от таких объятий!  
 Нет горше язвы, чем негодный друг.  
 Отринь и ты ее, презренья полный:  
 Она нам – враг. Пускай во тьме подземной  
 Себе другого ищет жениха!  
 Я уличил ее уликой явной  
 В том, что она, одна из сонма граждан,  
 Ослушалась приказа моего;  
 Лжецом не стану я пред сонмом граждан: [17]  
 Пойми меня, мой долг – ее казнить.  
 И пусть взывает к родственному Зевсу: [18]  
 Когда в родстве я зародиться дам  
 Крамоле тайной – вне родства бесспорно  
 660 Еще пышнее расцветет она.  
 Нет. Кто в кругу домашних безупречен,  
 Тот и гражданский долг исполнит свято;  
 Напротив, кто в безумном самомненье  
 Законы попирает, кто властям  
 Свою навязывает волю – мною  
 Такой гордец отвержен навсегда.  
 Кого народ начальником поставил,  
 Того и волю исполняй – и в малом,  
 И в справедливом деле, и в ином. [19]  
 Кто так настроен, [20] тот – уверен я –  
 Во власти так же тверд, как в подчиненье.  
 670 Он в буре брани на посту пребудет,  
 Соратник доблестный и справедливый.  
 А безначалье – худшее из зол.  
 Оно народы губит, им отраву  
 В глубь дома вносит, союзной рати  
 В позорном бегстве узы рвет оно.  
 Но где надежно воинство – его там  
 Ряды блюдет готовность послушанья.  
 Храни же свято стяг законной власти,  
 Не подчиняя женщине ума.  
 Уж если пасть нам суждено – от мужа  
 680 Падем, не в женской прелести сетях!  
 Корифей

Нам мнится, если возраст нам не враг,  
 Твоими разум говорит устами.  
 Гемон

Ах, разум, разум... Да, отец мой, высший  
 То дар богов для смертных, спору нет;  
 И что неправ ты – это доказать  
 Не в силах я – и не хочу быть в силах.  
 Но прав, быть может, также и другой?  
 Поверь, отец: что делает народ,  
 что говорит и чем он недоволен,  
 690 мне лучше видно. Страх простолюдину  
 Твой взор внушает, [21] прерывает речи,  
 что неуютны слуху твоему.  
 А я, в тени, и вижу все, и слышу.  
 Я слышу, да, как все ее жалеют,  
 Все говорят: «Ужель погибнет та,

что гибели всех менее достойна? –  
Ужель за подвиг столь прекрасный – кару  
Столь жалостную понесет она? –  
Ту, что, родного брата в луже крови  
Найдя, непогребенным не снесла,  
Не потерпела, чтоб от псов голодных  
Он поруганье принял и от птиц –  
Ее ль златым мы не почтим венком?»  
700 Так глухо бродит темная молва.  
Отец! Ведь мне всего добра на свете  
Дороже благоденствие твое.  
И быть не может иначе: ведь слава  
Цветущего отца – величье сына,  
Как и отцу отраден сына блеск.  
Не будь же однодумен: не считай,  
Что правда только в том, что ты сказал.  
Кто лишь в себе высокий разум видит,  
Иль чары слова, иль души величье –  
Тот часто вдруг оказывался пуст.  
710 Ты – человек, и как бы ни был мудр ты, –  
Позора нет познать и уступить.  
Когда поток весенних вод избыток  
Стремит в долину – гибкие лишь лозы  
Его выносят, а деревьяе силу  
Он, с корнем вырывая, истребляет.  
Когда моряк натянет корабельный  
Канат и не захочет отпустить –  
Не миновать ладье перевернуться.  
Нет, уступи, смири свой гордый дух!  
Дозволь и мне, хоть я и молод, словом  
Тебя правдивым вразумить, отец:  
720 Всех совершенней я того считаю,  
кто сам в себе клад мудрости хранит.  
Но он немногим достается; прочим –  
И доброму совету внять хвала.  
Корифей

Полезно обоюдное ученье,  
Коль доля правды у обоих есть.  
Креонт

Седые старцы мы; не время нам  
У молодого разуму учиться!  
Гемон

Одной лишь правде! Если ж молод я, –  
Смотреть на дело должно, не на возраст.  
Креонт

730 А дело ли ослушника почтить?  
Гемон

Почтить дурных я не просил, отец.  
Креонт

Ну, а ее ты к ним не причисляешь?  
Гемон

Ни я, ни всенародный глас фивян.  
Креонт

Народ ли мне свою навяжет волю?  
Гемон

Ты ныне слово юное сказал.  
Креонт

Своей мне волей править, иль чужою?  
Гемон

Единый муж – не собственник народа,

Креонт

Как? «Мой народ» – так говорят цари!  
Гемон

Попробуй самодержцем быть в пустыне!  
Креонт

740 Жене ты покорился, вижу я!  
Гемон

Коль ты – жена; я о тебе забочусь.  
Креонт

Ты, негодяй?[22] И судишься с отцом?  
Гемон

Так должно; Правды ты завет нарушил.  
Креонт

Нарушил, если власть я чту свою?  
Гемон

Хорош почет, коль ты богов бесчестишь!  
Креонт

Презренный, женской прелести угодник!  
Гемон

Все ж не дурному делу я служу.  
Креонт

Ты в каждом слове лишь о ней радеешь!  
Гемон

Нет; и о нас с тобой, и о богах.  
Креонт

750 Живой ее ты не получишь в жены!  
Гемон

Она умрет... пусть так! Но не одна.  
Креонт

Еще угрозы? Вот венец дерзанию!  
Гемон

Угрозы? Нет; тщете ответ бессильный.  
Креонт

Тщеты питомец не учитель мне!  
Гемон

757 Ты говорить лишь хочешь, а не слушать?  
Креонт

756 Раб женщины, не раздражай меня!  
Гемон

755 Отец!... другого б я назвал безумцем.  
Креонт

758 Что ж, называй! Но не на радость, верь мне,  
К хуле и брань прибавил ты.  
(Страже)

Эй вы!

760 Сюда преступницу ведите! Тотчас  
На жениха глазах ее казню.  
Гемон

Нет, этого не будет! Глаз моих

Уж не увидят боле ни невеста  
В мученьях казни горестной, ни ты:  
Других ищи союзников безумью!  
Уходит.

Корифей

Его шаги торопит гнев, владыка –  
Советник лютый в юных дней пылу.  
Креонт

Что ж, в добрый час! Пускай в своей гордыне  
И дерзости себя хоть богом мнит:  
Их он и этим не спасет от казни.  
Корифей

770 «Их», ты сказал? Ужель казнишь обеих?  
Креонт

Ты прав: лишь ту, что прикоснулась к трупу.  
Корифей

Какую ж ей ты приготовил казнь?  
Креонт

За городом, в пустыне нелюдимой,  
Врыт в землю склеп; [23] из камня свод его.  
Туда живую заключу, немного  
Ей пищи дав – так, как обряд велит,  
Чтоб города не запятнать убийством,  
Пусть там Аиду молится – его ведь  
Она считает богом одного!  
Быть может, он спасет ее от смерти.  
А не спасет – на опыте узнает,  
780 что почитать подземных – праздный труд.  
Уходит во дворец.

Стасим Третий

Хор

Строфа

Эрот, твой стяг [24] – знамя побед!  
Эрот, ловец лучших добыч,  
Ты и смертному сердце жжешь  
С нежных щек миловидной девы.  
Подводный мир чует твой лет; в чаще лесной гость ты;  
Вся бессмертная рать воле твоей служит;  
Всех покорила людей ты –  
790 и, покорив, безумишь.  
Антистрофа

Тобой не раз праведный ум  
В неправды сеть был вовлечен;  
Ты и ныне лихую рознь  
В эти души вселил родные.  
Преграды снес негой любви взор молодой девы –  
Той любви, что в кругу высших держав судит.  
Нет поражений играм  
800 царственной Афродиты!  
Эписодий Четвертый

Из дворца выходит, окруженная стражей, Антигона.

Корифей

О, что вижу? И сам послушания долг  
Позабыть я готов, и из старческих глаз  
Неудержно струится горячий родник.  
Антигону ведут – ах, не в дом жениха:

Ее ждет всеприемлющий терем!  
Коммос

Строфа I

Антигона

В последний путь, старцы земли родимой, [25]  
Я собралась теперь.  
Этот солнца лучистый круг,  
Ах, в последний вижу я раз.  
810 Все прошло: живуяю меня  
В дом ведет свой мрачный Аид  
К берегу плача.  
Нет мне проводной песни,  
Подруг игры не услышит мой  
Свадебный терем,  
О, нет: владыке невеста я мрака.  
Корифей

Но ты чести стяжала нетленный венец,  
С ним нисходишь ты славно в обитель теней.  
Не ползучая хворь иссушила тебя,  
820 Не жестокий булат твою грудь изрубил:  
Ты нисходишь живая, одна среди жен,  
Своему повинуюсь закону.  
Антистрофа I

Антигона

Погибла так в горя расцвете, молвят,  
Гостя с фригийских гор: [26]  
Где белеет Синила кряж,  
Там живуяю камня побег,  
Точно цепкий плющ, охватил,  
Бурный дождь струится по ней,  
Снег белеет, –  
830 Так говорят сказанья.  
Поныне там от бессонных слез  
Камень влажнеет;  
Такую гибель и мне судил демон.  
Корифей

Не забудь: то богиня, бессмертных дитя, [27]  
Мы же смертные люди и дети людей;  
А ведь грешен запретной гордынею тот,  
кто с богами [28] и в жизни равняет себя

И в загробной всесилиии доли.  
Строфа II

Антигона

Глумишься ты? Ради богов отчизны нашей!  
840 Скоро меня не будет;  
долго ли ждать вам?  
О мой родимый край,  
О счастливое племя,  
О волны диркеи! О роща  
Царицы ристаний, фивы!  
Я вас зову в свидетели,  
В какой меня могильный склеп, в страшный плен  
ведут, поправ людской закон,  
и нет слезы мне от друзей!  
850 О, что ждет меня?  
Уж не числюсь среди живых я,  
Еще не став между мертвых мертвой.  
Хор

Прейдя земной отваги грань,  
К престолу Правды вековой [29]

Припала ты теперь, дитя.  
Отца, зная, искупаешь горе.  
Антистрофа II

Антигона

Коснулись вы самой больной моей кручины,  
Той незабвенной смерти,  
Рока – его же  
860 Тяжесть несем мы все,  
Славный род Лабдакидов.  
О терем проклятья! О ложе!  
О ласки родимой крови,  
От матери сыну жаркий дар!  
От них ведь я несчастных дней нить веду.  
И вот безбрачной девой к ним  
Меня проклятье гонит – в ад;  
А ты, бедный брат,  
870 Негу брака познал[30] – и ею  
живую, ах! мертвый к мертвым сводишь.  
Хор

почет богам – наш долг святой.  
Но кто приемлет власти скипетр,  
Тот власти должен честь блюсти.  
Тебя ж дух гордой мысли губит.  
Эпод

Антигона

Ах, без друзей, без песни брачной  
Меня несчастную уводят  
В последний, подневольный путь!  
Этого ока святого сияние боле  
880 я не вправе видеть;  
Боги! И никто меня почтить не хочет  
Хоть слезой участия!  
Креонт

(выходя из дворца)  
Конечно! Дайте волю человеку  
Пред смертью чувства излить свои –  
конца не будет жалобам и плачу!  
(Страже)  
Теперь довольно. Уведите деву  
Скорей под полого кургана сень,  
Как я сказал вам, и одну оставьте.  
Там полная ей воля будет. Хочет –  
Пусть тотчас примет смерть; а то и дальше  
живет во мраке птицей гробовой.  
Нам от нее не будет осквернения:  
Я крови родственной не пролил, только  
890 От мира жизни отлучил ее.  
Антигона

О склеп могильный! Терем обручальный!  
О вечный мрак обители подземной!  
Я к вам схожу – ко всем родным моим,  
Которых столько, в лютой их кончине,  
Приветила царица мглы ночной.  
Теперь и я... Казалось, жизни этой  
конец далек, и что же? Злейшей смертью  
Последовать за ними я должна.  
И все ж – не каюсь я. Я верю, милой  
Приду к отцу, к тебе, родная, милой,  
К тебе желанной, брат родимый мой.  
900 Родители, когда почтили вы,  
Своими я омыла вас руками,  
Убрала вас и возлияний дань  
Вам принесла. А за твою, о брат мой,  
Своей я жизнью заплатила честь...

[И все ж – не каюсь я.[31] Разумный скажет,  
Что и тебя почтила я разумно.  
Да, будь детей я матерью – вдовою  
Убитого супруга – я б за них  
Не преступила государства воли;  
Вам ведом крови родственной закон?  
Ведь мужа и другого бы нашла я,  
И сына возместила бы утрату,  
910 Будь и вдовой я, от другого мужа.  
Но раз в аду отец и мать мои –  
Другого брата не найти мне боле.  
Таков закон. Ему в угоду честию  
Тебя великою почтила я.  
Тень братняя! Виной зовет креонт  
Поступок мой и дерзкою отвагой.]  
И вот меня схватили и ведут  
На смерть – до брака, до веселья свадьбы,  
Не дав изведать мне ни сладких уз  
Супружества, ни неги материнства;  
Нет, сирая, без дружеской слезы  
920 Я в усыпальницу схожу умерших.  
Но где ж тот бог, чью правду, горемыка,  
Я преступила? Ах, могу ли я  
Взирать с надеждой на богов, искать в них  
Заступников? За благочестья подвиг  
Нечестия я славу обрела!...  
Что ж! Если боги – за царя, – то в смерти  
Познаю я вину и искуплю.  
Но если он виновен, – горя чашу  
Мою – не более испить ему.  
Корифей

Не стихает, я вижу, мятежный порыв  
930 В Антигоны душе.  
Креонт

Не стихает он, да, по ведущим вине,  
И за медленность их наказание ждет.  
Антигона

О бездушное слово! Уж в гибели пасть  
Ты ввергаешь меня!  
Креонт  
Да, пожалуй. Совет мой – покончить совсем  
С безрассудной надеждой на лучший исход.  
Антигона

Что ж, идем; я готова. О боги отцов!  
Вы простите – прости ты, родная земля!  
940 О, смотрите, фиванцы! Царевна идет –  
Остальная наследница древних владык.  
Вот судья мой – и вот преступленье мое:  
Благочестию честь воздала я!  
Стасим Четвертый

Хор

Строфа I

И данае-красе[32] светоч небесный –  
Меднокованных врат тьмой заменить пришлось.  
Терем могильный  
Скрыл невесту от глаз людских в те дни.  
А ведь рода почет был ей велик, дитя,  
950 И ей лоно затем Зевса согрел дождь золотой.  
Знать, могуча вовек рока над нами власть.  
Над ней ни злато, ни булат,  
Ни крепкий вал, ни легкий струг,  
Забава волн, нам не даст победы.  
Антистрофа I

Гневен был он и царь Фракии дикой,  
Сын Дрианта, Ликург; [33] сам Дионис его  
Смелость изведаль.  
Все ж в затворе и он окончил дни.  
В хладном камне остыл гнева багровый жар;  
960 Цвет дерзання поблек; понял тщету мыслей своих  
Царь, что бога хулил в злобе безумной он,  
Громя вакханок грозный пыл,  
Ретивых светочей восторг,  
Святую песнь Муз поляны горной.  
Строфа II

Там, где в каменных Врат голубеющем мареве [34]  
Двум преграду морям положили бессмертные,  
970 Где Босфора пловцов в мгле Салмидесс ждет,  
Там видел сосед-Арес  
Братьев-Финидов рану.  
Лихая их мачеха сгубила.  
Потух в зрачках страдальцев ясный солнца свет;  
Их смял не меч – нет, руки кровавой  
Коварный взмах, кознь иглы рабочей.  
Антистрофа II

В склепе чахли они – и жестокою матери  
980 Долю в плаче глухом вспоминали. Вела она  
Славный род [35] от вельмож древледержавных,  
Царевны афинской дочь.  
Взрастила в пещере дальней  
Крутой горы вьюг отцовских стая  
Лихая Бореаду, легкую как вихрь.  
Но брак приспел – и познала рока  
Царица власть, о дитя родное! [36]  
Во время исполнения стасима стража медленно уводит Антигону.

Эпизодий Пятый

Тиресий

(входит, ведомый мальчиком)  
Мы к вам пришли, фиванские вельможи,  
Путем совместным. Двое нас, но пара  
980 Очей одна – и зрячий вождь слепцу.  
Креонт

Что нового мне скажешь, друг Тиресий?  
Тиресий

Скажу; а ты послушайся пророка!  
Креонт

Не в первый раз тебе я повинуюсь.  
Тиресий

И оттого ты прямо правишь город. [37]  
Креонт

Недавний опыт говорит: ты прав.  
Тиресий

Так знай: опять по лезвию идешь!  
Креонт

Тревожит сердце речь твоя; в чем дело?  
Тиресий

Внемли, все скажут знаки ведовства.  
На древнем сидя волхвовском престоле,  
1000 Где вещей птицы гавань [38] для меня,  
Неведомые клики я услышал,  
Разящий, непривычный слуху глас.  
Ударами когтей окровавленных

Друг друга в злобе вешуны терзали –  
Таков был шум их мечущихся крыл.  
Мне страшно стало; огненную жертву  
На всепалющем алтаре решил  
Я принести. И что ж? Гефеста пламя  
Не вспыхнуло из тучных бедр овцы;  
Лишь на золу сочилась прелой влаги  
Струя густая и, дымясь, шипела;  
Вверх брызгала из лопнувшей плевы  
1010 Желчь черная; покровы тука жижей  
Стекали долу, обнажая мяса  
Куски кровавые. – Все это мне  
Вот этот отрок указал, как мглою  
Покрылся свет[39] пророческих вещаний.  
Ведь он – вожатый мне, народу ж – я.  
И в этой мгле, что над страной нависла,  
Твой замысел виновен, государь.  
И очаги, и алтари святые  
Осквернены заразой мертвечины:  
Недаром псы и птицы разнесли  
Царевича несчастного останки.  
Вот почему ни жертвенных молений  
1020 От нас, ни бедр воспламененных дани  
Бог не приемлет; птица не издаст[40]  
Понятных звуков в вещи перекличке,  
Вкусив отравы человеческой крови.  
Мой сын, опомнись. Не в позор ошибка –  
Нет, это общий всех людей удел.  
Но раз ошибся человек – не будет  
Он ни безумным, ни несчастным, если  
Путь к исцелению из беды найдет.  
Убожества примета – гордый нрав.  
Нет, уступи усопшему; кто станет  
1030 Лежачего колоть? Какая доблесть –  
Вторую смертью мертвого казнить?  
Совет мой благ, благой внушенный мыслью,  
И радостно его принять ты можешь –  
Полезный дар от любящей души.  
Креонт

О старче, старче! Все вы, как стрелки,  
Себе мишенью грудь мою избрали.  
Теперь и ведовством меня донять вы  
Пытаетесь, и племенем пророков  
Уж расцenen, распродан я давно.  
Торгуйте, наживайтесь; пусть к вам в дом  
Из Сард[41] электр стекается, и злато  
Из Индии, – его же скрыть в могиле  
1040 Не дам! Хотя бы Зевсовы орлы  
К престолу бога самого примчали  
Его растерзанную плоть – и этой  
Не испугаюсь скверны я, Тиресий:  
Не властен смертный бога осквернить!  
Нет, нет, не быть царевичу в могиле!  
И мудрецов крушение терпит мудрость,  
Когда прикрыть неправду дела дымкой  
Красивых слов внушает им – корысть.  
Тиресий

О, люди!  
Кто точно взвесит, кто из вас рассудит...  
Креонт

О чем вещаешь снова ты, старик?  
Тиресий

1050 Насколько лучший дар – благоразумье?  
Креонт

Насколько худший – неразумье, мнится,  
Тиресий

Своей болезни сущность ты назвал!  
Креонт

Не стану бранью отвечать пророку.  
Тиресий

А кто сказал, что я в вещаньях – лжец?  
Креонт

Волхвам стяжанье свойственно бывает,  
Тиресий

А произвол разнузданный царям!  
Креонт

Ты с государем говоришь! Забыл?  
Тиресий

Нет, помню: мне же царством ты обязан. [42]  
Креонт

О, мудр ты, мудр: когда б и честен был...  
Тиресий

1060 Не вынуждай сокрытое открыть!  
Креонт

Что ж, открывай! Но не корысти ради.  
Тиресий

Моя корысть на пользу лишь тебе.  
Креонт

Свое решение я не продаю!  
Тиресий

Запомни же. Немного вех ристальных  
Минуют в горних Солнца бегуны –  
И будет отдан отпрыск царской крови  
Ответной данью мертвецам – мертвец.  
Ты провинился дважды перед ними:  
живую душу, дочь дневного света,  
в гробницу ты безбожно заключил,  
1070 А Тьмы подземной должника под солнцем  
Удерживаешь, не предав могиле  
Нагой, несчастный, полный скверны труп.  
Он не тебе подвластен и не вышним –  
Ты заставляешь их его терпеть!  
И вот, покорный Аду и богам,  
Уж стелет сеть нещадного возмездья  
Эриний сонм – и ты падешь в нее,  
Равняя кары и обиды чаши.  
Корысть вещанье мне внушила, да?  
Дай срок: ответят из твоих покоев  
Мужчин и женщин стоны за меня.  
1080 И города соседние возропщут  
В бурливых сходах на тебя, в чьих стогнах  
Голодный пес, иль дикий зверь, иль птица  
Тлетворной плоти клочья схоронили,  
Бесчестя смрадом чистый двор богов.  
Стрелком меня назвал ты. Верно; в гневе –  
Его ж ты вызвал – много горьких стрел  
Пустил я в грудь твою. Не промахнулся  
Мой лук: от их ты жара не уйдешь.  
(Мальчику)  
Меня же, сын мой, в путь веди обратный.  
Пусть терпят спесь его, кто помоложе.  
Язык ему полезно обуздать  
1090 И мысль направить по пути благому.  
Уходят.

Корифей

Пророк ушел; пророчество осталось  
Ужасное. Прошло не мало лет  
С тех пор, как кудри черные мои  
Засеребрились; но вещаний лживых  
Я не zapomню от него, мой царь.  
Креонт

Сказал ты правду; я и сам смущен.  
Что ж, уступить?... Ах, больно!... Но больнее  
В несчастья цепи душу заковать.  
Корифей

Благоразумью следуй, государь!  
Креонт

Что делать? Молви! Я на все согласен.  
Корифей

1100 Освободи из подземелья деву;  
Погибшего могилую почти.  
Креонт

Так должен поступить я? Вправду так?  
Корифей

Да, государь, не медля. Божьи Кары  
Стремительно виновных настигают,  
Креонт

Ах, трудно побороть души упорство,  
Но с Неизвестным в спор вступать – безумье.  
Корифей

За дело, царь – не доверяй другим!  
Креонт

Пойду немедленно. Скорее, слуги!  
И те, что здесь, и прочие: секиры  
1110 Возьмите, и вперед – на скорбный холм.  
И я, – коль так решил теперь, – то узел  
Сам затянув, – сам развяжу его.  
Боюсь, что лучше доживать нам век свой,  
Храня давно завещанный закон.  
Уходит вместе со слугами по направлению к полю.

Стасим Пятый

Хор

Строфа I

Многозванный [43], краса и любовь Кадмейской девы,  
Зевса семя, молнии сын!  
Тобой Италия полна, [44]  
Ты Элевсина славишь  
1120 Луг святой, народов приют,  
На лоне Деметры сияя.  
Ты в нашей живешь земле,  
Где вакханки поют,  
Брег влажнит Исмена струя,  
И сев взошел змеиный. [45]  
Антистрофа I

Средь багрового дыма, поверх скалы двуглавой,  
Где журчит Касталии ключ, [46]  
Под звон кимвалов реешь ты  
1130 В нимф хороваде горных.  
В плущ убрал ты нисы услон, [47]

В лоз винных и пурпур и зелень –  
И все ж ты стремишься к нам,  
Чтоб при крике твоих  
Слуг бессмертных снова познать  
Веселье стогн фиванских.  
Строфа II

Бог, взлюбивший Фивы,  
Где родила тебя мать,  
Молнией сраженная, –  
1140 О, гряди! Болен град: тяжек недуг!  
Ты очистите властен его.  
С высот Парнасских чистой стопой к нам гряди,  
Презри гнев рокочущих волн пролива!  
Антистрофа II

В твою честь пылают  
Алмазных звезд хоровод;  
Ты ночных веселий царь!  
О, явись! Светлый бог, Зевса дитя!  
1150 Пусть наш град вакханок твоих  
Неистовый восторг огласит в тьме ночной,  
Твою славя честь, Дионис-владыка!  
Эксод

Со стороны поля показывается Вестник – слуга Креонта.

Вестник

Соседи дома Кадмова! по правде  
Мы не должны ни горькой, ни счастливой  
Жизнь человека называть – до смерти.  
Вот счастья баловень – вот горя сын –  
И что ж? Случайность манием единым  
Того низвергнет, этого возвысит,  
1160 А как – того не скажет и пророк.  
Доселе думал я: чья жизнь завидней  
Креонтовой! Он город от врагов  
Освободил, он в блеске самодержца  
Им управлял, среди детей цветущих.  
А ныне – все погибло. Ведь когда  
Свет радости угас для человека –  
Он не живой уж, он – бродячий труп.  
Сбирай в чертог свой все богатства мира,  
Венчай чело властителя венцом:  
1170 коль радости лишен ты – за величье  
И тени дыма[48] я не дам твое.  
Корифей

Каким же горем взыскан царский дом?  
Вестник

Кто умер... а живой – виновник смерти.  
Корифей

О, кто убийца, кто убитый? молви!  
Вестник

Смерть принял Гемон – от своей руки.  
Корифей

Своей, сказал ты? Сына, иль отца?  
Вестник

Он сам себя убил, отцу в укор.  
Корифей

О вещий старец! Правду молвил ты.  
Вестник

Пока свершилось все, как он сказал.

Корифей

Но вот царица Евридика здесь.  
 1180 Несчастливая! Случайность ли из дома  
 Ее к нам вызвала? Иль весть о сыне  
 Коснулась слуха чуткого ее?  
 Евридика

(выходя из дворца)  
 Да, граждане, я слышала ее.  
 В путь собралась я, чтоб Палладе грозной  
 Смиренной дань молитвы принести.  
 И только дверь я притянула, чтобы  
 Засовы сдвинуть – как в мой слух стрелю  
 Вонзилось слово горя моего.  
 Упала навзничь я; прислужниц руки  
 Беспамятную подхватили. Ныне  
 1190 Я вышла к вам; молю, скажите все.  
 Удар не первый от судьбы терплю я.  
 Вестник

Царица дорогая, все я видел  
 И все, как есть, по правде расскажу.  
 К чему утайкой робкой вызывать  
 Ближайшей обличение минуты?  
 Надежно ведь лишь истина стоит.  
 Слуга царя, последовал за ним я  
 На край долины, где лежал в позоре  
 Труп Полиника; псами был жестоко  
 Истерзан он. С молитвой мы воззвали  
 1200 К царю теней и к девственной Гекате, [49]  
 Распутий бдительной богине, гнев свой  
 Чтоб милостиво отпустили нам.  
 Затем, омыв в струях купели чистой  
 Все то, что от царевича осталось,  
 На свежих отпрысках маслины дикой  
 Мы упокоили в огне его.  
 Крутой насыпав холм земли родимой  
 Покойнику, мы поспешили дальше,  
 В могильный терем, где на ложе камня  
 Невеста Ада жениха ждала.  
 Вдруг, издали еще, один из нас  
 Услышал громкий вопль – из той гробницы  
 Зброшенной он доносился. Тотчас  
 Обратно устремился он к царю.  
 1210 Прибавил шагу тот. Вторично вопль  
 Раздался, жалкий и протяжный. Вскрикнул  
 Несчастный царь: «О боги! Что за звуки?  
 Недоброе вещает сердце мне!  
 О безотрадный путь! То голос сына  
 Ласкает слух мне – лаской смертоносной!  
 Бегите, слуги! [50] В устье подземелья  
 Раздвиньте камни и скорей взгляните,  
 Не Гемона ль то голос был, иль боги  
 Меня морочат». Так сказал он нам,  
 Едва живой от страха. Мы приказ  
 1220 Исполнили. И вот, в глуби гробницы  
 Пред нами оба – Гемон, Антигона.  
 Она висит, повязки крепкотканной  
 Петлею шею нежную обвив;  
 Он, как прильнул к ее груди, так держит  
 Ее в объятьях, проклиная свадьбу  
 Подземной ужас, и надежды гибель,  
 И суд суровый своего отца.  
 За нами и Креонт его увидел –  
 И с криком раздирающим к нему  
 Помчался в склеп. «Несчастный, – возопил он, –  
 Зачем ты здесь? Иль помрачен твой разум?  
 Какой безумья вихрь тебя принес?  
 1230 дитя мое, богами заклинаю,  
 Оставь могилу!» Гемон дикий взор

В него вперил и, меч за рукоятку  
Схвативши, замахнулся на него.  
Царь отступил, и в воздухе повис  
Отцеубийственный удар. Тогда лишь  
Пришел в себя он – и в порыве новом  
Отчаянья, внезапно в грудь свою  
Свои меч вонзил... Еще сознания искра  
В нем тлела, видно: слабою рукою  
Лежащий труп невесты обнял он,  
Прильнул к устам – и, испуская дух,  
Умершей девы бледную ланиту  
Румянцем жаркой крови обагрил.  
1240 Труп возле трупа – так они лежали;  
Союз их брачный Ад благословил.  
Да будет же их участь всем наукой,  
Что неразумье – злейшее из зол.  
Евридика, выслушав, молча уходит во дворец.

Корифей

Что это значит? В гробовом молчанье  
Ушла царица: это ли – ответ?  
Вестник

Дивлюсь и я; но все ж меня ласкает  
Надежды луч: знать, не велит душа  
При всем народе о несчастье сына  
Плач поднимать; ей хочется скорее  
В кругу домашних сердце облегчить.  
1250 Она разумна – не поступит криво. [51]  
Корифей

Не знаю. Мне ее уход немой  
Сильнее грудь щемит, чем если б в крике  
Она безумном горе излила.  
Вестник

Узнаем тотчас. Если вправду рану  
Души больной молчания покров  
У ней таит... Да, я войду; ты прав:  
Страшнее слез молчание такое.  
Уходит во дворец.

Коммос

Со стороны поля возвращается Креонт, неся тело Гемона.

Корифей

Приближается царь; что несет он в руках?  
Ах, то явственный след, незабвенный навек –  
Хоть и больно сказать – не чужой вины,  
1260 А своей необузданной воли.  
Строфа I

Креонт

Груз ты разума неразумного,  
Груз упорства ты смертоносного!  
Крови родственной, други, видите  
И убийцу вы, и убитого!  
О несчастный плод замыслов моих!  
Юной смертью ты, юный сын, почил.  
О дитя!  
Не своей руки пал ты жертвою,  
А моим сражен неразумием.  
Корифей

1270 О правда! Поздно ты узнал ее!  
Креонт

О да!

Ее познал я – явственно познал.  
Видно, бог тогда, бог тогда главу  
Тяжкою тяжестью поразил мою,  
На безумья путь мысль мою увлек,  
Растоптать велел жизни радости.  
Вот он, смертных труд – безотрадный труд!  
Домочадец

(выходит из дворца)

О царь, тяжелый груз в руках твоих.  
Пришел ты с горем не последним, нет, –  
1280 ждет горе новое тебя в чертоге.  
Креонт

Какое горе? Есть ли хуже худа?  
Домочадец

Лежит в крови царица Евридика,  
Младого сына истинная мать.  
Антистрофа I

Креонт

Где ты, Адова гавань мутная!  
Смертью быструю упокой меня!  
Весть несчастную возвестивший мне,  
Снявший тьмы покров с горя лютого,  
О зачем терзать сердце мертвое,  
Посылать на казнь труп безжизненный?  
1290 О жена!  
Ах, ужели там жертвой новою  
Жертвы прежней боль ты усилила?  
Открываются двери дворца.

В глубине видно тело Евридики.

Домочадец

Раскрылась дверь; [52] царица пред тобой.  
Креонт

Увы!

Какую бездну горя вижу я!  
О, чего ж еще, о, чего мне ждать?  
Сына труп в руках я держу своих –  
Очи ранит вид трупа нового;  
Отовсюду смерть на меня глядит.  
1300 Мать несчастная! Бедное дитя!  
Домочадец

На алтаре она ножом священным  
Желанный мрак на очи навела,  
Оплакав славный жребий Мегарея, [53]  
Рок Гемона – и в третьем, смертном вопле  
Детоубийцу-мужа проклиная.  
Строфа II

Креонт

Увы!

Ужас сердце жмет. Кто из вас, друзья,  
Меч отточенный в грудь мою вонзит?  
1310 О несчастный я! О постылый день!  
Приросла к душе горесть лютая.  
Домочадец

Да, государь: виновником обеих  
Тебя смертей царица назвала.  
Креонт

Но как исторгла жизнь свою она?  
Домочадец

Ударом в печень роковым – услышав  
О смерти сына жалостную весть.  
Креонт

Жалостную весть о моей вине!  
Да, никто другой не виновен в том.  
И тебя, мой друг, я один убил,  
1320 Я, – один лишь я. Слуги верные,  
Уведите в глушь поскорей меня –  
Вознесен был я, – стал ничем теперь.  
Корифей

Уйти бы лучше – если лучшим в праве  
Назвать мы зло: страданью люб конец.  
Антистрофа II

Креонт

Явись,  
Жребий мой, явись! Милость высшую,  
Дар прекраснейший принесешь ты мне, –  
1330 День предельный мой! О, явись, явись,  
Чтоб не видеть мне завтрашней зари!  
Корифей

Он не замедлит.  
(Показывая на трупы)  
Ты лишь долг насущный  
Исполни свой – а в прочем властен бог.  
Креонт

О том молюсь, чего я страстно жажду.  
Корифей

Оставь мольбы; нет смертному спасенья  
От бед, что предначертаны судьбой.  
Креонт

Да, ведите в глушь безрассудного,  
1340 что и сыну дал смерть невольную,  
И тебе, жена! О несчастный я!  
Здесь – убитый мной, там – убитая!  
Страшной тяжестью, нестерпимую  
На главу мою рок обрушился.  
Уходит во дворец в сопровождении слуг,  
несущих тело Гемона.  
Корифей

Человеку сознание долга[54] всегда –  
Благоденствия первый и высший залог.  
1350 Не дерзайте ж заветы богов преступать!  
А надменных речей беспощадная спесь,  
Беспощадным ударом спесивцу воздав,  
Хоть на старости долгу научит.  
Хор покидает оркестру.

Список сокращений

Трагедии Софокла

А. «Аякс» ЦЭ. «Царь Эдип»

АН. «Антигона» ЭК. «Эдип в Колоне»

Т. «Трахинянки» Эл. «Электра»

Ф. «Филоклет»

Софокл Антигона Трагедия filosoff.org  
Другие античные авторы и произведения

АС Античные свидетельства о жизни и творчестве Софокла

Аполлод. Аполлодор

Афин. Афиней

Гес. Гесиод

Теог. «Теогония»

Т.и Д. «Труды и Дни»

Диод. Диодор Сицилийский

Евр. Еврипид

Андр. «Андромаха»

Ипп. «Ипполит»

Иф. Авл. «Ифигения в Авлиде»

Мед. «Медея»

Финик. «Финикиянки»

Эл. «Электра»

Ж Жизнеописание Софокла

Ил. «Илиада»

Од. «Одиссея»

Павс. Павсаний

Пинд. Пиндар

Истм. Истмийские оды

Нем. Немейские оды

Ол. Олимпийские оды

Пиф. Пифийские оды

Туск. «Тускуланские беседы» (Цицерона)

Эсх. Эсхил

Аг. «Агамемнон»

Евм. «Евмениды»

Мол. «Молящие»

Пс. «Персы»

Пр. «Прометей»

Сем. «Семеро против Фив»

Хо. «Хоэфоры»

Современная литература

Бернабе Poetarum Epicorum Graecorum testimonia et fragmenta. P. I / Ed. A. Bernabe. Lpz., 1987

Софокл Антигона Трагедия [filosoff.org](http://filosoff.org)  
Джебб Sophocles. The Plays and Fragments / By Sir R. Jebb. Cambridge, 1883–1896. P. I–VII. (Repr. 1962–1966).

Доу Sophocles. Tragoediae / Ed. R. W. Dawe. Lpz., 1984–1985. Т. I–II.

Дэн Sophocle. Т. I–III. Texte établi par A. Dain. P. 1956–1960.

Пирсон Sophocles. Fabulae / Rec. A. C. Pearson. Oxf., 1928.

Р Оху The Oxyrhynchus Papyri. Egypt. Exploration Society. Oxf., 1898–1987. V. I–LIV.

TrGF Tragicorum Graecorum Fragmenta. Gottingen, 1977–1986. Т. 1–4. (По этому изданию даются ссылки на фрагменты Эсхила и других греческих трагиков, кроме Еврипида, для которого источником служит изд.: Tragicorum Graecorum fragmenta. Rec. A. Nauck. Lpz., 1889.)

ZPE Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik. Bonn, 1967–1989. Bd. 1–76.

Отечественные журналы

ЖМНП «Журнал министерства народного просвещения»

ФО «Филологическое обозрение»

Примечания

{\* фрагменты Гесиода указываются по изд.: Fragmenta Hesiodica / Ed. R. Merkelbach et M. West. Oxf., 1967; Архилох – по изд.: Iambi et elegi Graeci... / Ed. M. L. West. Oxf., 1978. V. I; Анакреонт и Симонид по изд.: Poetae melici Graeci / Ed. D. Page. Oxf., 1962. Фрагменты Аристофана, Кратина, Фриниха по изд.: The Fragments of Attic comedy... / By J. M. Edmons. Leiden, 1957. V. I. Фрагменты римских трагиков по изд.: Remains of Old Latin / Ed. and transl., by E. N. Warmington. London; Camb., Massachusetts, 1967–1979. V. I–II. Номер при имени Гигина обозначает соответствующий рассказ в его «Историях» (Fabulae).

Ссылки на номера стихов даются везде по оригиналу; найти соответствующий стих в пределах десятков, отмеченных при русском тексте Софокла, не должно составить особого труда. Обозначение «стих» или «ст.» большей частью опускается. Сокращение «сх.» обозначает схолии к древним авторам; «Ркп.» – «рукопись», «рукописи», «рукописный». Отсылка Dawe R. Studies обозначает его: Studies on the text of Sophocles. Leiden, 1973–1978. V. 1–3.

Перевод стихотворных цитат, кроме особо оговоренных, принадлежит составителю примечаний.}

Предварительные сведения

От античных времен не сохранилось документальных свидетельств о распространении текста трагедий Софокла при его жизни. Однако нет оснований предполагать для них иную судьбу, чем для произведений других древнегреческих трагиков: с авторского экземпляра снимались копии, которые могли приобретаться достаточно состоятельными любителями отечественной словесности, а в IV в., с возникновением в Афинах философских школ в Академии и Ликее, – также храниться в библиотеках, обслуживавших научные занятия Платона и Аристотеля. Без этого невозможно объяснить наличие в их сочинениях множества цитат из трагиков, и притом не только из трех, наиболее знаменитых (Эсхила, Софокла и Еврипида), но и из менее выдающихся.

Поскольку при посмертных постановках трагедий (а исполнение на театральных празднествах одной «старой» драмы перед началом состязания трагических поэтов стало нормой с 387 г.) режиссер и актеры могли позволять себе известные вольности, в середине IV в. афинским политическим деятелем Ликургом был проведен закон, согласно которому создавалось государственное собрание всех пьес трех трагических авторов, и в дальнейшем их исполнении надлежало придерживаться зафиксированного в этом своде текста (АС 56). Насколько высоко ценили афиняне свою коллекцию, видно из рассказа о том, как примерно столетие спустя они согласились предоставить ее для временного пользования египетскому царю Птолемею Евергету под залог в 15 талантов (ок. 22 тыс. рублей серебром). Впрочем, афиняне недооценили материальные

возможности восточного монарха: Птолемей велел сделать со всего собрания копию и именно ее вернул в Афины, потеряв таким образом отданные в виде залога деньги, но зато оставив у себя оригинал (АС 64). Возможно, что именно этим собранием – наряду с другими источниками – пользовались впоследствии ученые филологи, занимавшиеся во второй половине III в. классификацией рукописей в знаменитой Александрийской библиотеке (АС 105).

Полное собрание сочинений Софокла подготовил, по-видимому, в первой половине следующего века знаменитый филолог Аристофан Византийский, ставший главным библиотекарем после 195 г. Под именем Аристофана дошло до нас античное «предисловие» к «Антигоне» (А С 105). Упоминается Аристофан и в «Жизнеописании» Софокла (18), в некоторых схолиях к сохранившимся трагедиям и в папирусных отрывках из сатирической драмы «Следопыты». Текст издания Аристофана Византийского послужил основой для большинства, если не всех последующих папирусных копий. В настоящее время известны отрывки из 17 папирусных экземпляров, содержащих текст дошедших до нас трагедий Софокла. По времени они охватывают не менее 600 лет самый ранний образец относится к концу I в. до н. э. или к началу I в. н. э.; самый поздний – к рубежу VI–VII в. н. э. Чаще других встречаются здесь «Царь Эдип» – по 4 экземпляра; тремя экземплярами представлены «Трахинянки», двумя – «Электра» и «Антигона», одним – «Эдип в Колоне» и «Филоклет».

К этому следует прибавить отрывки из папирусного кодекса V–VI вв. н. э., который опознан теперь как собрание семи трагедий Софокла {См.: Luppe W. P. Vindob. G 29779 – ein Sophokles-Kodex // Wiener Studie 1985. V. 19. S. 89–104.}. Здесь тексту трагедии предшествовало собрание «предисловий» к ним (см. АС 95–113), среди которых содержались неизвестные нам из других источников предисловия к «Аяксу» и «Филоклету» и еще одно стихотворное (ср. А С 95) к «Царю Эдипу». Издание Аристофана, судя по всему было предназначено не для ученых, а для широкой публики, – в нем, в частности кроме уже упоминавшихся «предисловий», не было никакого другого вспомогательной аппарата. Со временем, однако, по мере того, как эпоха Софокла все дальше уходила в прошлое, читателям стали требоваться разъяснения и по части языка, и в отношении реалий, и разного рода историко-литературные справки к тексту, – все то, что в античные времена называлось схолиями.

Составление таких схолиев – в том числе и к Софоклу – взял на себя необыкновенно начитанный и усердный грамматик августовского времени Дидим (современники называли его человеком «с медными внутренностями»). К труду Дидима восходит наиболее древний пласт в корпусе схолиев, известных нам уже по средневековым рукописям Софокла.

На пути к ним, однако, творческое наследие Софокла испытало ту же судьбу, которая постигла и других древнегреческих драматургов: во времена римского императора Адриана (117–138 гг. н. э.) из примерно трех сотен пьес Эсхила, Софокла и Еврипида был сделан отбор наиболее читаемых; не последнюю роль играли здесь и нужды школы. В результате в обиходе широкой публики осталось только семь трагедий Софокла, известных нам сейчас полностью. В IV в. н. э. участие в редактировании новых изданий принял римский грамматик Салустий (может быть, один из друзей византийского императора Юлиана), – его имя сохранилось в более поздних «предисловиях» (АС 104, 106).

Остальные трагедии Софокла, оставшиеся за пределами «семерки», исчезли отнюдь не сразу и не бесследно: находимые в Египте папирусы с отрывками из не дошедши до нас его пьес датируются вплоть до III в. н. э. Стало быть, на эллинизированном Востоке достаточно полные собрания сочинений Софокла могли еще находиться и в библиотеках, и у книгопродавцев, и в частном пользовании. На европейской же почве с драм, не вошедших в состав «семерки», уцелели только отдельные отрывки в различных антологиях, лексикографических и грамматических сочинениях. Зато отобранные семь продолжали переписывать из рукописи в рукопись с обширными предисловиями и схолиями. Один из таких кодексов, написанный унциальным письмом (т. е. заглавными буквами) примерно в V в. н. э., и стал, как полагают историки текста Софокл, прообразом византийских рукописей с его трагедиями.

Самой ранней из этих рукописей является кодекс из библиотеки Лоренцо Медич (Laurentianus XXXII, 9), широко известный среди филологов, так как кроме трагедий Софокла в нем содержатся также трагедии Эсхила и «Аргонавтика» Аполлония Родосского. Написан кодекс в середине X в. н. э. К тому же прототипу, что кодекс Медичи восходит и так называемый Лейденский

## Софокл Антигона Трагедия filosoffo.org

палимпсест, т. е. пергаменная книга, на котрую в конце X в. занесли текст Софокла, а еще через четыре столетия его соскоблили, чтобы написать на освободившихся полутора сотнях страниц сочинения религиозного характера. Открытый в 1926 г. Лейденский палимпсест с восстановленным текстом Софокла является, наряду с кодексом Медичи, древнейшим источником для современных изданий.

Эти две рукописи, наряду с еще другими десятью, более поздними (XIII–XVI вв.), представляют особую ценность потому, что содержат все семь трагедий Софокла. Огромное большинство других рукописей (около 170 из общего числа, достигающего примерно 200 экземпляров), ограничивается так называемой византийской триадой («Аякс», «Электра», «Царь Эдип»), образовавшейся в результате нового отбора, произведенного в Константинополе ок. 500 г. н. э. Составителем этой триады считают обычно византийского грамматика Евгения (АС 94).

К изданию трагедий Софокла (преимущественно вошедших в триаду) в XIII–XIV вв. были причастны известные византийские филологи Максим Плануд, Фома Магистр, Мосхопулос, Деметрий Триклиний. К этому же времени относятся и поздние схолии, составленные в помощь любителям классической филологии и учащимся.

Первое печатное издание Софокла вышло в 1502 г. из типографии венецианца Альда Мануция. После этого трагедии Софокла издавались вместе и порознь несчетное число раз.

В настоящее время издатели Софокла оперируют тремя группами византийских рукописей, причем все больше утверждается убеждение, что группы эти не носили «закрытого» характера, т. е. переписчики при своей работе могли пользоваться не одним экземпляром, восходящим к определенному прототипу, а двумя или больше, сопоставляя их между собой и выбирая из каждого то чтение, которое представлялось им наиболее предпочтительным. Поэтому может случиться, что какая-нибудь из рукописей, во всем остальном мало примечательная, сохранила где-нибудь наиболее древнее чтение. Сличение рукописей, внесение поправок (конъектур), выбор и обоснование принятого чтения и составляет до сих пор главную задачу каждого нового издателя древнегреческого текста {К истории текста Софокла см. подробнее: The fragments of Sophocles / Edited... by A. C. Pearson. Cambridge. 1917 (Repr. Amsterdam, 1963). P. XXXII–XLVI; Turyn A. Studies in the manuscript tradition of the tragedies of Sophocles. Urbana, 1952; Dain A. Sophocle. V. I. P. XX–XLVIII; Dawe R. Studies on the text of Sophocles. Leiden, 1973. V. I. P. 3–112; Treue K. Kleine Klassikerfragmente. N 3//Festschrift zum 150. jhr. Bestehen des Berliner Agyptischen Museums. Berlin, 1974. S 434 f; Renner T. Four Michigan papyri of classical Greek authors. ZPE. 1978. 29. P. 13–15. 27 f.}.

В наше время в научном обиходе приняты три издания трагедий Софокла:

- Sophocles. Fabulae / Rec. A. C. Pearson. Oxford, 1924 (исправленное издание – 1928; многократные перепечатки вплоть до начала 60-х годов). (В дальнейшем – Пирсон).
- Sophocle. / Texte etabli par A. Dain... Paris, 1956–1960. Т. I–III. (В дальнейшем – Дэн).
- Sophocles. Tragoediae / Ed. R. W. Dawe. Leipzig, 1975–1979. Т. I–II. (второе издание – 1984–1985). (В дальнейшем – Доу).

Не утратили своего значения и старые комментированные издания, в которых каждой трагедии посвящен специальный том:

- Sophocles. The Plays and Fragments / By Sir R. Jebb. Cambridge, 1883–1896. Т. I–VII (Перепечатано в 1962–1966) (в дальнейшем – Джебб).
- Sophocles / Erklart von F. W. Schneidewin, Berlin, 1909–1914. (Издание, переработанное Э. Вруном и Л. Радермахером).

В последние десятилетия к ним прибавились две новые серии комментариев: Kamerbeek J. C. The Plays of Sophocles. Commentaries. Leiden, 1959–1984. (Комментарий без греческого текста, но с указанием отступлений от издания Пирсона, принимаемых Камербиком.) Cambridge Greek and Latin Classics:

Софокл Антигона Трагедия [filosoff.org](http://filosoff.org)  
Oedipus Rex / Ed. by R. D. Dawe. 1982; Philoctetes/Ed. by T. V. L. Webster. 1970; Electra / Ed. by J. N. Kelles. 1973; Trachiniai / Ed. by P. E. Easterling. 1982.

Все названные выше издания были в той или иной степени использованы при подготовке настоящего однотомника.

При этом следует иметь в виду, что при издании русского перевода далеко не все различия оригинала нуждаются в констатации или обосновании. Очень часто они касаются таких вопросов, которые не могут получить отражения в русском тексте. Так, например, в поэтическом языке V в. до н. э. наряду с более употребительными формами имперфекта с приращением могли встретиться и формы без приращения (например, Ан. 1164: ?????? в одних ркп., ?????? – в других), – для русского перевода это различие не имеет значения. Иногда различия возникают в порядке слов в достаточно прихотливых по своему построению партиях хора, – в русском переводе это опять-таки не может быть учтено. Но даже и в тех случаях, когда различие касается отдельных слов, оно не всегда может быть отражено в русском переводе. Вот несколько примеров.

Цэ, 722 – в одних ркп. ?????? («умереть»), в других – ?????? («вынести гибель от руки сына»); в переводе в любом случае будет: «пасть», «погибнуть».

Эк. 15 – все ркп. дают чтение ????????? – башни «покрывают», «защищают» город; конъектура, введенная Доу в его издание, – ????????? «увенчивают». В переводе это слово и создаваемый им образ совсем выпали. А. 295 – почти все ркп. дают чтение ?????? и только две – ??????. В широком смысле эти глаголы – синонимы; они различаются между собой примерно как русское «говорить» и «молвить», «изрекать». Вполне возможно, однако, что в русском переводе и тот и другой греческие глаголы окажутся переведенными как «молвить» или «сказать». Поэтому в дальнейшем в примечаниях к отдельным трагедиям отмечаются только такие различия и конъектуры, которые способствуют пониманию текста и хода мысли автора, насколько оно может быть отражено в русском переводе.

Остается сказать о принятом в этом однотомнике порядке размещения трагедий. Наиболее естественной была бы хронологическая их последовательность, чему, однако, мешает отсутствие документальных данных о времени постановки пяти трагедий из семи. С другой стороны, и русскому читателю несомненно удобнее пользоваться текстом трагедий, относящихся к одному мифологическому циклу, в порядке развития событий в пределах каждого цикла, и в примечаниях в этом случае можно избежать лишних отсылок к еще не прочитанной трагедии. Поэтому было признано целесообразным поместить сначала три трагедии, восходящие к фиванскому циклу мифов («Царь Эдип», «Эдип в Колоне», «Антигона») и по содержанию служащие одна продолжением другой, хотя на самом деле Софокл такой связной трилогии не писал и поставленная раньше двух остальных «Антигона» (ок. 442 г.) оказывается при размещении по сюжетному принципу после «Эдипа в Колоне», созданного в самом конце жизни поэта. Затем следуют три трагедии на сюжеты Троянского цикла («Аякс», «Филоктет», «Электра») – опять в той последовательности, в какой находятся изображаемые в них события. Последней из сохранившихся трагедий помещены «Трахинянки»; к ним присоединяется обнаруженная в довольно крупных папирусных фрагментах драма сатиров «Следопыты», за которой идут отрывки из других не сохранившихся драм.

## Антигона

Документальных данных о постановке трагедии нет, но сохранилось сообщение, что афиняне избрали Софокла стратегом на 441 г. для ведения войны против Самоса (Ас 105), воодушевленные его «Антигоной». Выборы стратегов происходили летом, и, следовательно, «Антигону» надо датировать мартом-апрелем 442 г., когда справляли Великие Дионисии, если даже в этом свидетельстве простая последовательность во времени истолкована как причина и следствие.

История Антигоны примыкает непосредственно к мифу о братоубийственной вражде Этеокла и Полиника, излагаемому в античных источниках более или менее единообразно. Однако дочерям Эдипа до Софокла не уделяется почти никакого внимания. Сохранилось только сообщение, возводимое к поэту VI в. Мимнерму, об убийстве Исмены Тидеем (см. А С 106). Хронологически

значительно ближе к трагедии Софокла эсхилосские «Семеро против Фив», в финале которых (1005–1078) выводятся Антигона и Исмена, по-разному реагирующие на приказ городских властей оставить без погребения тело Полиника: в то время как Исмена проявляет послушание, Антигона отказывается повиноваться приказу и вместе с половиной хора уходит хоронить брата. Подлинность этого финала была давно заподозрена учеными и до сих пор находится под сомнением по целому ряду достаточно веских причин (см.: Ярхо В. Н. Трагедия Софокла «Антигона». М., 1986. С. 29–32). Поэтому вернее будет считать, что именно Софокл впервые сделал Антигону главной участницей событий, происшедших после гибели братьев.

Вместе с этим известно и другое. После гибели семи нападавших вождей фиванцы отказались выдать родным их трупы. Тогда организатор всего похода, аргосский царь Адраст обратился за помощью в Афины, и Фесей сумел убедить фиванцев не нарушать божественных и человеческих установлений в отношении умерших. Тела семи вождей были выданы афинянам и погребены в древнем религиозном центре Аттики Элевсине. Так излагалась эта история и в недодошедшей трагедии Эсхила «Элевсинцы» (фр. 53 а, 54), и в двух случаях у Пиндара (Нем. 9, 24, –474 г.; Ол. 6, 16, – ок. 468 г.), с той лишь разницей, что Пиндар как патриот своих родных Фив отвергал постороннее вмешательство: семь костров для семи умерших были воздвигнуты в самих Фивах. Важно, что в обеих версиях не делается никакого исключения для Полиника, и эта традиция сохраняется в «Просительницах» Еврипида (ср. 928–931), поставленных через 20 лет после «Антигоны».

Наряду с этим сохранилось свидетельство Павсания, позволяющее предположить наличие фиванского варианта, в котором особо выделялась роль Антигоны (IX, 25, 2). Согласно этому варианту, труп Полиника оставлен без погребения, но Антигоне удается, прилагая все свои силы, дотащить его до места сожжения тела Этеокла и положить на еще горящий костер. Никаких санкций по адресу Антигоны, согласно Павсанию, не последовало, поскольку жестокость победителей не заходила в Греции так далеко, чтобы не позволить родным отдать последний долг покойнику. Следовательно и здесь Софокл был первым, кто вывел Антигону слушницей царского приказа: запрет хоронить павших полководцев он сосредоточил в своей трагедии на одном Полинике; а исполнение Антигоной ее родственного долга изобразил как нарушение указа, изданного новым царем – Креонтом.

Структура трагедии достаточно традиционна: за прологом (1–99) и пародом (100–161) следуют пять эпизодов (162–331; 384–581; 631–780; 806–943; 988–1114), к которым примыкают пять стасимов (332–375; 582–625; 781–800; 944–987; 1115–1154), – последний из них выполняет функции гипорхемы. 2-й, 3-й и 4-й эпизоды вводятся небольшими анапестическими вступлениями (376–383; 626–630; 801–805). Кроме того, первую (большую) половину 4-го эпизода составляет коммос Антигоны с хором (806–882), перемежаемый два раза анапестами (817–822 и 834–838). В эксод (1155–1352) также включен обширный коммос (1261–1347) Креонта с хором и анапестическое заключение (1348–1352).

Роли между тремя актерами могли распределяться следующим образом: протагонист – Антигона, Тиресий, Евридика; девтерагонист – Исмена, Страж, Гемон, Вестник, Домочадец Креонта, триагонист – Креонт (см. А С 59).

После Софокла трагедии, названные именем Антигоны, написали в Греции Еврипид (см. А С 105 и прим.) и трагик IV в. Астидамант-младший (TrGF 1. Э 60, Т. 5), а в Риме – Акций (фр. 87–95), несомненно использовавший софокловский прототип.

Для настоящего издания заново переведены следующие стихи: 10–13 43 45–48 58, 75, 80 сл., 83, \*88 сл., \*95–97, 99, 162 сл., 175, 179, 181–183, \*200 сл., 207–209, \*210, 228–230, 235 сл., \*244, 249–252, 263 сл., 292, 323–326, \*365–367, 405, 428, 459, 464, 497 сл., 504 сл., 509 сл., \*511, 517 сл., 536, 548, 556 сл., 565, \*569 сл., \*572–574, 576, 580 сл., 593 сл., 614–617, 631, \*637, 687–691, 705 сл., 709, 715–717, 730, 744 сл., 771 сл., 782, 829 сл., 845–848, 855, 899, 925 сл., 994, 996, 1002, 1027, 1060–1063, 1088–1090, 1104, 1106 сл., 1111 сл., 1114, 1136–1139, 1197, 1216 сл., 1229, 1269, 1278 сл., 1337 сл.

Софокл  
Антигона Трагедия (пер. Сергея Шервинского)

Действующие лица

Антигона, Исмена – дочери Эдипа

Креонт, фиванский царь

Эвридика, жена Креонта

Гемон, их сын

Тиресий, слепец-прорицатель

Хор фиванских старейшин

Страж

Вестник 1-й

Вестник 2-й

Без речей:

Мальчик, поводырь Тиресия

Действие происходит перед царским дворцом в Фивах

Пролог

Антигона

Сестра моя любимая, Исмена,  
Не знаешь разве, Зевс до смерти нас  
Обрек терпеть Эдиповы страдания.  
Ведь нет такого горя иль напасти,  
Позора иль бесчестия, каких  
С тобой мы в нашей жизни не видали.  
А нынче в городе о чем толкуют?  
Какой указ царем Креонтом дан?  
Ты что-нибудь слыхала? Или вовсе  
10 Не знаешь о беде, грозящей брату?  
Исмена

Нет, Антигона, никаких я слов,  
Ни радостных, ни горьких, не слыхала  
С тех пор, как пали оба наши брата,  
Друг друга в поединке поразив.  
Лишь знаю, что ушло аргивян войско  
Сегодняшней ночью, – вот и все.  
Не лучше мне от этого, не хуже.  
Антигона

Я знала, потому из врат дворцовых  
И вызвала – сказать наедине.  
Исмена

В чем дело? Вижу, весть твоя мрачна.  
Антигона

Чтит погребеньем одного из братьев  
Креонт, а у другого отнял честь.  
Он Этеокла в землю по обряду  
Сокрыл, и тот Аида стал достоин. [1]  
Злосчастливого же тело Полиника  
Он всем через глашатая велит

Не погребать и не рыдать над ним,  
Чтоб, не оплакан и земле не предан,  
Он сладкой стал добычей хищным птицам.  
30 Как слышно, сам Креонт по доброте  
Тебе и мне – да, мне! – о том объявит.  
Сюда идет он возвестить приказ  
Не знающим его, считая дело  
Немаловажным, – и ослушник будет  
Побит камнями перед всем народом.  
Теперь ты знаешь и покажешь скоро,  
Низка иль благородна ты душой.  
Исмена

О бедная сестра! Но что мне делать?  
Могу ли я помочь иль помешать?  
Антигона

Поможешь ли ты мне? Со мной ли будешь?  
Исмена

В каком же деле? Что ты замышляешь?  
Антигона

Ты мертвого поднимешь ли со мною?  
Исмена

Похоронить? Но это под запретом..  
Антигона

И за себя и за тебя для брата  
Все сделаю, ему останусь верной  
Исмена

О дерзкая! Креонту вопреки?  
Антигона

Он у меня не волен взять мое.  
Исмена

Увы, сестра, подумай: наш отец  
Погиб, отвержен, презираем всеми,  
50 Свои разоблачивши преступленья  
И очи вырвав сам, своей рукой.  
И мать-жена – два имени единой! –  
С позором в петле кончила свой век.  
И оба наших брата злополучных,  
Кровь братскую пролив своей рукой,  
Друг друга одновременно убили.  
Теперь – подумай – как, одни оставшись  
Погибнем бедственно и мы с тобой,  
Закон нарушив и царя веленье?  
60 Мы женщинами рождены, и нам  
С мужчинами не спорить, – помни это.  
Над нами сильный властвует всегда,  
Во всем – и в худшем – мы ему покорны.  
И потому Подземных умоляю  
Я, подневольная, о снисхождение.  
Я буду подчиняться тем, кто властен:  
Нет смысла совершать, что выше сил.  
Антигона

Просить не стану: мне твое участие  
Не надобно, хотя б ты и желала.  
70 Что хочешь делай – схороню его.  
Мне сладко умереть, исполнив долг.  
Мила ему, я лягу рядом с милым,  
Безвинно согрешив. Ведь мне придется  
Служить умершим дольше, чем живым.  
Останусь там навек. А ты, коль хочешь,  
Не чти законов, чтимых и богами.  
Исмена

Всегда бессмертных чтита я, но все же  
Я против воли граждан не пойду.  
Антигона

Что ж, и не надо: я пойду одна  
80 Земли насыпать над любимым братом.  
Исмена

Как за тебя, несчастную, мне страшно!  
Антигона

Не бойся! За свою судьбу страшись.  
Исмена

Но только никому не говори,  
Держи все в тайне, – промолчу и я.  
Антигона

Нет, доноси! Мне станешь ненавистней,  
Коль умолчишь, чем если скажешь всем.  
Исмена

Ты сердцем горяча к делам ужасным.  
Антигона

Служу я тем, кому служить должна.  
Исмена

О, если б так! Ты хочешь, да не можешь.  
Антигона

Без сил паду, но все же сделав дело.  
Исмена

За безнадежное не стоит браться.  
Антигона

Ты ненавистна мне с такою речью,  
И мертвому ты станешь ненавистой.  
Оставь меня одну с моим безумством  
Снести тот ужас: все не так ужасно,  
Как смертью недостойной умереть.  
Исмена

Ну что ж, безумная, иди, коль хочешь.  
Но близким, как и раньше, ты близка.  
Уходят.

Парод

Хор

Строфа 1

Солнца луч, никогда еще  
100 Светом ты не дарил таким  
Семивратные Фивы!

Лик ты нам наконец явил,  
Око рдяного дня, взойдя  
Над потоком Диркейским. [2]  
Воин Артоса, тот, что к нам,  
Весь закован в броню, пришел  
Со щитом своим белым,  
Быстрым бегом назад бежит,  
Пораженный тобою.

110 Он на нашу страну для раздора пошел,  
Приведен Полиником, и, словно орел,  
Он с пронзительным криком над ней пролетел,  
Белоснежными скрытый крылами, и был  
Он толпой окружен меченосных бойцов,

В шлемах, конскою гривой венчанных.  
Антистрофа 1

Он у наших домов стоял;  
Грабил все у семи ворот  
С пикой, жаждущей крови;  
Но назад он ушел, не смог  
120 Ни голодную пасть свою  
Напитать нашей кровью,  
Ни Гефеста огню предать  
Наших башен венцы, такой  
шум был поднят Ареем!  
Столь тяжелой была борьба  
С необорным драконом,  
ибо Зевс хвастунов громогласный язык  
Ненавидит извечно и, их увидав,  
Как широким потоком подходят они,  
130 Златом в поле гремя, за кичливую спесь  
Мечет молнию в них, – а мечтали они  
С наших стен возгласить о победе.  
Строфа 2

На землю гулко упал,  
Факел сжимая[3] в руке,  
Тот, кто недавно на нас  
В гневе своем ополчась,  
Вакхом исполнен, безумствовал здесь,  
Злобой, как ветром, влекомый.  
Но, обманув надежды его,  
140 Был многомилостив к нам Арей, –  
Иначе бранный бог порешил.  
Беды сея на темя врагов,  
Он прочь отогнал их.  
Здесь, к семи подступивши фиванским вратам,  
Стали семь полководцев противу семи.  
Перед Зевсом, вершителем сечи,  
Бой окончив, сложили доспехи свои.  
Лишь двоим приказала судьба,  
Беспощадным копьем друг друга пронзив,  
150 Обоюдную встретить кончину.  
Антистрофа 2

К нам наконец низошла  
С именем громким Победа,  
Светлой улыбкой приветствуя  
Град беговых колесниц.  
Так предадим же забвенью теперь  
Ужас промчавшейся брани!  
В храмы бессмертных богов пойдем.  
Пусть ликование гремит всю ночь  
Пенья и плясок священных! Пусть  
Топчет землю фиванскую Вакх  
И нами предводит.  
Но смотрите, вон сын Менекеев, Креонт,  
Приближается, нашей страны государь,  
Нойый царь наш по воле богов.  
О, какие решенья приносит он нам?  
Всем он ныне собраться велел  
Чрез глашатая, всех он собрал на совет  
Семивратного града старейшин.  
Входит Креонт.

Эписодий Первый

Креонт

О граждане! Богами после бури  
170 Корабль наш в пристань тихую введен.  
Я вестников послал, чтоб поименно  
Сюда созвать вас. Знаю, как вы Лая  
Державную прилежно чтите власть;

Я помню, что когда Эдип, царивший  
Здесь в городе, погиб, – с его детьми  
Вы сердцем пребывали неизменно.  
Но так как смертью двойной они  
В один погибли день, сразив друг друга,  
Братоубийством руки осквернив, –  
180 Теперь я власть державную приемлю:  
Погибшим я всех ближе по родству.  
Но трудно душу человека знать,  
Намеренья и мысли, коль себя  
Не выкажет в законах он и власти.  
Что до меня, мне и теперь и прежде  
Гот из царей казался наихудшим,  
кто и советам добрым не внимает  
И уст не размыкает, страхом скован.  
А тот, кто друга больше, чем отчизну,  
190 Чит, – я такого ни во что не ставлю.  
Я сам – о пусть всезрящий знает Зевс! –  
Молчать не стану, видя, что опасность  
Фиванцев ждет, что им грозит гибель.  
Я не возьму вовек врага отчизны  
Себе в друзья: я знаю, что она –  
Всем нам прибежище и что друзей  
Найдем, пlying одной дорогой с нею.  
Таким заветом возвеличу город.  
Теперь же всем я должен возвестить  
200 О тех двух братьях, о сынах Эдипа:  
Я Этеокла, что в бою за город  
Пал, все копьем своим преодолев,  
Велел предать земле и совершить  
Над ним обряд, достойный благородных.  
О брате ж Этеокла, Полинике,  
который край свой и богов отчизны,  
Вернувшись из изгнания, сжечь хотел  
Дотла и братскую упить кровью  
И граждан всех рабами увести, –  
210 О нем мы возвещаем всем: его  
Не хоронить, и не рыдать над ним,  
И хищным птицам там, без погребенья,  
И псам его оставить в знак позора.  
Так я решил – и никогда злодей  
Почтен не будет мной как справедливый.  
Но тот, кто будет граду вечно предан,  
живой иль мертвый – будет мной почтен.  
Хор

Ты в этом волен, Менекея сын,  
кто граду друг, кто недруг – ты решаешь.  
220 Закон какой угодно применять  
Ты можешь и к умершим и к живущим.  
Креонт

Так будьте же вы стражами закона.  
Хор

кто помоложе, пусть и труд несет.  
Креонт

У тела сторожа уже стоят.  
Хор

Но что еще ты хочешь приказать?  
Креонт

Бороться с нарушителем закона.  
Хор

Безумных нет, кому же смерть мила?  
Креонт

Да, наказание – смерть. Но все ж корысть

Людей прельщает и ведет на гибель.  
Входит Страж

Страж

230 Царь, не спешил сюда я в быстром беге,  
Не чуя ног, не запыхался я.  
Нет, медлил на пути, не раз колеблясь,  
И думал – не вернуться ль мне назад.  
Мой разум долго говорил со мною:  
«Несчастный, что спешишь ты к наказанью?..  
Безумец! Медлишь ты? Когда ж Креонту  
Другой доставит весть, ты будешь плакать».  
В раздумье этом медленно я брел,  
А так и краткий путь нам станет долгим.  
240 Но наконец решил прийти к тебе  
И весть, хоть и плохую, а поведать;  
Я прихожу к тебе с одной надеждой:  
Страдать за то лишь, в чем я виноват.  
Креонт

Но в чем же дело? Перед чем робеешь?  
Страж

Сперва я о себе скажу: в том деле  
Я не замешан, делавших не видел, –  
Несправедливо в нем меня винить.  
Креонт

Твой зорек глаз, ты на увертки ловок,  
И ясно: важное ты скажешь нам.  
Страж

Дурная весть замкнула мне уста.  
Креонт

Ну, говори и, кончив, убирайся.  
Страж

Сейчас скажу: недавно тело кто-то  
Похоронил и после сам ушел,  
Сухой посыпав пылью по обряду.  
Креонт

Что ты сказал? Из граждан кто дерзнул?  
Страж

Не знаю: ни следов от топора,  
Ни от мотыги куч земли; повсюду  
Земля суха, без трещин, без борозд  
От колеса: все чисто совершили.  
260 лишь страж дневной на это указал,  
В тяжелое мы впали изумленье;  
Не виден труп, хоть не зарыт: от скверны  
Покрыт он только тонким слоем праха.  
Следа ни хищный зверь, ни пес бродячий  
Труп растерзавший, не оставил там.  
Речь бранная меж нами закипела:  
Страж стража уличал; дойди до драки  
У нас – никто б тогда не помешал:  
Ведь все и каждый были в том виновны.  
Никто не признавался, отпирались  
Все: раскаленное железо в руки  
Готовы были брать, [4] в огонь пойти,  
Богами клясться, что об этом деле  
Не знали мы, что не были причастны,  
В конце же, после поисков напрасных,  
Один сказал, – и в ужасе мы все  
Главой к земле поникли, и никто  
Ни возразить не смог, ни дать совет,  
Как лучше действовать: «Царю, – сказал он, –

280 Открыть все надо, а скрывать нельзя».   
То мненье взяло верх, и, бесталанный,   
На эту долю я судьбою послан.   
Явился я незванным, не охотой:   
Не мил гонец с известием плохим.   
Хор

Царь, мне давно такая мысль пришла:   
Не боги ли то дело совершили?   
Креонт

Молчи, чтоб я не загорелся гневом,   
А ты безумным не прослыл под старость!   
Слова твои несносны – будто боги   
290 Имеют попечение о мертвом;   
Как благодетеля того покрыть,   
кто шел сюда затем, чтоб выжечь храмы,   
Столпами обнесенные, казну их,   
И область, и законы уничтожить!   
Иль злые люди почтены богами?   
Не быть тому! Но на приказ мой в Фивах   
Ворчат, им тяготятся, головой   
Тайком качают: под ярмом, как должно,   
Не держат выи, мною недовольны.   
300 Что ими эти стражи склонены   
За плату, превосходно знаю я;   
Ведь нет у смертных ничего на свете,   
Что хуже денег. Города они   
Крушат, из дому выгоняют граждан,   
И учат благородные сердца   
Бесстыдные поступки совершать,   
И указуют людям, как злодейства   
Творить, толкая их к делам безбожным.   
Но кто на это дело был подкуплен,   
310 В свой день полнит должное возмездье.   
И если мною почитаем Зевс, –   
А это знаешь, – я при всех клянусь,   
Что, если в погребении повинный   
Не будет мне пред очи приведен,   
Вам смерти будет мало, вас живыми   
Подвешу я, чтоб наглость ту раскрыть   
Узнаете тогда, где добывать   
Себе барыш, и скоро вы поймете,   
Что и барыш не всякий нам на пользу;   
320 Что не добром полученные деньги   
Скорее к злу ведут нас, чем к добру.   
Страж

Велишь сказать? Иль так уйти прикажешь?   
Креонт

Ты знаешь ли, как речь твоя противна?   
Страж

Душе она противна иль ушам?   
Креонт

Зачем искать, где мой гнездится гнев?   
Страж

Душе виновник мерзок, я – ушам.   
Креонт

А, вижу я: ты болтуном родился.   
Страж

Пусть так: но я не совершил проступка.   
Креонт

Нет, совершил и жизнь за деньги продал.   
Страж

Увы! Как плохо, коль судья неправо судит.  
Креонт

Оставь судью в покое. Если вы  
Виновников сюда не приведете,  
Поймете вы, что прибыль эта – зло.  
Страж

Уж лучше б отыскался... Только случай  
Решит, он попадется или нет.  
Нет, здесь меня ты больше не увидишь.  
Теперь я спасся, вопреки всему,  
И должен возблагодарить бессмертных.  
Уходят.

Стасим Первый

Хор

Строфа 1

340 Много есть чудес на свете,  
Человек – их всех чудесней.  
Он зимою через море  
Правит путь под бурным ветром  
И плывет, переправляясь  
По ревушим вокруг волнам.  
Землю, древнюю богиню,  
Что в веках неутомима,  
Год за годом мучит он  
И с конем своим на поле  
350 Плугом борозды ведет.  
Антистрофа 1

Муж, на выдумки богатый,  
Из веревок вьет он сети  
И, сплетя, добычу ловит:  
Птиц он ловит неразумных,  
Рыб морских во влажной бездне,  
И зверей в лесу дремучем,  
Ловит он в дубравах темных,  
И коней с косматой гривой  
Укрощает он, и горных  
360 Он быков неутомимых  
Под свое ведет ярмо.  
Строфа 2

Мысли его – они ветра быстрее;  
Речи своей научился он сам;  
Грады он строит и стрел избегает,  
Колких морозов и шумных дождей;  
Все он умеет; от всякой напасти  
Верное средство себе он нашел.  
Знает лекарства он против болезней,  
Но лишь почует он близость Аида,  
370 Как понапрасну на помощь зовет.  
Антистрофа 2

Хитрость его и во сне не приснится;  
Это искусство толкает его  
То ко благим, то к позорным деяньям.  
Если почтит он законы страны,  
Если в суде его будут решенья  
Правыми, как он богами клялся, –  
Неколебим его город; но если  
Путь его гнусен – ни в сердце мое  
Ни к очагу он допущен не будет...  
То бессмертных ли знак? Я с сомненьем 380 борюсь,  
Я ее узнаю – как могу я сказать,  
Что она – не дитя Антигона?

Злополучная ты!  
О Эдипа, отца злополучного, дочь!  
Что случилось с тобой? Иль преступница ты?  
Преступила ль царева законы  
И в безумье то дело свершила?  
Входит Страж с Антигоной.

Эпизодий Второй

Страж

Вот сделавшая дело. Мы схватили  
Ее за погребеньем. Где ж Креонт?  
Хор

Он кстати вновь выходит из дворца. Входит Креонт.  
Креонт

В чем дело? Почему я вышел кстати?  
Страж

Царь! Человек ни в чем не должен клясться!  
Окажется потом, что он солгал.  
Я говорил, что не вернусь сюда,  
Так был убит угрозами твоими,  
Однако радость, коль не ждешь ее,  
Бывает выше всяких удовольствий, –  
И вот я снова здесь, хотя и клялся.  
Веду ее: схватили мы девицу,  
400 Когда умершего обрядом чтила.  
Тут жребия метать уж не пришлось:  
Моя находка, не кого другого!  
Теперь как хочешь, царь, ее суди;  
Что ж до меня, я от забот свободен.  
Креонт

Но где ее схватил ты и когда?  
Страж

Она похоронила прах, – сам знаешь.  
Креонт

Ты здрав умом и подтвердить готов?  
Страж

Я видел сам, как тело хоронила,  
Запрет нарушив, – ясно говорю!  
Креонт

Как вы ее застигли? Как схватили?  
Страж

Так было дело. Страшные угрозы  
Твои услышав, мы туда вернулись,  
С покойника смахнули пепел, – тело,  
Наполовину сгнившее, открыли,  
А сами сели на пригорке так,  
Чтоб с ветром к нам не доносилось смрада.  
Друг друга подбодряли, если ж кто  
Был нерадив, того бранили крепко.  
Так время шло, пока на небесах  
420 Не встало солнце кругом лучезарным  
И зной не запылал. Но тут внезапно  
Поднялся вихрь – небесная напасть,  
Застлал от взоров поле, оборвал  
Листву лесов равнинных; воздух пылью  
Наполнился. Зажмурясь, переносим  
Мы гнев богов... Когда же наконец  
Все стихло, видим: девушка подходит  
И стонет громко злополучной птицей,  
Нашедшею пустым свое гнездо.

430 лишь увидела тело обнаженным,  
Завыла вдруг и громко стала клясть  
Виновников. И вот, песку сухого  
В пригоршнях принеся, подняв высоко  
Свой медный, крепко скованный сосуд,  
Чтит мертвого трикратным возлияньем.  
Мы бросились и девушку схватили.  
Она не оробела. Уличаем  
Ее в былых и новых преступленьях, –  
Стоит, не отрицает ничего.  
440 И было мне и сладостно и горько:  
Отраднo самому беды избегнуть,  
Но горестно друзей ввергать в беду.  
А все ж не так ее несчастье к сердцу  
Я принимаю, как свое спасенье.  
Креонт

Ты, головой поникшая, ответь:  
Так было дело или отрицаешь?  
Антигона

Не отрицаю, дело было так.  
Креонт

От обвиненья ты свободен. Можешь  
На все четыре стороны идти.  
450 А ты мне отвечай, но не пространно,  
Без лишних слов, – ты знала мой приказ?  
Антигона

Да... как не знать? Он оглашен был всюду.  
Креонт

И все ж его ты преступить дерзнула?  
Антигона

Не Зевс его мне объявил, не Правда,  
Живущая с подземными богами  
И людям предписавшая законы.  
Не знала я, что твой приказ всесилен  
И что посмеет человек нарушить  
Закон богов, не писанный, но прочный.  
460 Ведь не вчера был создан тот закон –  
Когда явился он, никто не знает.  
И, устранившись гнева человека,  
Потом ответ держать перед богами  
Я не хотела. Знала, что умру  
И без приказа твоего, не так ли?  
До срока умереть сочту я благом.  
Тому, чья жизнь проходит в вечном горе,  
Не прибыльна ли смерть? Нет, эта участь  
Печали мне, поверь, не принесет.  
470 Но если сына матери моей  
Оставила бы я непогребенным,  
То это было бы прискорбней смерти;  
О смерти же моей я не печалюсь.  
Коль я глупа, по-твоему, – пожалуй,  
Я в глупости глупцом обвинена.  
Хор

Суровый нрав сурового отца  
Я вижу в дочери: ей зло не страшно.  
Креонт

Но помни: слишком непреклонный нрав  
Скорей всего сдается. Самый крепкий,  
Каленый на огне булат скорее  
Бывает переломлен иль разбит.  
Я знаю: самых бешеных коней  
Уздой смиряют малой. О себе  
Не должен много мнить живущий в рабстве.

Она уж тем строптивость показала  
Что дерзостно нарушила закон.  
Вторая ж дерзость – первую свершив,  
Смеяться мне в лицо и ею хвастать.  
Она была б мужчиной, а не я,  
490 когда б сошло ей даром своеволие.  
Будь дочерью она сестры моей,  
Будь всех роднее мне, кто Зевса чтит  
В моем дому, [5] – не избежит она  
Злой участи, как и ее сестра.  
Виновны обе в дерзком погребенье.  
Зовите ту! – Она – я видел – в доме  
Беснуется, совсем ума лишилась.  
Когда еще во тьме таится дело,  
Своей душой преступник уличен.  
500 Я ненавижу тех, кто, уличенный,  
Прикрашивает сделанное зло.  
Антигона

Казни меня – иль большего ты хочешь?  
Креонт

Нет, не хочу, вполне доволен буду.  
Антигона

Чего ж ты медлишь? Мне твои слова  
Не по душе и по душе не будут.  
Тебе ж противны действия мои.  
Но есть ли для меня превыше слава,  
Чем погребенье брата своего?  
И все они одобрили б меня,  
Когда б им страх не сковывал уста.  
Одно из преимуществ у царя –  
И говорить и действовать как хочет.  
Креонт

Из граждан всех одна ты мыслишь так.  
Антигона

Со мной и старцы, да сказать не смеют.  
Креонт

Тебе не стыдно думать с ними розно?  
Антигона

Чтить кровных братьев – в этом нет стыда.  
Креонт

А тот, убитый им, тебе не брат?  
Антигона

Брат – общие у нас отец и мать.  
Креонт

За что ж его ты чтишь непочитаньем?  
Антигона

Не подтвердит умерший этих слов.  
Креонт

Ты больше почитаешь нечестивца?  
Антигона

Но он – мой брат, не раб какой-нибудь.  
Креонт

Опустошитель Фив... А тот – защитник!  
Антигона

Один закон Аида для обоих.  
Креонт

Честь разная для добрых и для злых.  
Антигона

Благочестиво ль это в царстве мертвых?  
Креонт

Не станет другом враг и после смерти.  
Антигона

Я рождена любить, не ненавидеть.  
Креонт

Люби, коль хочешь, к мертвым уходя,  
530 Не дам я женщине собою править.  
Хор

Вот из двери выходит Исмена,  
Горько плачет она[б] о сестре.  
Ее розовый лик искажен  
Над бровями нависшею тучей.  
Входит Исмена.

Креонт

Ты, вползшая ехидною в мой дом,  
Сосала кровь мою.. Не видел я,  
Что две чумы питал себе на гибель!  
Участвовала ты в том погребенье  
Иль поклянешься, что и знать не знала?  
Исмена

Я виновата, коль сестра признает,  
И за вину ответ нести готова.  
Антигона

Нет, это было бы несправедливо:  
Ты не хотела – я тебя отвергла.  
Исмена

Но ты, сестра, страдаешь. Я готова  
С тобой страданий море переплыть.  
Антигона

Всю правду знают боги в преисподней,  
Но мне не мил, кто любит на словах.  
Исмена

Ты мне, родная, в чести не откажешь,  
С тобой погибнув, мертвого почтить.  
Антигона

550 Ты не умрешь со мной, ты ни при чем,  
Одна умру – и этого довольно.  
Исмена

Но как мне жить, когда тебя лишусь?  
Антигона

Спроси царя: ему ты угождаешь.  
Исмена

Зачем меня терзаешь ты насмешкой?  
Антигона

Коль это смех, то в муках я смеюсь.  
Исмена

Чем я теперь могла б тебе помочь?  
Антигона

Спасай себя – завидовать не стану.  
Исмена

Увы! Ужель чужда твоей я доле?  
Антигона

Но ты предпочитаешь жизнь, я – смерть.  
Исмена

560 я не молчала, высказала все.  
Антигона

Мы почитали разное разумным.  
Исмена

Но у обеих равная вина.  
Антигона

О, будь смелее! Ты живешь, а я  
Давно мертва и послужу умершим.  
Креонт

Одна из них сейчас сошла с ума,  
Другая же безумна от рожденья.  
Исмена

О государь, и умный человек  
В несчастий теряет свой рассудок.  
Креонт

Ты, например, коль зло творишь со злыми.  
Исмена

Как одинокой жить мне без нее?  
Креонт

Что значит «без нее»? Ее уж нет!  
Исмена

Ужели ты казнишь невесту сына?  
Креонт

Для сева земли всякие пригодны.  
Исмена

Но не найдешь нигде любви подобной.  
Креонт

Я не хочу для сына злой жены.  
Антигона

О милый Гемон, как унижен ты!  
Креонт

Постыла мне и ты и этот брак.  
Хор

Ужель ее отнимешь ты у сына?  
Креонт

Конец положит браку их Аид.  
Хор

Так, значит, смерть ее предрешена?  
Креонт

Ты понял мысль мою. А вы не медля  
Ведите, слуги, их обеих в дом –  
Пусть там сидят по-женски, под запором.  
И храбрецы пытаются бежать,  
Когда Аид к их жизни подступает.

Софокл Антигона Трагедия filosoff.org  
Стража уводит Антигону и Исмену.

Стасим Второй

Хор

Строфа 1

Блаженны между смертных те,  
Чья жизнь не знала зол.  
Но тем, которых потрясен  
По воле божьей дом,  
590 Не избежать сужденных бед,  
Пока не сгинет род.  
Так морские несутся валы  
Под неистовым ветром фракийским  
И из мрака пучины, со дна  
Подымают крутящийся бурно  
Черный песок,  
И грохочут прибрежные скалы  
Под ударами волн.  
1 Антистрофа  
Я вижу: на Лабдаков дом  
600 Беда вослед беде  
Издrevле рушится. Живых –  
Страданья мертвых ждут. [7]  
их вечно губит некий бог,  
им избавленья нет.  
Вот и ныне: лишь свет озарил  
юный отпрыск Эдипова дома,  
вновь его поспешает скосить  
Серп подземных богов беспощадный.  
Губит его –  
610 И неистовой речи безумье  
И заблудшийся дух.  
Строфа 2

О Зевс! Твою ли сломит силу  
Высокомерье человека?  
Ни Сон ее не одолеет,  
Все уловляющий в тенета,  
Ни божьих месяцев череда.  
Ты – властитель всемогущий,  
Ты вовек не ведал старости,  
для тебя обитель вечная  
620 Твой сияющий Олимп.  
И в минувшем и в грядущем  
Лишь один закон всемогущ:  
Не проходит безмятежно  
человеческая жизнь.  
Антистрофа 2

Для многих странница надежда –  
Залог блаженства, но для многих  
Она – пустое обольщенье,  
людских безудержных желаний  
Неисполнимая мечта.  
630 Под конец разочарован  
живший в длительном неведении:  
Час придет – и он о пламень  
Обожжет себе стопы.  
Мудрый молвит: тех, кто злое  
Принимать привык за благо,  
Приведут к злодейству боги,  
Горе ждет их каждый час.  
Вот к нам Гемон идет, из твоих сыновей  
Самый юный. Его не торопит ли скорбь,  
640 Не горюет ли он  
О судьбе Антигоны, невесты своей,  
И о брачном утраченном ложе?  
Входит Гемон.

Эпизодий Третий

Креонт

Сейчас узнаем лучше колдунов.  
Мой сын, наш приговор твоей невесте  
В тебе не вызвал гнева на отца?  
Тебе всегда останемся мы милы?  
Гемон

Отец, я – твой. Твои благие мысли  
Меня ведут – я ж следую за ними.  
Любого брака мне желанней ты,  
650 Руководящий мною так прекрасно.  
Креонт

Вот это, сын, ты и держи в уме:  
Все отступает пред отцовской волей.  
Недаром же мы, смертные, желаем  
Родить себе послушных сыновей,  
Чтобы умели злом воздать врагу  
И друга почитали б, как отец.  
А что сказать о том, кто народит  
Детей негодных? Что себе обузу  
Он породил, посмешище врагам?  
660 Не подчиняйся ж прихоти, не жертвуй  
Рассудком из-за женщины, мой сын,  
И знай, что будет холодна любовь,  
Коль в дом к тебе войдет жена дурная.  
Найдется ль язва хуже злого друга?  
Нет, как врага отвергни эту деву, –  
Пускай в Аиде вступит в брак с любым.  
Раз я ее открыто обличил,  
Ослушницу, единственную в граде.  
Пред ними я не окажусь лжецом –  
670 Ее казню. Пускай зовет на помощь  
Родную кровь! Я со своих спрошу,  
Как и с чужих, коль будут непослушны.  
Ведь кто в делах домашних беспристрастен  
И как правитель будет справедлив.  
А кто закон из гордости нарушит  
Иль возомнит, что может власть имущим  
Приказывать, тот мне не по душе.  
Правителю повиноваться должно  
Во всем – законном, как и незаконном. [8]  
680 Тот, кто властям покорен, – я уверен, –  
Во власти так же тверд, как в подчиненье.  
Он в буре битвы встанет близ тебя  
Товарищем надежным и достойным,  
А безначалье – худшее из зол.  
Оно и грады губит, и дома  
Ввергает в разоренье, и бойцов,  
Сражающихся рядом, разлучает.  
Порядок утверждён повиновеньем;  
Нам следует поддерживать законы,  
690 И женщине не должно уступать.  
Уж лучше мужем буду я повергнут,  
Но слыть не стану женщины рабом.  
Хор

Коль в заблужденье нас не вводит возраст,  
Нам кажется, – ты говоришь умно.  
Гемон

Бессмертные даруют людям разум,  
А он на свете – высшее из благ.  
К тому же я не в силах утверждать,  
Что ты в словах своих несправедлив,  
Но и другой помыслить правду может.  
700 Мне узнавать приводится заране,

Что люди мыслят, делают, бранят.  
Для гражданина взор твой страшен, если  
Его слова не по сердцу тебе.  
Но я повсюду слушаю – и слышу,  
Как город весь жалеет эту деву,  
Всех менее достойную погибнуть  
За подвиг свой позорнейшею смертью:  
Она не допустила, чтобы брат,  
В бою сраженный и непогребенный,  
710 добычей стал собак и хищных птиц.  
Она ли недостойна светлой чести? –  
Такая ходит смутная молва...  
Конечно, для меня нет счастья выше  
Благополучья твоего. И вправду:  
Что для детей отцовской славы краше?  
Что славы сына краше для отца?  
Но не считай, что правильны одни  
Твои слова и, кроме них, ничто.  
Кто возомнит, что он один умен,  
720 Красноречивей всех и даровитей,  
Коль разобрать, окажется ничем.  
И самым мудрым людям не зазорно  
Внимать другим и быть упорным в меру.  
Ты знаешь: деревья при зимних ливнях,  
Склоняясь долу, сохраняют ветви,  
Упорные же вырваны с корнями.  
Тот, кто натянет парус слишком туго  
И не ослабит, будет опрокинут,  
И поплывет ладья его вверх дном.  
730 Так уступи же и умерь свой гнев;  
Затем, что, если мнение мое,  
Хоть молод я, внимания достойно,  
Скажу: всего ценней, когда с рожденья  
Разумен муж, а если нет – что часто  
Случается, – пусть слушает разумных.  
Хор

Ты должен, царь, – коль мне сказать уместно, –  
Внять и ему: обоих речь прекрасна.  
Креонт

Так неужель к лицу мне, старику,  
У молодого разуму учиться?  
Гемон

740 лишь справедливости. Пусть молод я, –  
Смотреть на дело надо, не на возраст.  
Креонт

А дело ли бесчинных почитать?  
Гемон

Я почитать дурных не предлагаю.  
Креонт

Но в ней как раз не этот ли порок?  
Гемон

Того не подтвердит народ фиванский.  
Креонт

Иль город мне предписывать начнет?  
Гемон

Не видишь сам, что говоришь как отрок?  
Креонт

Иль править в граде мне чужим умом?  
Гемон

Не государство – где царит один.

Креонт

Но государство – собственность царей!  
Гемон

Прекрасно б ты один пустыней правил!  
Креонт

Он, кажется, стоит за эту деву?  
Гемон

Коль дева – ты: я о тебе забочусь.  
Креонт

О негодяй! Ты на отца идешь?  
Гемон

Ты, вижу, нарушаешь справедливость.  
Креонт

Не тем ли, что свое господство чту?  
Гемон

Не чтишь, коль ты попрал к богам почтение.  
Креонт

О нрав преступный, женщине подвластный!  
Гемон

Не скажешь ты, что я служу дурному.  
Креонт

760 Однако же вся речь твоя – о ней!  
Гемон

Нет, и о нас и о богах подземных.  
Креонт

Ты все же в брак не вступишь с ней живою.  
Гемон

Когда умрет, за ней умрет другой.  
Креонт

С угрозами ты выступаешь, дерзкий?  
Гемон

Угроза ли – с пустым решеньем спорить?  
Креонт

Раскаешься в безумных поученьях!  
Гемон

Сказал бы: глупый! – но ведь ты отец.  
Креонт

Раб женщины! Не ластись, не обманешь!  
Гемон

Сам говоришь, других не хочешь слушать!  
Креонт

770 да? Но, клянусь Олимпом, не на радость  
меня поносишь бранными словами.  
Эй, приведите эту язву! Пусть же  
У суженого на глазах умрет.  
Гемон

Нет, не умрет – об этом и не думай! –  
Здесь, на моих глазах, – но и меня  
Твои глаза вовеки не увидят.

Софокл Антигона Трагедия filosofff.org  
Иных друзей ищи для сумасбродств!  
Уходит.

Хор

Царь, удалился он поспешно, в гневе, –  
В таких летах опасен скорбный дух.  
Креонт

780 пускай идет! Он больно горделив!  
А этих дев от смерти не избавит.  
Хор

Ужель обеих думаешь казнить?  
Креонт

О нет, – ты прав, – не ту, что невиновна.  
Хор

Какою ж смертью ты казнишь другую?  
Креонт

Ушлю туда, где людям не пройти,  
Живую спрячу в каменной пещере,  
Оставив малость пищи, сколько надо,  
Чтоб оскверненью не подвергнуть град.  
Аид она лишь почитает – пусть же,  
790 молясь ему, избежит от смерти  
Или по крайней мере убедится,  
Что тщетный труд умерших почитать.  
Уходит.

Стасим Третий

Хор

Строфа 1

О Эрос-бог, ты в битвах могуч!  
О Эрос-бог, ты грозный ловец!  
На ланитах дев ты ночуешь ночь,  
Ты над морем паришь, входишь в логи зверей,  
И никто из богов не избег тебя,  
И никто из людей:  
Все, кому ты являлся, – безумны!  
Антистрофа 1

800 Не раз сердца справедливых ты  
К неправде манил, на погибель влек  
И теперь родных в поединке свел.  
Но в невесты очах пыл любви сильнее!  
Вековечный устав утвердил ее власть.  
То богини закон,  
Всепопобедной, святой Афродиты!  
Послушанье уже я не в силах блюсти,  
Видя все, что свершается, я не могу  
Горьких слез удержать – и струятся ручьем.  
В темный брачный чертог, усыпляющий 810 всех,  
Навеки уйдет Антигона.  
Входит Антигона под стражей

Эписодий Четвертый

Коммос

Строфа 1

Антигона

Люди города родного!  
Вот смотрите: в путь последний

Ухожу, сиянье солнца  
Вижу я в последний раз.  
Сам Аид-всеусыпитель  
Увлекает безвозвратно  
На побережья Ахеронта  
Незамужнюю меня.  
820 Гимны брачные не будут  
Провожать невесту-деву.  
Под землю Ахеронту  
Ныне стану я женой.  
Хор

Но в обитель умерших  
Ты уходишь во славе, –  
Не убита недугом  
Иль ударом меча.  
Нет, идешь добровольно, –  
Между смертных единая  
Ты обитель Аидову  
Навсегда избрала.  
Антистрофа 1

Антигона

Довелось мне слышать раньше  
О судьбе фригийской гостыи, [9] –  
Как печален на Сипиле  
Танталиды был удел.  
Словно плющ, утес, как молвят,  
Охватил ее, и горько  
Плачет пленница: над нею  
Непрестанный дождь и снег.  
840 Из очей ее всечасно  
Льются слезы по утесу  
Так и я. Отныне богом  
Я навек усыплена.  
Хор

Но она ведь богиня,  
Небожителей отпрыск! [10]  
Мы же – смертные люди,  
Род от смертных ведем.  
Все ж тебе, умирающей,  
Честь и слава великая,  
Что – живая – стяжала ты  
Богоравный удел!  
Строфа 2

Антигона

Ты смеешься надо мною!  
Для чего ж – родные боги!  
Надо мною, неумершей,  
Издеваться!  
Ты, о мой город! И вы,  
Знатные города люди!  
О источник Диркейский, о роща  
Знаменитых ристаньями Фив!  
860 Призываю вас ныне в свидетели:  
По какому закону,  
Не оплакана близкими,  
Я к холму погребальному,  
К небывалой могиле иду?  
Горе мне, увы, несчастной!  
Ни с живыми, ни с умерши?  
Не делить мне ныне век!  
Строфа 3

Хор

Дойдя до крайнего дерзанья,

О трон высокий правосудья  
870 Преткнулась больно ты, дитя,  
И платишься за грех отцовский.  
Антистрофа 2

Антигона

Ты коснулся злейшей скорби,  
Злополучной отчей участи,  
Общей доли достославных  
Лабдакидов!  
О преступное матери ложе,  
Разделенное с собственным сыном!  
О злосчастный их брак, от которого  
Я на свет родилась, злополучная!  
880 И к родителям ныне, проклятая,  
Я в обитель подземную  
Отправляюсь навеки.  
Даже свадебных песен  
Услыхать не успела, увы!  
В брак вступил ты несчастливый, [11]  
О мой брат, – и сам погиб ты  
И меня, сестру, сгубил!..  
Антистрофа 3

Хор

Чтить мертвых – дело благочестья,  
Но власть стоящего у власти  
Переступать нельзя: сгубил  
Тебя порыв твой своевольный.  
Эпод

Антигона

Неоплакана, без близких,  
Не изведавша брака,  
Ухожу я, злополучная,  
В предназначенный мне путь.  
И очей священных солнца  
Мне не зреть уже, несчастной.  
Неоплаканную долю  
Не проводит стон друзей.  
Входит Креонт.

Креонт

900 коль разрешить пред смертью плач и вопли,  
им не было б конца – известно всем.  
Так уведите же ее и спрячьте  
В пещере сводчатой, как я велел,  
И там одну оставьте: пусть умрет  
или в пещере той сыграет свадьбу.  
Мы перед девой чисты, но она  
Обречена не жить на этом свете.  
Антигона

О склеп могильный, брачный терем мой  
и вечный страж – подземное жилище!  
910 Иду к своим, без счета Персефоной  
в обитель мертвых принятым. Из них  
Последняя и с наихудшей долей  
Схожу в Аид, хоть жизни путь не кончен.  
Но верится, что там отрадой буду  
Отцу; тебе я милой буду, мать,  
и милою тебе, мой брат несчастный:  
Умерших, вас я собственной рукой  
Омыла, убрала и возлиянья  
Надгробные свершила. Полинник!  
Прикрыв твой прах, вот что терплю 920 я ныне,  
Хотя в глазах разумного поступок

Мой праведен. Когда была б я мать  
Или жена и видела истлевший  
Праха мужа своего, я против граждан  
Не шла бы. Почему так рассуждаю?  
Нашла бы я себе другого мужа,  
Он мне принес бы новое дитя;  
Но если мать с отцом в Аид сокрылись,  
Уж никогда не народится брат.  
930 Я соблюла закон, тебя почтила,  
Меня ж назвал преступницей Креонт  
И нечестивой, о мой брат родимый!  
И вот меня схватили и ведут,  
Безбрачную, без свадебных напевов,  
Младенца не кормившую. Одна,  
Несчастливая, лишенная друзей,  
Живая ухожу в обитель мертвых.  
Какой богов закон я преступила?  
Зачем – несчастной – обращать мне взоры  
940 К богам, их звать на помощь, если я  
Безбожной названа за благочестье?  
Я, пострадав, могу, богам в угоду,  
Признать вину, но коль ошиблись боги  
Не меньше пусть они потерпят зла,  
Чем я сейчас терплю от них неправды.  
Хор

Не стихает жестокая буря в душе  
Этой девы – бушуют порывы!  
Креонт

Потому и придется ее сторожам  
Пожалеть о своем промедленьи.  
Антигона

Горе мне! В этом слове я смерти моей  
Приближение слышу.  
Креонт

Нет, надеждой не стану тебя утешать,  
Что твоя не исполнится доля.  
Антигона

Город предков! Столица фиванской земли  
Боги древние нашего рода!  
Вот уводят меня... Не могу не идти...  
На меня посмотрите, правители Фив,  
На последнюю в роде фиванских царей,  
Как терплю, от кого я терплю – лишь за то,  
960 что почтила богов почитаньем!..  
Антигону уводят.

Стасим Четвертый

Хор

Строфа 1

Так пострадала даная[12] прекрасная,  
Та, что на доски, обитые бронзою,  
Переменила сияние дня.  
Спальной могила ей стала, дитя мое, –  
А родовита была, и хранил ее  
Зевс, к ней сошедший дождем золотым.  
Но необорное Рока могущество  
Злата сильней, и Арея, и крепости,  
И просмоленных морских кораблей.  
Антистрофа 1

970 Так усмирен был Дриантов заносчивый  
Сын,[13] повелитель эдонян: за дерзость  
Был Дионисом в скалу заключен.

Там улеглось постепенно неистовство,  
Бога признал он, которого буйственно  
Злыми насмешками смел задевать, –  
Он, изгонявший восторгом исполненных  
Жен, загашавший огни Дионисовы,  
С флейтою дружных тревоживший Муз.  
Строфа 2

Возле скал голубых, [14] у обоих морей  
980 На Боспоре фракийском [15] стоит Салмидес, –  
Там когда-то увидел соседний Арей,  
Как, сынов ослепляя,  
Им ужасные раны  
Наносила жестоко Финея жена,  
Как отмщенье провалами темных глазниц  
Призывали слепые.  
А пронзила им очи  
Не рукой – острием челнока из станка.  
Антистрофа 2

Горевали об участи горькой своей  
990 Этой матери, в браке несчастной, сыны,  
А была и она из древнейшей семьи [16] –  
Эрехфеева рода,  
В отдаленных пещерах  
Возледеяна сонмом отеческих бурь,  
Дочь Борея, что резвых быстрее коней,  
Порождение бога.  
Все же Мойры седые  
На нее ополчились сурово, дитя! [17]  
Входит Тиресий с мальчиком-поводырем.

Эписодий Пятый

Тиресий

О государи фив! Пришло нас двое –  
1000 Один лишь зрячий, – ибо нам, слепцам,  
Дорогу указывает провожатый.  
Креонт

Что скажешь нового, Тиресий-старец?  
Тиресий

Скажу; но ты вещателю внимай.  
Креонт

Твоим советам я внимал и раньше.  
Тиресий

Ты потому и градом правил с честью. [18]  
Креонт

Да, признаюсь: ты приносил мне пользу.  
Тиресий

Ты вновь стоишь на лезвии судьбы.  
Креонт

В чем дело? Весть твоя меня тревожит.  
Тиресий

Поймешь, узнав совет моей науки.  
1010 На старом месте я сидел гаданий,  
Где у меня был всякой птицы слет,  
И слышу странный голос птиц, во гневе  
И в бешенстве кричащих непонятно.  
Я понял, что друг друга рвут когтями:  
Мне крыльев шум об этом говорил.  
Я в страхе, начал по огню гадать  
На алтаре, но бог не принял жертвы.

Огонь не разгорался, и на угли  
От бедер сало капало, топясь,  
Дымилось, и плевалось, и, раздувшись,  
Вдруг желчью брызгало, и вскоре с бедер  
Весь жира слой сошел, в огне обтаяв.  
И тщетно от богов я ждал ответа.  
Так рассказал мне мальчик мой; ведь он –  
Вожатый мне, как я для вас вожатый.  
Твой приговор на град навел болезнь;  
Осквернены все алтари в стране  
И в самом граде птицами и псами,  
Что труп Эдипова терзали сына.  
1030 Уж боги не приемлют ни молитв,  
Ни жертв от нас, ни пламени сожженья;  
Уж не кричит, вещая благо, птица,  
Убитого напившись жирной крови.  
Итак, об этом поразмысли, сын:  
Все люди заблуждаются порою,  
Но кто в ошибку впал, коль он не ветрен  
И не несчастлив отроду, в беде,  
Упорство оставляя, все исправит;  
Упрямого ж безумным мы зовем.  
1040 Нет, смерть уважь, убитого не трогай.  
Иль доблестно умерших добивать?  
Тебе на благо говорю: полезно  
У доброго советника учиться.  
Креонт

Старик, вы все стреляете в меня,  
Как в цель стрелки; и в прорицаньях даже  
Я вами не забыт; своей родней же  
Давно и оценен я и распродан.  
Что ж, наживайтесь, коли так, торгуйте  
Электром сардским[19] иль индийским златом,  
1050 Его в могилу вам не положить.  
Нет, если б даже Зевсовы орлы  
Ему тащили эту падаль в пищу,  
Я и тогда, той скверны не боясь,  
Не допустил бы похорон: я знаю –  
Не человеку бога осквернить.  
Но и мудрейшие, старик Тиресий,  
Позорно гибнут, если злые мысли  
Для выгоды словами украшают.  
Тиресий

Увы!  
1060 Да разве понимает кто-нибудь...  
Креонт

Что ж? Истину ходячую объявишь?  
Тиресий

Насколько разум выше всех богатств...  
Креонт

Настолько ж нам безумье – враг великий!  
Тиресий

А ты уже недугом этим тронут.  
Креонт

Гадателю я дерзко не отвечу!  
Тиресий

Дерзишь, пророчество считая ложью!  
Креонт

Пророки все всегда любили деньги.  
Тиресий

Тираны ж все корыстны, как известно.

Креонт

Ты, видно, позабыл, что я правитель?  
Тиресий

Нет, но чрез меня спасал ты Фивы. [20]  
Креонт

Хоть прорицатель ты, а любишь зло.  
Тиресий

Ты страшную открыть принудишь тайну!  
Креонт

Открой! Но говори не ради денег!  
Тиресий

Нет, промолчу: ведь тайна – про тебя.  
Креонт

Знай: ты моих решений не изменишь.  
Тиресий

Тогда узнай и помни, что немного  
Ристаний кони Солнца совершат,  
Как ты дитя, рожденное тобою  
От чресл твоих, отдашь – за трупы труп;  
1080 Затем, что ты безжалостно загнал  
живую душу в темную гробницу;  
А сам берешь, отнявши у Подземных,  
Прах обесчещенный, не погребенный;  
Такого права нет ни у тебя,  
ни у богов, то их противно воле.  
За это ждут тебя богини мщенья,  
Эринии Аида и богов,  
чтоб и тебя постигли те же беды.  
Подкупленный ли говорю с тобою,  
1090 Увидишь сам: раздастся скоро, скоро  
Вопль женщин и мужей в доме твоём.  
Гнев на тебя вздымают города,  
по чьим сынам обряды совершали  
Псы, звери, птицы; их нечистой пищей  
Все в граде алтари осквернены.  
Такие стрелы я в тебя, как лучник,  
Направил в гневе, вызванном тобой.  
И стрелы метки, не уйдешь от них.  
Домой пойдем, мой мальчик. Пусть на тех,  
1100 кто помоложе, гнев он вымещает.  
Пусть учится он сдерживать язык  
и более ума иметь, чем ныне.  
Уходит с мальчиком-поводырем.  
Хор

Царь, он ушел с пророчеством ужасным.  
С тех пор как волосы главы моей  
из черных стали белыми, я знаю –  
Пророком ложным никогда он не был.  
Креонт

Я также это знаю и смущен.  
Мне тяжело уступать, но тяжки беды,  
которые стрясутся над упрямым.  
Хор

Тебе совет, сын Менекея, нужен.  
Креонт

Что ж должно делать? Я приму совет.  
Хор

Ступай, веди невесту из пещеры

Софокл Антигона Трагедия filosoff.org  
И оскверненный прах похорони.  
Креонт

По-твоему, я должен уступить?  
Хор

Да, царь, и поскорей: ведь боги быстро  
Напастью дни безумцев пресекают.  
Креонт

Увы, мне тяжело, но свое решение  
Я отменю: с судьбой нельзя сражаться.  
Хор

Иди же, поспедай, не жди других.  
Креонт

1120 Немедля я пойду. Сюда, эй, слуги!  
Все поскорей с собой кирки берите  
Бегите все туда... отсюда видно.  
А я, раз это решено, пойду  
Тебя выпустить, которую связал.  
Я понял: чтить до самой смерти должно  
От века установленный закон.  
Уходит.

Стасим Пятый (Гипорхема)

Хор

Строфа 1

Многоименный [21], слава девы кадмейской,  
Зевса, гремящего грозно, сын!  
Стражем стоящий Италии славной, [22]  
1130 В гостеприимных долинах царящий  
Элевсинской Деметры, о Вакх!  
Ты, проживающий в Фивах,  
Матери-граде вакханок,  
Около струй Исмена,  
Там, где был сев посеян  
Злого Дракона! [23]  
Антистрофа 1

Там тебя видят, там, где факелов пламя  
Светит с вершин двуглавой горы. [24]  
Где корикийские нимфы пляской  
1140 Служат тебе – твои вакханки,  
Там, где струится Кастальский ключ!  
Ты приходишь со склонов  
Нисы, [25] плющом увитых  
И вином изобильных;  
Ты, богами прославлен,  
К Фивам приходишь!  
Строфа 2

Чтишь ты их выше всех городов,  
Как сраженная молнией мать!  
И теперь, когда тяжкий недуг  
1150 Поражает весь город наш,  
О, направь свой целительный шаг  
К нам с Парнаса, над пенным морем!  
Антистрофа 2

О водитель огненных звезд!  
Господин ночных голосов!  
Сын возлюбленный Зевса, – царь  
Нам со свитой Фиад предстань,  
Что всю долгую ночь тебя,  
Благ подателя, славят Иакха!  
Входит вестник 1-й

Эксод

Вестник 1-й

Жильцы домов Амфиона и Кадма!  
1160 Нет в жизни, до конца ее, поры,  
Какую я хвалил иль порицал бы.  
Возносит счастье и свергает счастье  
Счастливых, а равно и несчастливых,  
И рока не откроет нам никто.  
Креонт казался всем благословенным:  
И землю Кадма спас он от врагов  
И, властелином полным став над нею,  
Царил, детьми обильно окружен.  
И все пропало. Если радость в жизни  
Кто потерял – тот для меня не жив:  
Его живым я называю трупом.  
Копи себе богатства, если хочешь,  
Живи как царь; но если счастья нет –  
То не отдам я даже тени дыма  
За это все, со счастьем сравнив.  
Хор

Какую скорбь царю несешь ты снова?  
Вестник 1-й

Смерть. И живые в смерти виноваты.  
Хор

Но кто убийца, кто, скажи, убит?  
Вестник 1-й

Пал Гемон, и не от руки чужой.  
Хор

1180 Рукой отца убит он иль своей?  
Вестник 1-й

Своею, в гневе на отца за деву.  
Хор

Как верны, о пророк, твои вещанья!  
Вестник 1-й

Так было; надо вам о том размыслить.  
Хор

Вот из дворца выходит Эвридика,  
Несчастливая жена Креонта; знает  
Про сына весть или случайно вышла?  
Входит Эвридика.

Эвридика

О граждане! Меж тем как в храм Паллады  
Я направляюсь помолиться ей,  
Какую речь я между вами слышу?  
1190 Засов дверной я отпирала; весть  
О бедствии до слуха моего  
Дошла, – и на руки моих служанок  
Упала я без чувств, поражена.  
Но повторите мне известья эти:  
Хочу я слышать, о несчастье знать.  
Вестник 1-й

О госпожа, скажу я все, что видел.  
Ни слова правды я не утаю.  
Зачем тебя мне утешать словами?  
Чтоб стать лжецом? Нет, правды путь верней.  
1200 Провел я мужа твоего на край

Долины, где безжалостно был брошен  
Труп Полиника, весь истерзан псами.  
Плутону помолясь и придорожной  
Богине, [26] чтоб они свой гнев смирили,  
Омыли мы священным омовеньем  
Останки и сожгли на ветвях свежих.  
Насыпав из земли родимой холм,  
Пошли мы к брачному покою девы,  
Где ложе из камней, – к жилищу смерти,  
1210 И вот один из нас услышал громкий  
Стон, несшийся из терема невесты,  
И прибежал сказать о том царю.  
Тот ближе подошел и горьких жалоб  
Услышал вопль и, застонав от муки,  
Воскликнул так: «О, злополучный я!  
Я сам беду накликать! Нет сомненья  
Иду я верной гибели тропой!  
Я слышу сына милого. Бегите  
Скорее, слуги, вверх и, став у склепа,  
1220 Взгляните через брешь, где камень снят,  
В глубь подземелья – Гемона ли голос  
Я слышу, иль обманут я богами».  
Как повелел нам в ужасе владыка,  
Мы глянули – и в склепе, в глубине,  
Повесившейся деву увидели  
На туго перекрученном холсте;  
А рядом он, ее обнявши труп,  
Лил слезы о погибели невесты,  
Отца деяньях и любви несчастной.  
1230 Отец, его увидя, с диким стоном  
Сбегает вниз и так зовет, вопя:  
«Несчастный, что ты сделал? Что замыслил?  
Какой бедой твой разум помутился?  
О, выйди, сын! Прошу, молю тебя!»  
Но юноша тогда, взглянувши дико,  
Ни слова не сказал, извлек свой меч  
Двуострый. В ужасе отец отпрянул –  
И промахнулся он. Тогда, во гневе  
Сам на себя, всем телом он на меч  
1240 Налег – и в бок всадил до половины,  
Еще в сознание, деву обнял он  
И, задыхаясь, ток последний крови  
На бледные ланиты пролил ей.  
И труп лежит на трупе, тайны брака  
Узнав не здесь – в Аидовом доме, –  
Показывая людям, что безумье  
Для смертного есть худшее из зол.  
Эвридика уходит.

Хор

Что это значит? В дом ушла жена,  
Ни доброго не молвив, ни худого.  
Вестник 1-й

1250 И сам дивлюсь я, но еще надеюсь,  
Что, о беде узнав, она не хочет  
Рыдать при всех и там, внутри дворца,  
Велит прислужницам стенать с ней вместе.  
Она в своем уме, не согрешит.  
Хор

Не знаю; только эта тишина  
Не менее страшна мне, чем рыданья.  
Вестник 1-й

Сейчас узнаем, не таит ли в сердце  
Взволнованном она сокрытых мыслей,  
В дом удалясь; ты справедливо молвил:  
В молчанье слишком долгом есть опасность.  
Хор

Вот и царь наш; он сам направляется к нам,  
Доказательство правды неся на руках.  
Если можно сказать – не чужую беду,  
А свою он несет, согрешивши.  
Входит Креонт.

Коммос

Строфа 1

Креонт

Увы!  
Грехи души затуманенной,  
Упорные, смерть несущие!  
Смотрите теперь на отца вы все,  
Убившего сына несчастного!  
1270 Слепым поддавался я замыслам!  
О сын мой, угасший в юности!  
Ты ушел, ты погиб;  
Но не ты, я один – безумец!  
Хор

Увы, ты правду видишь слишком поздно.  
Строфа 2

Креонт

Увы!  
Урок мой тяжек. Некий бог, увы,  
Обременил меня громадой горя,  
Мне бедствия жестокие послал,  
Увы, всю радость истребив мою!  
1280 О муки злые злых людских страданий!  
Входит вестник 2-й.

Вестник 2-й

О господин, от бедствий к новым бедам  
Идешь ты и увидишь скоро их:  
Одни пришли, другие в доме ждут.  
Креонт

Какая хуже может быть беда?  
Вестник 2-й

Умершего любя, твоя супруга  
Несчастливая от свежих ран скончалась.  
Антистрофа 1

Креонт

Увы!  
Аида бездна, зачем меня  
Ты губишь, непримиримая?  
1290 О вестник прежних ужасных бед,  
Какие ты вести приносишь нам?  
Вторично убьешь ты погибшего!  
Что, сын мой, скажешь мне нового?  
Смерть за смертью, увы!  
Вслед за сыном жена скончалась!  
Хор

Ты можешь видеть: вынесли ее. [27]  
Антистрофа 2

Креонт

Увы! Второе бедствие теперь, злосчастный, вижу!  
Что за несчастье мне еще готовится?

1300 Сейчас держал я сына на руках –  
И вижу труп другой перед собою!  
Увы, о мать несчастная, о сын!  
Вестник 1-й

Сраженная лежит у алтарей:  
Ее померкли и закрылись очи;  
Смерть Мегарея славную оплавав, [28]  
За ним другого сына, – на тебя  
Беду накликала, детоубийца.  
Строфа 3

Креонт

Увы! Увы!  
От страха дрожу. Что же грудь мою  
1310 Двуострым мечом не пронзил никто?  
Я несчастный, увы!  
И жестоким сражен я горем!  
Вестник 1-й

Изобличен покойницею ты:  
Ты виноват и в той и в этой смерти.  
Креонт

Но как она себя лишила жизни?  
Вестник 1-й

Она сама себе пронзила сердце,  
О сына горестной судьбе узнав.  
Строфа 4

Креонт

Увы мне! Другому, раз я виноват,  
Нельзя никому этих бед приписать.  
1320 Я тебя ведь убил – я, несчастный, я!  
Правду я говорю. Вы, прислужники, прочь  
Уводите меня, уводите скорей,  
Уводите – молю; нет меня; я ничто!  
Хор

В решеньях прав ты, коль в беде есть правда,  
И лучше всех кратчайшее из зол.  
Антистрофа 3

Креонт

Приди, приди!  
Покажись скорей, мой последний день!  
Приведи ко мне жребий лучший мой!  
Поскорее приди,  
1330 Чтобы дня я другого не видел!  
Хор

То в будущем, а ты о настоящем  
Заботься. Будущее – от богов.  
Креонт

Я все желанья в этой слил мольбе.  
Хор

Нет, не молись: ведь людям от скорбей  
Ниспосланных не обрести спасенья.  
Антистрофа 4

Креонт

Уведите вы прочь безумца, меня!  
Я убил тебя, сын, и тебя, жена!  
И нельзя никуда обратить мне взор:

Все, что было в руках, в стороне лежит;  
1340 И теперь на меня низвергает судьба  
Все терзая, и вынести их нет сил!  
Хор

Мудрость – высшее благо для нас,  
И гневить божество не дозволено.  
Гордецов горделивая речь  
Отомщает им грозным ударом,  
Их самих поразив,  
И под старость их мудрости учит.  
Примечания

Документальных данных о постановке трагедии нет, но сохранилось сообщение, что афиняне избрали Софокла стратегом на 441 г. для ведения войны против Самоса, воодушевленные его «Антигоной». Выборы стратегов происходили летом, и, следовательно, «Антигону» надо датировать мартом – апрелем 442 г., когда справляли Великие Дионисии, если даже в этом свидетельстве простая последовательность во времени истолкована как причина и следствие.

История Антигоны примыкает непосредственно к мифу о братоубийственной вражде Этеокла и Полиника, излагаемому в античных источниках более или менее единообразно. Однако дочерям Эдипа до Софокла не уделялось почти никакого внимания. В финале эсхилловской трагедии «Семеро против Фив» выводятся Антигона и Исмена, по-разному реагирующие на приказ городских властей оставить без погребения тело Полиника: в то время как Исмена проявляет послушание, Антигона отказывается повиноваться приказу и вместе с половиной хора уходит хоронить брата. Подлинность этого финала была давно под подозрением у ученых и до сих пор считается сомнительной по целому ряду достаточно веских причин (см.: Ярхо В. Н. Трагедия Софокла «Антигона». М., 1986. С. 29–32). Поэтому вернее будет считать, что именно Софокл впервые сделал Антигону главной участницей событий, происшедших после гибели братьев.

Вместе с этим известно и другое. После гибели семи нападавших вождей фиванцы отказались выдать родным их трупы. Тогда организатор всего похода, аргосский царь Адраст обратился за помощью в Афины, и Фесей сумел убедить фиванцев не нарушать божественных и человеческих установлений в отношении умерших. Тела семи вождей были выданы афинянам и погребены в древнем религиозном центре Аттики Элевсине. Так излагалась эта история и в недодешней трагедии Эсхила «Элевсинцы», и в двух случаях у Пиндара, с той лишь разницей, что Пиндар как патриот своих родных Фив отвергал постороннее вмешательство: семь костров для семи умерших были воздвигнуты в самих Фивах. Важно, что в обеих версиях не делается никакого исключения для Полиника, и эта традиция сохраняется в «Просительницах» Еврипида, поставленных через 20 лет после «Антигоны».

Наряду с этим сохранилось свидетельство Павсания, позволяющее предположить наличие фиванского варианта, в котором особо выделялась роль Антигоны. Согласно этому варианту, труп Полиника оставлен без погребения, но Антигоне удается, прилагая все свои силы, дотащить его до места сожжения тела Этеокла и положить на еще горящий костер. Никаких санкций по адресу Антигоны, согласно Павсанию, не последовало, поскольку победителей не заходила в Греции так далеко, чтобы не позволить родным отдать последний долг покойнику. Следовательно и здесь Софокл был первым, кто вывел Антигону слушницей царского приказа: запрет хоронить павших полководцев он сосредоточил в своей трагедии на одном Полинике; а исполнение Антигоной ее родственного долга изобразил как нарушение указа, изданного новым царем – Креонтом. Роли между тремя актерами могли распределяться следующим образом: протагонист – Антигона, Тиресий, Эвридика; девирагонист – Исмена, Страж, Гемон, Вестник, Домочадец Креонта, триагонист – Креонт. После Софокла трагедии, названные именем Антигоны, написали в Греции Еврипид и трагик IV в. до н. э. Астидамант-младший, а в Риме – Акций, несомненно использовавший софокловский прототип.

(В. Н. Ярхо)

Софокл  
Антигона Трагедия (пер. Дмитрия Мережковского)

Действующие лица

Антигона, Исмена – дочери царя Эдипа.

Креонт – новый правитель Фив.

Эвридика – жена Креонта.

Гемон – сын Креонта и жених Антигоны.

Страж.

Вестник.

Слуга.

Хор старейшин фиванских.

Тиресий – прорицатель.

Пролог

Антигона

дай голову твою обнять, Исмена!  
Сестра моя, скажи, какой беде  
Из многих бед – отца и нас, невинных  
Его детей, оставшихся в живых,  
Не обрекал Зевес? И есть ли в мире  
Хоть что-нибудь несправедное, злое  
И горькое, неведомое нам?  
Ты слышала ль, сестра, о том, что ныне  
Всем гражданам правитель повелел?  
Иль, может быть, не знаешь ты, Исмена,  
Что ждет друзей твоих судьба врагов?  
Исмена

Еще ко мне, сестра, не доходила  
Ни горькая, ни сладостная весть,  
С тех пор как брат убил в сраженьи брата,  
С тех пор как мы лишились в тот же день  
Обоих. В ночь ушли войска аргосцев;  
Не слышала я больше ничего –  
Ни радости достойного, ни горя.  
Антигона

Я позвала тебя за двери дома,  
Чтоб говорить наедине с тобой.  
Исмена

Какой полна ты думой сокровенной?  
Антигона

Не повелел ли царь из наших братьев  
Единог земле предать, лишив  
Всех почестей другого? Этеокл  
Священного обряда удостоен,  
В подземный мир сошел и родным теньям.  
А между тем останки Полиника  
Креонт велел не предавать земле  
И, не почтив обрядом, не оплавав,  
Не приютив в могиле, бедный труп  
Покинуть хищным птицам на съеденье.  
Так приказал наш добрый царь тебе –  
И мне, увы! Провозгласить веленье  
Он к нам идет. Что б ни было, закон  
Исполнится, и будет непослушный  
На площади побит камнями. Знаешь  
Теперь ты все и показать должна,  
Достойной ли от предков благородных,  
Бесчестной ли от честных родилась.  
Исмена

Но если царь велел, сестра, подумай, –  
Смирюсь иль нет – что сделать я могу?  
Антигона

Захочешь ли помочь мне в трудном деле?  
Исмена

Свой замысел открой мне.  
Антигона

Тело брата  
Похоронить.  
Исмена

Закон царя нарушить  
Посмеешь?  
Антигона

да. И если ты боишься,  
Одна исполню я обряд над милым.  
Изменницей не назовут меня.  
Исмена

Безумная! Наперекор царю?  
Антигона

Царь не заставит не любить меня,  
Кого люблю!  
Исмена

Сестра, ты позабыла,  
Как наш отец, узнав, что он – злодей,  
Отверженный и ненавистный людям,  
Исторгнув очи сам себе, погиб;  
Как мать – она была ему женою  
И матерью – на петле роковой  
Повесилась; как оба брата пали  
Несчастные, друг друга умертвив  
В единый миг на том же поле битвы.  
Теперь, когда остались мы одни,  
Без помощи, – подумай, Антигона,  
Какая ждет нас гибель, если, власть  
Царя презрев, закон его нарушим.  
Мы женщины, не нам вести борьбу  
Неравную с мужчинами: наша доля –  
Пред сильными покорствуя, молчать.  
У мертвеца я вымолю прощенье  
Невольного греха и покорюсь  
Велению владыки: неразумно  
Желать того, что выше сил моих.  
Антигона

Я ни о чем просить тебя не буду,  
И не приму я помощи твоей.  
Что хочешь делай, – я же тело брата  
Похороню, и будет смерть моя  
Желанною. Презрев закон людской,  
Исполню долг и лягу рядом с ним,  
В одном гробу, любимая с любимым  
Я не живым, а мертвым угождать  
Хочу затем, что с ними буду вечно  
Лежать в земле. А ты живи, презрев  
Все, что святым считают боги.  
Исмена

Свято  
Я сердцем чту богов, но силы нет  
Противиться велению законов.  
Антигона

Ищи себе предлога... Я иду  
Могильный холм воздвигнуть Полинику.  
Исмена

О милая, мне страшно за тебя!  
Антигона

Себя спасай, а за меня не бойся.  
Исмена

Не говори про замысел ни с кем...  
Не правда ли, хранить мы будем тайну?  
Антигона

О нет, ступай к врагам, открой им все!  
Безмолвствуя, ты будешь ненавистней.  
Исмена

Каким огнем полна твоя душа!  
Антигона

Усопшему любовь моя отрадна.  
Исмена

Ты все равно не можешь...  
Антигона

Пусть, – когда  
Не хватит сил, я отрекусь от цели.  
Исмена  
Не лучше ли к тому, что выше сил,  
Не приступать?  
Антигона

Молчи, молчи, Исмена,  
Не то врагом ты будешь мне навек  
И ненавистною родным теням  
Сойдешь в могилу. Дай исполнить мне  
Мой замысел безумный и погибнуть, –  
Прекрасной будет смерть моя!  
(Уходит.)  
Исмена

Иди  
И знай, что ты уходишь неразумной,  
Но любящей и верной до конца.  
(Уходит.)  
Парод

Хор

Строфа I

Луч зари, первый взгляд  
Золотистого дня,  
Над диркейской волной  
И над фивами  
Семивратными  
Ты блеснул – и, смутясь,  
Пред тобою бежал  
Воин с белым щитом,  
Муж из Аргоса, –  
Полиник к нам пришел,  
Полный хитрой вражды,  
Полиник свою рать  
В шлемах блещущих,  
С конской гривой,  
К нам привел: так из туч  
С белоснежным крылом,  
С громким криком орел  
Низвергается.

Антистрофа I

Он над Фивами стал,  
Поднял копья, открыл  
Кровожадную пасть,  
Как чудовище.  
Но, убийствами  
Не насытившись, враг  
Отступил: наших стен  
Не коснулся пожар.  
Вся ужасом,  
Бог войны загремел;  
И, надменную речь  
Ненавидящий Зевс,  
Видя гордое,  
В блеске золота,  
Вражье войско того,  
Кто готов был кричать  
О победе, – во прах  
Сбросил молнией.  
Строфа II

Пал, загремел и о землю ударился тяжело  
Молнией бога сожженный, за миг перед тем  
Страшный и яростью буре подобный.  
Но благодатный, великий Арей,  
Непобедимый союзник,  
Поколебал их ряды.  
В поле рассеял  
И погубил.  
Семь вождей бегут, покинув  
Богу медные трофеи.  
Только те, кого вскормили  
Мать одна, один отец,  
Только два несчастных брата  
Устремили друг на друга  
Копья, оба победили,  
И удел обоих смерть.  
Антистрофа II

В город, где гул колесниц не смолкает, с приветом,  
С громкою славой богиня Победа вошла.  
Войны забудем и храмы наполним  
Пеньем и пляской на целую ночь.  
Вакх, потрясающий землю  
В пляске ударом ноги,  
Хоров веселых  
Будет вождем.  
Но сюда грядет владыка  
Менойкид, правитель новый.  
В этот день, когда свершилась  
Воля вечная богов,  
Царь, в душе своей питая  
Новый замысел, не даром  
На совет старейшин фивских  
Чрез глашатаев созвал.  
Эпизодий Первый

Сцена 1

Креонт

Восстановив наш город, потрясенный  
Ударом волн во время долгих бурь,  
Желанный мир нам боги даровали.  
Созвал я граждан избранных сюда,  
Чтоб объявить им волю нашу: чтители  
Вы древний скипетр и трон священный лайя;  
Вы верными остались до конца  
И при царе Эдипе и при детях  
Покойного царя. Когда же братья

В братоубийственном сраженьи пали,  
Разящие, сраженные друг другом, –  
По всем правам ближайшего родства  
Я власть от них наследственную принял.  
Вы знаете, как трудно угадать  
И помыслы и душу человека,  
Пока в руках он власти не имел.  
Кто хочет быть царем, не помышляя  
О благе всех; кто истину скрывает  
И для кого не выше всех друзей  
Отечество, – презрения достойным  
Того считаю. Бог свидетель мне:  
Молчал ли я когда-нибудь из страха,  
Скрывал ли я грозящую беду  
И был ли враг отечества мне другом?  
О нет, всегда я думал об одном –  
О благе общем: для него и близких  
Я забывал. Так думаю и ныне  
И пользу тем отчизне принесу.  
Вот и теперь я приказал – да будет  
Похоронен как доблестный герой,  
За родину на поле брани павший,  
С торжественным обрядом Этеокл.  
А Полиник, беглец и враг народа,  
Вернувшийся на родину затем,  
Чтоб сжечь дотла и город наш и храмы  
Родных богов, чтоб нас поработить,  
Насытившись убийствами и кровью,  
Я повелел – да будет он лишен  
Надгробных слез, и жалоб, и молитв,  
Да будет труп его, ужасный людям,  
Добычей псов и кровожадных птиц.  
Я так хочу: не должен быть порочный  
Превознесен над праведным; а тот,  
Кто возлюбил отчизну, будет нами  
Всегда почтен, и мертвый и живой.  
Хор

Ты так решил, Креонт, о сын Менойка?  
Судьба врагов отечества, судьба  
Его друзей – в твоих руках: ты можешь  
Приказывать и мертвым и живым.  
Креонт

Вы избраны исполнить волю нашу.  
Хор

О царь, назначь других, моложе нас.  
Креонт

Я сторожей давно приставил к телу.  
Хор

Но чем еще могли бы мы служить?  
Креонт

Храня закон, казните непокорных.  
Хор

какой безумец сам пойдет на смерть?  
Креонт

Хотя грозит виновным смерть, но подкуп  
Уж много раз губил людей.  
Сцена 2

Входит страж.

Страж

О царь!

я не бежал – я шел не торопясь,  
Не раз мой шаг я замедлял в раздумье,  
Не раз с пути вернуться я хотел,  
И говорил мне тайный голос: «Бедный,  
Не сам ли ты на казнь свою бежишь?  
А между тем вернуться ты не можешь:  
Другой царю расскажет эту весть,  
И все-таки ты казни не избежешь».  
Так думал я и шел не торопясь,  
И краткий путь мне показался длинным.  
Но наконец я должен был прийти.  
Хотя и сам я многого не знаю, –  
Тебе, Креонт, всю правду я скажу.  
Последнее осталось утешенье:  
Что Рок судил, того не миновать.  
Креонт

Чего ты так боишься? Что случилось?  
Страж

Сперва скажу я о себе: ни в чем  
Я пред тобой не виноват, не знаю  
Виновного, и было бы, мой царь,  
Казнить меня несправедливо.  
Креонт

Вижу,  
Стараешься ты оградить себя:  
Должно быть, весть недобрая.  
Страж

Великий  
Внушает страх предчувствие беды.  
Креонт

Но знать я должен. Говори ж скорее!  
Страж

Открою все: тайком – не знаю кто –  
Пришел и, труп покрыв сухой пылью,  
Могильные обряды совершил.  
Креонт

Что говоришь ты? Кто посмел?  
Страж

Не знаю.  
Земля кругом нетронута была  
Ни заступом, ни острою лопатой,  
И след колес глубокой колеи  
Не проложил в кремнистом диком поле,  
И не осталось никаких улик  
виновного. От стражи первой смены  
Услышали мы утром о беде,  
И все тогда подумали: вот чудо  
Зловещее... Невидим был мертвец,  
Не погребли, а лишь землей покрыли,  
Чтоб охранить от святотатства труп.  
И не нашли мы никаких следов:  
Ни хищный зверь, ни пес не приходил  
И мертвого не трогал. Брань и крики  
Послышались: мы все наперерыв  
В несчастье друг друга попрекали,  
И дракой спор окончиться грозил.  
Мы верного не знали ничего,  
И помириться не могли, и втайне  
Подозревали мы друг друга все.  
Меж тем богов в свидетели призвать,  
Пройти огонь и в руки взять железо  
Каленое готов из нас был каждый,  
Чтоб доказать, что раньше не слыхал

Про заговор преступный и ни в чем  
Ни помыслом, ни делом не повинен.  
Так спорили напрасно мы; но вдруг  
Один из нас сказал такое слово,  
Что головой поникли молча все  
В смущении, и как беды избегнуть –  
Не ведали, и не принять совет  
Мы не могли. И было это слово  
О том, что скрыть несчастье нельзя,  
Что мы должны сказать тебе всю правду.  
Послушались совета – и меня  
По жребию как вестника избрали.  
И вот я здесь – наперекор тебе  
И мне, затем что ненавидят люди  
Того, кто весть недобрую принес.  
Хор

О царь, давно я думал: это чудо  
Не боги ли послали нам?  
Креонт

Молчи!  
Не то мой гнев заслужишь ты и люди  
Сочтут тебя безумным. Неужель  
Ты мог сказать, подумать мог, что боги  
Заботятся об этом трупе, чтут,  
Как своего избранника, хоронят  
В земле родной того, кто к ним пришел,  
Чтоб грабить, жечь, законы их разрушить  
И разметать священные дары,  
И осквернить их жертвенники? Боги?  
Ты видел ли, чтоб награждали злых  
Бессмертные? Нет, не богов, а граждан  
Виню во всем: роптали на меня  
Бунтовщики, главами помавая,  
Стряхнуть ярмо пытаюсь: мой закон.  
Их золотом подкупленная стража  
Нарушена затем, что деньги – зло  
Великое для смертных: из-за денег  
Обречены на гибель города  
И отчий кров изгнанник покидает;  
И, развратив невинные сердца,  
Деяниям постыдным учат деньги,  
И помыслам коварным, и нечестью.  
Но час придет, и не минует казнь  
Преступников, подкупленных врагами.  
(Стражу.)

А вы, – коль тех, кто труп похоронил,  
Вы, отыскав, ко мне не приведете, –  
Клянусь (и верь, пока я чту отца  
Крониона, той клятвы не нарушу!),  
Не будет смерть вам легкой карой. Нет,  
Я не убью – живыми вас повешу  
И пытками заставлю говорить,  
Пока я всех виновных не узнаю;  
И прибыли искать вас научу  
Где следует, награду принимая  
Не всякую: приносят больше зла,  
Чем выгоды, неправедные деньги...  
Страж

Дозволишь ли мне слово молвить, царь?  
Креонт

Я слов пустых уже довольно слышал.  
Страж

Что оскорбил я: сердце или слух?  
Креонт

К чему ты речь ведешь?

Страж

О царь, подумай:  
Кто весть принес, тот слух твой оскорбил,  
А душу – тот, кто совершил злодейство.  
Креонт

лишь без толку умеешь ты болтать!  
Страж

А все же, царь, я пред тобой невинен.  
Креонт

Ты изменил, за деньги совесть продал.  
Страж

О горе! Чем же убедить того,  
Кто ложному поверил подозренью?  
Креонт

Да говори что хочешь о своей  
Невинности, но если не найдете  
Преступника, увидите, что скорбь  
Рождается от прибыли нечестной.  
Страж (про себя)

Отыщут ли виновника иль нет –  
О том Судьба и боги только знают.  
Но во дворец уж больше никогда  
Я не вернусь к тебе, мой повелитель,  
И небеса благодарю за то,  
Что гибели избегнул так нежданно!  
(Уходит.)  
Стасим I

Хор

Строфа I

В мире много сил великих,  
Но сильнее человека  
Нет в природе ничего.  
Мчится он, непобедимый,  
По волнам седого моря,  
Сквозь ревуший ураган.  
Плугом взрывает он борозды  
Вместе с работницей-лошадью,  
Вечно терзая Праматери,  
Неутомимо рождающей,  
Лоно богини Земли.  
Антистрофа I

Зверя хищного в дубраве,  
Быстрых птиц и рыб, свободных  
Обитательниц морей,  
Силой мысли побеждая,  
Уловляет он, раскинув  
Им невидимую сеть.  
Горного зверя и дикого  
Порабощает он хитростью,  
И на коня густогривого,  
И на быка непокорного  
Он возлагает ярмо.  
Строфа II

Создал речь и вольной мыслью  
Овладел, подобной ветру,  
И законы начертал,  
И нашел приют под кровлей  
От губительных морозов,  
Бурь осенних и дождей.

Злой недуг он побеждает  
И грядущее предвидит,  
Многоумный человек.  
Только не спасется,  
Только не избегнет  
Смерти никогда.  
Антистрофа II

И, гордясь умом и знанием,  
Не умеет он порою  
Отличить добро от зла.  
Человеческую правду  
И небесные законы  
Ниспровергнуть он готов.  
Но и царь непобедимый,  
Если нет в нем правды вечной,  
На погибель обречен:  
Я ни чувств, ни мыслей,  
Ни огня, ни кровли  
С ним не разделяю!  
Вдали показывается Антигона. Ее ведут под стражей.

Хор

кто это, боги? какое видение чудное!  
Ты ль, Антигона, Эдипа великого,  
Многострадального  
Скорбная дочь?  
Ныне ведут Антигону под грозную стражею.  
Ты ли, законам людским непокорная,  
Смело нарушила  
Волю царя?  
Эписодий Второй

Сцена 1

Входит страж.

Страж

Пред вами та, что тело Полиника  
Предать земле пыталась. Где Креонт?  
Хор

Он из дворца выходит.  
Креонт

Что случилось?  
Кто спрашивал меня?  
Страж

Пусть люди, царь,  
Себя вовек не связывают клятвой:  
Вторая мысль едва придет на ум,  
Как первая нам кажется ошибкой.  
Я поклялся к тебе не приходить,  
Испуганный угрозами твоими,  
Но счастье нежданное сильней  
Всех радостей других. Нарушив клятву,  
Пришел опять и девушку привел,  
Ту самую, что мертвого почтила  
Обрядами. Но знай: на этот раз  
Не избран я по жребию случайно, –  
Нет, сам нашел ее: мне одному  
Принадлежит вся честь. Теперь, владыка,  
Виновную ты можешь, допросив,  
Изобличить. Но, видишь, я оправдан  
И милости твоей достоин.  
Креонт

Где

И как ее нашел ты?  
Страж

Для могилы  
Уж землю рыла.  
Креонт

Правда ли?  
Страж

О царь!  
Я видел сам, как труп она хотела  
Предать земле. Ужели и теперь  
Словам моим правдивым ты не веришь?  
Креонт

Рассказывай: хочу я знать про все.  
Страж

Случилось так: лишь только мы вернулись,  
Дрожащие, боясь твоих угроз,  
Как, разметав всю пыль над мертвым телом  
И обнажив полуистлевший труп,  
В унынии мы сели, против ветра,  
Чтоб запаха избежать, на холме  
И бодрствовать друг друга побуждали  
Словами бранными. В тот самый час.  
Когда стоит блестящий круг светила  
Великого в зените и лучи  
Палящие кидает, вдруг мы видим,  
Как буря, пыль взметая до небес,  
Над знойною долиной закружила  
Внезапный вихрь и листья сорвала  
В дуброве, мглой наполнив воздух. Долго,  
Закрыв глаза, мы ждали, чтоб утих  
Небесный гнев. Когда ж промчалась буря,  
Над мертвецом, склоненную в тоске,  
Увидели мы плачущую деву,  
И жалобный был голос у нее,  
Пронзительно-унылый, как у птицы,  
Когда она горюет, увидав,  
Что нет в гнезде ее птенцов любимых.  
Так бедная над оскорбленным трупом  
И плакала и проклинала тех,  
Кто разметал могильный холм; и пыли,  
В ладони рук сбирая, принесла;  
Усопшего почтив, она из медной  
И кованой амфоры льет струи  
Священные тройного возлиянья.  
И мы ее схватили; но она,  
Бесстрашная, вины не отрицала  
И нам во всем призналась так легко,  
Что радостно и горько было мне:  
Избегнуть смерти – радостно, и горько –  
Обречь на смерть достойную любви...  
Но людям жизнь всего дороже в мире.  
Креонт

Зачем главу склонила? Отвечай:  
Виновна ты иль нет?  
Антигона

Я не скрываю –  
Я твой закон нарушила.  
Креонт (стражу)

Иди –  
Оправдан ты от обвинений тяжких.  
(Антигоне.)  
А ты скажи нам прямо: волю нашу  
Ты знала ли?

Антигона

Не знать я не могла:  
Весь город знал.  
Креонт

И преступить закон  
Осмелилась?  
Антигона

Закона твоего  
Не начертал ни бог, ни справедливость,  
Царящая в загробном мире. Нет,  
Не знала я, что, по земному праву  
Царей земных, ты можешь, человек,  
Веления божественных законов,  
Неписанных, но вечных, преступать,  
И не вчера рожденных, не сегодня,  
Но правящих всегда, – никто из нас  
Не ведает, когда они возникли.  
Я думала, что лишь бессмертным дам  
Отчет во всем; что воли человека  
Я на земле бояться не должна;  
Что если б ты мне смертью неизбежной  
И не грозил, – я все-таки умру:  
Не лучше ли мне умереть до срока?  
Не может смерть не быть желанной тем,  
Кто жизнь, как я, проводит в скорби вечной.  
И вот зачем я на судьбу мою  
Не жалуюсь; но если б тело брата,  
Исполнив долг, земле не предала,  
Тогда скорбеть должна бы я – не ныне.  
А ты смотри, чтобы, назвав меня  
Безумною, ты не был сам безумцем!  
Хор

У дочери суровый дух отца:  
Она главы не склонит под ударом.  
Креонт

Кто слишком горд, того сломить легко:  
И сталь, приняв в огне закал могучий,  
Ломается, и малою уздой  
Нам буйного коня смирить не трудно.  
Надменные мечты в душе питать  
Не должно тем, кто у других во власти.  
Она вдвойне виновна: мой закон  
Нарушила и надо мной смеялась  
И хвастала. Но если этот смех  
И торжество без тяжкого возмездья  
Останутся, – о, пусть тогда ее,  
А не меня считают мужем. Знайте:  
Хотя и дочь она сестры моей.  
Но если бы еще по крови ближе  
Была, чем все, кого объединил  
У очага семейный Зевс-хранитель,  
И то, клянусь, возмездья не могла б  
Избегнуть, – нет! И с ней сестра погибнет,  
В ее вине сообщница... Но где  
Она? Пускай мне приведут Исмену.  
Безумную, от горя вне себя,  
Я во дворце застал ее недаром.  
Так злую мысль таящих выдает  
Смятение, но и преступник явный,  
Мечтающий словами оправдать  
Вину свою, мне столь же ненавистен.  
Антигона

Иль у меня отнять ты хочешь больше.  
Чем жизнь мою?  
Креонт

Нет, я хочу обречь  
Тебя на смерть, – мне большего не надо.  
Антигона

Не медли же. О чем нам говорить?  
И мне в словах твоих отрады мало,  
И ничего желанного, поверь,  
Из уст моих услышать ты не можешь.  
Исполнен долг: мой брат похоронен,  
Я не могу достигнуть большей славы.  
Когда б не страх, сковавший им уста, –  
Оправдана была бы я народом.  
Но, кроме всех неисчислимых благ,  
Принадлежит земным владыкам право  
Все говорить и делать, что хотят.  
Креонт

Ты мыслишь так одна во всем народе.  
Антигона

Так мыслят все, но пред тобой молчат.  
Креонт

Не стыдно ли, что ты одна не хочешь  
Молчать?  
Антигона

О нет, не стыдно мертвых чтить!  
Креонт

Но не был ли противник Полиника  
Твой брат родной?  
Антигона

От одного отца  
И матери.  
Креонт

Зачем же оскорбила  
Ты почестью, оказанной врагу,  
Другого брата?  
Антигона

Тень его, я знаю,  
Не обвинит меня.  
Креонт

Почет один  
Ты воздаешь и доброму и злому?  
Антигона

Но разве был сраженный Полиник  
Невольником – не братом Этеокла?  
Креонт

Один врагом отчизны пал, другой –  
Защитником.  
Антигона

Равняет всех Аид.  
Креонт

В Аиде злым и добрым – воздаянье  
Неравное.  
Антигона

Что свято на земле,  
Считают ли святым в загробном мире?  
Креонт

И мертвый враг не может другом быть.  
Антигона

Я родилась не для вражды взаимной,  
А для любви.  
Креонт

Иди же ты в Аид  
И там люби. А на земле я женам  
Царить не дам, – клянусь, – пока я жив!  
Стражи ведут Исмену.

Сцена 2

Хор

Вот у порога Исмена  
Льет о сестре своей бедной  
Тихие слезы любви.  
Скорбь опустилась, как туча,  
И на прекрасных ланитах –  
Жаркий румянец от слез.  
Креонт (Исмене)

Ехидна, в дом проникшая, чтоб выпить  
Всю кровь мою, меж тем как я не знал,  
Что на груди вскормил двух змей, двух тайных  
Врагов престола моего, – иди,  
Иди сюда и отвечай: была ли  
Сообщницей, иль клясться будешь нам,  
Что ничего не знаешь?  
Исмена

Я виновна,  
И если мне она позволит, с ней  
Я разделить хочу вину и кару.  
Антигона

Ты мой удел не вправе разделить:  
Я помощи твоей не принимала.  
Исмена

Я не стыжусь в страданиях тебе  
На жизнь и смерть быть спутницей и другом.  
Антигона

Кто другом был на деле – знает тень  
Сошедшего в Аид; а тех, кто любит  
Лишь на словах, – не надо мне.  
Исмена

Сестра,  
Не оскорбляй меня, позволь, оплакав  
Родную тень, с тобою умереть?  
Антигона

Ты не умрешь со мной: ты недостойна.  
Я умереть хочу одна.  
Исмена

Увы!  
Зачем мне жить, когда тебя не будет?  
Антигона

Спроси о том Креонта, чей закон  
Ты чтит свято.  
Исмена

Пощади! Напрасно  
Не унижай меня!  
Антигона

Когда смеюсь  
Я над тобой, я за тебя страдаю.  
Исмена

О, чем помочь тебе?  
Антигона

Лишь о себе  
Заботься; верь: я твоему спасенью  
Завидовать не буду.  
Исмена

Горе мне!  
Я участи твоей, твоих страданий  
Не разделю.  
Антигона

Тебе хотелось жить,  
Мне – умереть.  
Исмена

Как я тебя молила!..  
Антигона

Ты пред людьми права, а я хочу  
Быть правою перед теньми мертвых.  
Исмена

Но мы в одном с тобой виновны..  
Антигона

Нет.  
Живи, сестра. Будь твердою, мужайся.  
А я уже навеки отошла  
К моим теням возлюбленным..  
Креонт

Я вижу:  
Одна из них безумной родилась  
И только что сошла с ума другая.  
Исмена  
Владыка, ум скорбевшего – не тот,  
Что был до скорби: изменяет душу  
Страдание.  
Креонт

Должно быть, разум твой  
Затмила скорбь: вот почему так жаждешь  
Ты разделить с преступными вину.  
Исмена

Ах, что мне жизнь, когда сестры не будет!  
Креонт

Не говори о ней: ее уж нет  
Среди живых.  
Исмена

И ты убьешь невесту  
Возлюбленного сына?  
Креонт

Для мужей –  
Довольно жен: земли всегда довольно  
Для пахарей!  
Исмена

Поверь, он не найдет  
Такой души, ему родной и близкой.  
Креонт

Чтоб взял жену порочную мой сын,  
Я не хочу.  
Антигона

О бедный, милый Гемон,  
Тебя отец бесчестно предает!  
Креонт (Антигоне)

Оставь меня, чтоб не слышал я больше  
Ни о тебе, ни о любви твоей!  
Исмена

Ты разлучишь их?  
Креонт

Смерть их разлучит.  
Исмена

Она умрет, – и знать, что нет спасенья!..  
Креонт

Она умрет! Не медлите, рабы:  
Во внутренность дворца их уведите.  
Вы там должны стеречь их, никуда  
Не выпускать: спасенья ищут в бегстве  
И смелые, когда грозит им казнь.  
Рабы уводят под стражей Антигону и Исмену.  
Хор

Строфа I

Благо тем, кто всю жизнь без печали провел.  
Но когда потрясут небожители  
Твое счастье, твой дом, – это бедствие  
От тебя через все поколения пройдет:  
Так, фракийскою бурей гонимые,  
Прносясь через бездны подводные,  
Поднимают со дна волны черный песок,  
И полны берега потрясенные  
Воплем и грохотом.  
Антистрофа I

Многолетняя скорбь переходит в семье  
Лабдакидов от прадедов к правнукам.  
Нет спасенья: беды за бедами,  
Смерть за смертью: их губит безжалостный бог.  
Оставалась от рода Эдипова  
Только слабая ветвь, беззащитная,  
Луч, блеснувший во мраке... Но вот и тебя,  
О последняя жертва безумия,  
Поражают кровавой секирою  
Боги подземные.  
Строфа II

Громовержец, разве может  
Человеческая сила  
Власть твою преодолеть?  
Зевс, один не побежденный  
Сном, владыкой всех живущих,  
И течением быстрых лет,  
Не стареющий, всесильный, –  
Над Олимпом светозарным  
В блеске вечном ты царишь.  
Нами же, слабыми, жалкими,  
Ныне, и в прошлом, и в будущем  
Правит закон: в человеческой  
Жизни скорбям не причастного  
Нет ничего.  
Антистрофа II

А лукавая надежда,

Утешительница мертвых,  
Увлекает, обманув  
Легкокрылые желанья,  
И незнающих ведет  
Прямо к бездне, прямо к смерти.  
И прославлено недаром  
Изречение мудреца:  
Если тебя небожители,  
Смертный, ведут к преступлению, –  
Злое тогда тебе кажется  
Добрым – и знай, что погибели  
Не избежишь.  
Эписодий Третий

Сцена 1

Вдали показывается Гемон.

Видишь, царь, подходит Гемон,  
Твой любимый сын: должно быть,  
О несчастной Антигоне  
Он горюет, о невесте,  
Ложа брачного лишен.  
Креонт

Тотчас мы все узнаем. Милый Гемон,  
Врагом ли ты приходишь, услышав,  
Что я обрек на смерть твою невесту,  
Иль все ж отец твой дорог для тебя?  
Гемон

Тебе я весь принадлежу; давая  
Разумные советы, ты ведешь  
Меня к добру. Ни для какого брака  
Не отступлю от мудрости твоей.  
Креонт

И хорошо, дитя мое, что воля  
Отцовская тебе дороже всех  
Желаний. Вот за что мне мил послушный  
И добрый сын: он мстит врагу отца;  
Его друзей он так же чтит и любит,  
Как самого родителя; а тот.  
Кто сыновей рождает бесполезных,  
Тот скорбь себе рождает и врагам  
Великое посмешище. О Гемон,  
Ты мудростью не жертвуй никогда  
Для женщины: покажутся супругу  
Холодными объятья злой жены,  
Живущей с ним без мира и согласия.  
Что может быть губительней друзей  
Неистинных? Изменницу отвергни, –  
Пускай других в Аиде женихов  
Себе найдет. В непослушанье дерзком  
Одну ее в народе уличив,  
Я не солгу пред городом и смерти  
Ее предам, хотя б на помощь Зевса  
Она звала, хранителя семьи.  
Покорности и от чужих не требуй,  
Кто воспитал мятежный дух в семье;  
А кто в делах домашних мудр, – сумеет  
И городом разумно управлять,  
И властвовать, и покоряться власти.  
Во всем ему доверься: будет он  
В смятенье битв незаменимым другом  
И воином бестрепетным; но тех,  
Кто царствовать мечтает над царями,  
Презрев закон, – я тех не похваляю.  
Чтить волю тех, кто правит нами, должно  
Не только в легком, но и в трудном деле.  
Нет хуже зла, чем дух мятежный: гонит

От очага домашнего людей,  
И воинов он обращает в бегство  
Постыдное, и губит города.  
А граждане, покорные владыке,  
Спасаются. И так, оберегать  
Нам следует закон, не допуская,  
Чтоб женщина владела нами. Нет,  
Когда мне пасть назначено Судьбою,  
Пускай паду я от руки мужей, –  
Но женщине не покорюсь вовеки!  
Хор

Насколько я, годами удрученный,  
Могу судить, – ты правду говоришь.  
Гемон

дарованный богами, разум в людях  
Прекраснее всего, что в мире есть.  
Я не скажу, сказать я не посмею,  
Что ты неправду говоришь, о нет!  
Но, может быть, отец, есть доля правды  
И у других. Мне легче знать про то,  
Что думает народ, что порицает,  
Меж тем как царь единым взором страх  
Внушает тем, чьи праведные речи  
Ему не льстят. И вот я знаю, царь,  
Что втайне все невинную жалеют  
И сетуют, что ожидает смерть  
Позорная за подвиг дочь Эдипа  
Несчастную, что не хотела труп  
Погибшего в бою родного брата  
В добычу птиц и кровожадных псов,  
Лишенного могилы, бросить в поле.  
«Не должно ли наградой золотой  
Ее почитать?» – так в городе глухая  
Молва идет. А для меня, отец,  
И жизнь и честь твоя всего дороже,  
Затем, что сын величием отца  
Бывает горд, отец – величием сына.  
Не думай же, что истина тебе  
Принадлежит и никому другому:  
Кто всех умом мечтает превзойти,  
И мужеством, и даром слова, часто  
Ничтожней всех; а истинный мудрец  
Упорствовать не будет в заблужденье:  
Благой совет он примет не стыдясь.  
Так дерево, поникшее ветвями,  
Не падает, а гордый ствол, поток  
Бушующий с корнями вырывает;  
Так мореход, свой парус не сложив  
Под бурю, спасается на утлой  
Скамье гребцов – обломке корабля.  
Забудь же гнев, скажи, что отменяешь  
Ты приговор. Насколько я могу,  
Как юноша, судить о том, – нельзя  
Желать, чтоб все рождались мудрецами, –  
А если ум – столь редкий дар, то пусть  
Хоть умному совету люди внемлют.  
Хор

В чем Гемон прав – послушайся его;  
А ты прими совет отца: разумно  
Вы говорили оба.  
Креонт

Непристойно  
Мне юношей выслушивать советы  
В моих летах.  
Гемон

Будь справедлив, отец:

Не сколько лет я жил, а сколько правды  
В моих речах, подумай.  
Креонт

Речь твоя  
Лишь об одном: что следует преступным  
Потворствовать.  
Гемон

Я не просил тебя  
Преступного щадить.  
Креонт

Ты не считаешь  
Виновной Антигону?  
Гемон

Нет, отец.  
Все граждане и весь народ фиваиский  
Ее вины не признают.  
Креонт

Народ  
Не может мне повелевать.  
Гемон

О царь,  
Теперь не я – ты сам заговорил,  
Как юноша неопытный и пылкий.  
Креонт

В моей земле я царствую один.  
Гемон

Принадлежать не может одному  
Свободная земля.  
Креонт

Принадлежит  
Земля тому, кто в ней царит по праву.  
Гемон

Не лучше ли в пустыне одному  
Тебе царить?  
Креонт

Он борется отважно  
За женщину!  
Гемон

Тебя хочу спасти  
И честь твою.  
Креонт

Меня же обвиняя  
Во всем?..  
Гемон  
Отец, ты был неправ...  
Креонт

Неправ,  
Когда хотел, чтоб граждане законов  
Не нарушали?  
Гемон

Ты неправ был тем,  
Что сам закон божественный нарушил.  
Креонт

О, слабая, презренная душа,  
Раб женщины!

Гемон

Зато слепого гнева  
И низких чувств не буду я рабом!  
Креонт

За милую ты заступился!  
Гемон

Нет!  
Я заступился за себя, отец,  
За честь твою и за богов подземных.  
Креонт

Довольно слов пустых... Мне жалок тот,  
Кем женщина владеет.  
Гемон

Так не хочешь  
Ты выслушать меня?  
Креонт

Я все решил:  
Твоей женой не будет дочь Эдипа  
Здесь, на земле...  
Гемон

Когда она умрет,  
То и другой погибнет!  
Креонт

Ты грозишь?  
Гемон

Угроза ли ответ речам безумным?..  
Креонт

Остерегись, чтоб собственные речи,  
Оплакав их, ты скоро не назвал  
Безумными!..  
Гемон

Когда б отцом ты не был,  
Назвал бы я тебя безумцем!  
Креонт

Что?  
Что говоришь?.. Клянусь Олимпом вечным,  
Не отомстив, я не снесу такой  
Обиды!.. Воины, сюда ведите  
Преступницу: она умрет сейчас же,  
Здесь, на глазах его!  
Гемон

Нет, не увидят  
Глаза мои: я ухожу, отец,  
И не вернусь; и с этих пор один,  
Среди рабов безумствовать ты можешь!  
(Уходит.)  
Сцена 2

Хор

О царь, ушел он в гневе: берегись.  
В такой душе безумный гнев опасен.  
Креонт

Пусть делает что хочет, пусть грозит:  
Хотя б он больше мог, чем смертный может,  
От казни он ничем их не спасет.  
Хор

Обеих ли казнишь? Одна виновна...  
Креонт

Ты прав: на казнь не буду обрекать  
Я той из них, что не касалась трупа.  
Хор

Какую смерть ты для другой избрал?  
Креонт

Я уведу ее тропой пустынной  
И в каменной пещере, под землей,  
Похороню живую, дав ей пищи  
Не более, чем нужно для того,  
Чтоб города не осквернить убийством.  
Из всех богов она лишь бога чтит  
Подземного: так пусть к нему взывает,  
Чтоб спас ее от смерти; там, в гробнице,  
Поймет она, как бесполезно верить  
В загробный мир и мертвых чтить.  
(Креонт уходит.)  
Стасим III

Хор

Строфа I

Эрос, бог всепобеждающий,  
Бог любви, ты над великими  
Торжествуешь, а потом,  
Убаюканный, покоишься  
На ланитах девы дремлющей,  
Пролетаешь чрез моря,  
Входишь в хижину убогую.  
Ни единый в смертном племени,  
Ни единый из богов,  
Смерти чуждых, не спасается,  
Но страдают и безумствуют  
Побежденные тобой.  
Антистрофа I

Ты влечешь сердца к преступному  
И к неправедному – праведных.  
Вносишь в мирную семью  
Ты губительную ненависть;  
И единый взор, сияющий  
Меж опущенных ресниц  
Юной девы, полный негою,  
Торжествует над законами  
Вековечными богов, –  
Потому что все живущее,  
Афродита, вечно юная,  
Побеждаешь ты, смеясь!  
Вдали появляется Антигона под стражей.  
Ныне и мы, старики,  
Царскую волю нарушили,  
Слез удержать не могли.  
Смотрим и плачем от жалости –  
Видим: невеста не к брачному –  
К смертному ложу идет.  
Эписодий Четвертый

Сцена 1

Коммос

Строфа I

Антигона

Видите, граждане: ныне последний  
Путь совершаю, смотрю на последний  
Солнца вечернего свет.  
Солнца мне больше не видеть вовеки:  
К чуждым брегам Ахерона, в могильный,  
Всех усыпляющий мрак,  
Смерть уведет меня, полную жизни,  
Смерть приготовит мне брачное ложе,  
Свадебный гимн пропоет.  
Хор

Не достигнув вечной славы,  
Ты идешь в жилище мертвых,  
Не в мучительной болезни,  
Не добычею врагов, –  
Нет, одна из всех живущих  
В цвете юности, свободно  
Ты за долг идешь на смерть.  
Антистрофа I

Антигона

Там на вершине Сипила, от горя  
Мать Ниобея в скалу превратилась:  
Всю, как побеги плюща,  
Камень ее охватил, вырастая:  
В тучах, под ливнем и тающим снегом,  
Плачет она, и дождем  
Вечные слезы струятся на лоно.  
В каменной, душной тюрьме мне готовят  
Боги такую же смерть.  
Хор

Родилась она богиней,  
Ты же смертная; но славен  
Твой удел: как Ниобея,  
Как богиня, ты умрешь.  
Строфа II

Антигона

Вы смеетесь – увы! – надо мной, умирающей.  
Оскорбляют меня перед вами, о граждане,  
Мой родимый, великий народ!  
О диркейские волны, о Фивы, обильные  
Колесницами, рощи богов заповедные,  
Я в свидетели всех вас зову:  
Без суда, без закона, ни в чем не повинную,  
Чтобы ввергнуть меня в подземелье, подобное  
Темной, страшной могиле, ведут!  
И, никем не оплакана,  
Там я буду покинута,  
Среди мертвых не мертвая,  
А живая в гробу!  
Хор

Ты устремилась, гордая,  
К пределу недоступному,  
К подножью Правды царственной,  
Богини справедливости, –  
Но, с высоты низвергнута,  
Падешь за грех отца.  
Антистрофа II

Антигона

Вы к больному в душе моей, к самому горькому  
Прикоснулись: зачем об отце вы напомнили  
И о древней семейной беде,  
Что преследует дом Лабдакидов наш царственный?  
Вот я гибну, на ложе преступном зачатая,

Где несчастный отец мой лежал, –  
О, бесчестье! – в объятьях у собственной матери!  
Я от них родилась и, богами проклятая  
И безбрачная, к ним возвращусь...  
Полиник мой возлюбленный,  
О, погибший безвременно,  
Ты меня, еще полную  
жизни, к мертвым влечешь!  
Хор

Велик закон божественный,  
Но людям надо слушаться  
И власти человеческой:  
В себя ты слишком верила  
Душой непобедимую –  
И вот за то умрешь!  
Эпод

Антигона

Ныне путь последний совершаю  
Без родных, без милых, без участия,  
И лучей божественного солнца  
Больше мне вовеки не увидеть.  
Я одна пред смертью в целом мире,  
И никто меня не пожалеет!  
Сцена 2

Креонт выходит из дворца.

Креонт  
Вы знаете ль, что если б плач и стоны  
Могли помочь, – преступник никогда  
Не прекратил бы жалоб перед смертью?  
Ведите же на казнь ее скорей  
И, заперев, как я велел, в гробницу  
Подземную, вы там ее одну  
Оставьте: пусть живет иль умирает.  
Но света ей отныне никогда  
Уж не видать. А я руки убийством  
Не осквернил, я пред богами чист.  
Антигона  
Подземная гробница, ты мой вечный  
Приют, увы! мой свадебный чертог!  
Я ухожу навеки к вам, о тени  
Любимые, бесчисленные, к вам,  
Сошедшие в жилище Персефоны!  
Теперь и я последняя иду,  
Покинув жизнь до срока, но с надеждой,  
Что встретите вы радостно меня,  
Отец, и мать, и милый брат. Бывало  
С молитвами я каждому из вас  
Надгробные творила возлиянья,  
Обмыв тела, украсив и почтив,  
И вот теперь за то, что Полиника  
Я предала земле, иду на казнь.  
Но добрые меня прославят: верьте,  
Что если бы я матерью была,  
То, вопреки законам, ни супруга,  
Ни сыновей не погребла бы, нет!  
Вот почему: других детей и мужа  
Могла бы я иметь, когда бы муж  
Иль сын погиб, – но не другого брата,  
Затем, что мой отец и мать туда  
Ушли навек, откуда нет возврата...  
О милый мой, я чтила выше всех  
Тебя, и вот за что меня преступной  
Назвал Креонт, и вот за что, схватив,  
От всех друзей увлек, от милых сердцу,  
Бездетную, не знавшую любви,  
Чтоб с мертвыми похоронить живую!

Но в чем вина моя, о боги?.. Нет,  
Зачем к богам невнемлющим взываю,  
Кого из них о помощи молю?  
Воздав им честь, я гибну за нечестье!  
Когда неправду терпят сами боги,  
Пускай умру, пускай меня зовут  
Преступною, – но коль и вы преступны,  
Враги мои, то не желаю вам  
Страдать сильнее, чем я теперь страдаю!  
Хор

Та же буря в душе, та же сила и гнев.  
О, мятежное, гордое сердце!

Креонт (страже)  
Уведите ее: горе вам, о рабы,  
Если вы еще будете медлить!

Антигона  
Это слово мне смерть возвещает...

Креонт  
И знай,  
Что веленья мои неизменны:  
Не избегнешь ты смерти!

Антигона  
О город родной,  
О великие боги отчизны,  
Без вины умираю! Старейшины Фив,  
И вожди, и народ, посмотрите,  
На какие страданья какой человек  
Дочь владыки, меня, обрекает за то,  
Что почтила я волю бессмертных!  
Антигону уводят.

Стасим IV

Хор

Строфа I

Небесного света лишилась, как ты,  
Даная в тюрьме медностенной,  
Подобной могиле, меж тем, о дитя,  
Была она славного рода:  
К ней сам Громовержец, любя, нисходил  
На лоно дождем златострунным.  
Но ужасна сила Рока:  
От нее спасти не могут  
Ни твердыни, ни войска,  
Ни сокровища, ни в море  
Ударяемых волнами  
Стаи черных кораблей.  
Антистрофа I

Так в каменный гроб заключил Дионис  
Дриантова буйного сына,  
Владыку Эдонов, за гордость и гнев:  
Как ты, он в темнице томился.  
Пред силою бога смиряется гнев  
В бессильной груди человека:  
Он раскаялся, что Вакха  
Оскорбил надменной речью,  
Вырвал светочи из рук  
У божественных вакханок,  
Что прогневал муз, влюбленных  
В звуки сладостные флейт.  
Строфа II

Близ черных утесов двух смежных морей,  
Где в грозный обрыв Сальмидесса,  
На диком побережье фракийском, валы  
Босфора, шумя, ударяют,  
Где вечно царит беспощадный Арей, –  
Погибли два сына Финея:

Злая мачеха пронзила  
Им страдальческие очи  
Острием веретена;  
Свет потух для них навеки,  
И о мщенье возопила  
Кровь пролитая к богам.  
Антистрофа II

Тоскуя, они вспоминали в тюрьме,  
Как бедная мать их погибла.  
А царственным родом была и она  
Из древней семьи Эрехтидов;  
Ее в полуночных пещерах Борей,  
Отец, убаюкивал бурей.  
Дева мощная взбегала  
На вершины ледяные  
Легче быстрого коня,  
Но, увы! И дочь Борей  
Парки дряхлые настигли,  
Как и всех, мое дитя!  
Эписодий Пятый

#### Сцена 1

Входит прорицатель Тиресий с поводырем-мальчиком.

Тиресий

Старейшины, сюда пришли мы двое,  
Но за двоих смотрел один из нас:  
Так и всегда – ведет слепого зрячий.  
Креонт

Что нового, Тиресий?  
Тиресий

Я сейчас  
Открою все, а ты меня, владыка,  
Послушайся.  
Креонт

Еще я никогда  
Не отвергал твоих советов мудрых.  
Тиресий

И городом доньше управлял  
Ты счастливо.  
Креонт

Я знаю, что во многом  
Ты мне помог.  
Тиресий

Но счастьем твоему  
Теперь грозит опасность.  
Креонт

Что случилось?  
От слов твоих я содрогаюсь.  
Тиресий

Царь,  
Ты все поймешь, когда тебе приметы  
Я расскажу. В убежище, куда  
Слетаются пророческие птицы,  
Я слышал крик зловежий, гневный, звук  
Неведомый; узнав по шуму крыльев,  
Что в яростной борьбе когтями рвут  
Пернатые друг друга, – полон страха,  
На алтарях пылающих искал  
Я знамений в огне; но пламя ярко

Над жертвою не вспыхивало: жир  
Растопленный был поглощаем пеплом,  
И он кипел, дымясь, и желчь алтарь  
Обрызгала; белели кости, мяса  
Лишенные, нагие. Обо всем  
Поведал мне вожатый (этот мальчик  
Ведет меня, как я веду народ).  
Узнай же, царь, что бедствием великим  
И ужасом объят из-за тебя  
Весь город: псы и птицы клочья тела,  
Лишенного могилы, разнесли  
По очагам и жертвенникам, всюду.  
Вот почему от граждан ни молитв,  
Ни дыма жертв не принимают боги;  
И страх царит, и стаи вещей птиц  
Безмолвствуют, улившись кровью трупа.  
Подумай же об этом: все грешат –  
Таков удел живущих; но блаженны  
И мудры те, кто кается в грехах  
И кто нейдет, познав свою неправду,  
Упорствуя, по ложному пути, –  
Изобличат упрямых в неразумье.  
Помилуй же убитого врага,  
Погибшему не мсти. Какая слава  
Торжествовать над мертвыми, мой сын?  
Благой совет приносит людям радость, –  
Не гневайся: я говорил любя.  
Креонт

Старик, метать мне в сердце ваши стрелы,  
Как в цель стрелки, вы сговорились: вот  
Пришел черед гадателей; родные  
Врагам давно уж предали меня.  
Что ж, радуйтесь о прибыли, копите  
Вы золото индийское, янтарь  
Из дальних Сард, но знайте: Полиника  
Убитого я не предаю земле,  
Хотя б орлы Зевесовы добычу  
Кровавую на небо унесли  
До самого подножья Олимпийца.  
Похоронить я не позволю труп,  
И не боюсь я осквернения, зная,  
Что из людей не может оскорбить  
Богов никто. А ты, о старец, помни:  
И опытный и хитрый муж падет,  
Коль, ослеплен корыстью, изрекает  
Постыдные и лживые слова!  
Тиресий

Увы, когда б могли постигнуть люди...  
Креонт

Что? Говори.  
Тиресий

Как дорог ум...  
Креонт

Прибавь:  
Как пагубно безумье.  
Тиресий

А меж тем  
Ты сам объят безумьем.  
Креонт

Отвечать  
Я старику не буду оскорбленьем.  
Тиресий

Ты оскорбил меня, когда назвал

Подкупною святую речь пророка.  
Креонт

Но говорят, что деньги любят все  
Гадатели.  
Тиресий

А все тираны – прибыль  
Бесчестную.  
Креонт

Старик, ты позабыл,  
С кем говоришь!  
Тиресий

Я не забыл, что город  
Тебе спасти помог!  
Креонт

Гадать умеешь –  
Но правды нет в душе твоей.  
Тиресий

Смотри,  
Ты высказать меня принудишь тайну,  
Хранимую доньне.  
Креонт

Только пусть  
Подкупны вновь слова твои не будут.  
Тиресий

Правдивы были все мои слова.  
Креонт

Меня, старик, ты обмануть не можешь.  
Тиресий

Узнай же все: еще немного раз  
Обычный круг колеса бога солнца  
На небесах свершат, и – смерть за смерть –  
На голову, любимую тобою,  
Обрушится отмщение за то,  
Что заключил ты в гроб живую душу,  
Невинную к теням низверг в Аид,  
А мертвого – в земле лишил приюта  
Последнего и обесчестил труп,  
На что ни люди права не имеют,  
Ни боги. Ты насилье совершил,  
Ты преступил закон, и духи мщенья,  
Эриннии божественные, смерть  
Несущие, тебя подстерегают,  
Чтоб муками за муки отплатить.  
Ты назовешь и нынче речь пророка  
Подкупною?.. Но близок час, Креонт,  
Когда твой дом наполнят стоны женщин  
И вопль мужей; восстанут города  
Враждебные, где птица, пес голодный  
Иль зверь кусок добычи проносил  
И осквернял тяжелый запах трупа  
Святой огонь семейных алтарей?  
Как в цель стрелок, тебе я прямо в сердце  
Кидаю стрелы гнева моего,  
И ты от ран их жгучих не спасешься!..  
Домой, дитя! Я слишком стар; пускай  
Не надо мной – над теми, кто моложе,  
Он истощит свой гнев. Уйдем скорей:  
должна Судьба надменного смиренью  
И мудрости безумца научить.  
сцена 2

Хор

О царь, предрек ужасное гадатель!  
А никогда – так помню я с тех пор,  
Как белыми из черных стали кудри  
На голове моей, – пророк не лгал.  
Креонт

Увы, ты прав! В душе моей – смятенье.  
И уступить мне тяжело, и боюсь,  
Противостав, погибнуть.  
Хор

Будь разумным,  
Креонт, о сын Менойка!  
Креонт

Но скажи,  
Что делать мне? Я твой совет исполню.  
Хор

Убитого скорей земле предай,  
Невинную освободи от казни.  
Креонт

Ты уступить советуешь?  
Хор

О да.  
Спешит, Креонт, затем, что божьи кары  
Торопятся навстречу злым.  
Креонт

Увы,  
Я не могу бороться с неизбежным;  
Мне тяжело, но надо уступить.  
Хор

Иди – и сам, другим не поручая,  
Исполни все.  
Креонт

Иду сейчас. О слуги,  
Бегите же, скорей бегите все,  
И кто со мной и кто остался дома,  
Туда, на холм, секиры захватив,  
Спешите! Сам ту девушку в темницу  
Я заключил – и ныне, отменив  
Мой приговор, я сам хочу свободу  
Ей возвратить. Кто знает, для людей  
Здесь, на земле, не лучшая ли доля –  
Храня закон, окончить мирно жизнь?  
Стасим V

Хор

Строфа I

Многоименный потомок  
Тяжкогремящего бога,  
Девы Кадмейской отрада,  
О Дионис всемогущий,  
На берегах италийских  
И в Элевзисе царящий,  
Там, где для таинств Деметры  
Сходятся все племена,  
Вакх, обитающий в славных  
Фивах, отчизне вакханок,  
Где над потоком Исмены  
Древле Драконовы зубы  
Грозным посевом взошли!

Антистрофа I

Вакх, ты сидишь, окруженный  
Облаком вечно блестящим,  
Там, над вершиной двойною,  
Где корикийские нимфы  
Мчатся в вакхической пляске,  
Там, где Кастальские воды  
Сладко лепечут, – из рощи  
Горной, увитой плющом,  
Ты по отрогам нисейским  
В зелени лоз виноградных,  
Вакх, среди криков священных,  
О покровитель народа,  
Сходишь в предместия Фив!  
Строфа II

Ты, как мать свою, громом  
Пораженную, любишь,  
Вакх, родимые Фивы  
Больше всех городов.  
Ныне в бедствии тяжком  
Ты приди к нам на помощь  
От вершины Парнаса  
Иль чрез волны морские,  
Через шумный пролив!  
Антистрофа II

К нам, о чадо Зевеса!  
К нам, о бог, предводитель  
Пламенеющих хоров  
Полуночных светил,  
С шумом, песнями, криком  
И с безумной толпою »  
Дев, объятых восторгом,  
Вакха славящих пляской,  
К нам, о радостный бог!  
Эксод

Сцена 1

Входит вестник.

Вестник

Наследники чертогов Амфиона  
И Кадма, жизнь людская такова,  
Что не могу я ни хвалить всецело,  
Ни порицать ее, но вечно Рок,  
По прихоти, то к счастью возносит  
Несчастливого, то низвергает вновь;  
И предсказать грядущее не может  
Никто. Креонт родную землю спас,  
Держал в руках бразды верховной власти  
И, окружен цветущими детьми,  
Он зависти был некогда достоин, –  
И вот теперь, как дым, исчезло все.  
Мне кажутся живыми мертвецами,  
А не людьми, кто потерял навек  
Все радости: имей богатство, силу,  
Величие, но если у тебя  
Нет счастья, то все, что ты имеешь.  
Ничтожнее, чем тень от облаков.  
Хор

Но о какой беде, владык постигшей,  
Ты возвестить пришел?  
Вестник

Он умер; тот,  
Кто жив еще, – виновник смерти.

Хор

Кто же  
Виновник, кто погибший? Говори.  
Вестник

Не от руки враждебной умер Гемон.  
Хор

От собственной иль от руки отца?  
Вестник

Отца за смерть невесты проклиная,  
Он умертвил себя.  
Хор

Увы, Тиресий,  
Пророчество твое свершилось!  
Вестник

Должно  
И о другом подумать...  
Хор

Подожди:  
Несчастную мы видим Эвридику,  
Жену царя; случайно, может быть,  
Иль услышав о сыне, из чертога  
Она идет.  
Сцена 2

Входит Эвридика.

Эвридика

О граждане, в дверях  
Услышала я весть: во храм Паллады  
Молиться шла о помощи – и вдруг,  
Когда с ворот запор отодвигала,  
Весть о беде мне поразила слух,  
И, чувств лишась от страха, навзничь пала  
Я на руки служанкам; но, молю,  
Что б ни было, скажите мне всю правду:  
К несчастьям привыкла я давно.  
Вестник

Я расскажу, царица, все, что видел,  
И ничего не утаю. Увы,  
Зачем твой слух баюкать лестью? Правду  
Узнав, лжецом ты назовешь меня,  
А скрыть ее нельзя. С твоим супругом  
На горную равнину мы взошли,  
Туда, где труп непогребенный, жалкий,  
Добыча псов, растерзанный, лежал,  
И, помолясь Гекате и Плутону,  
Чтоб гнев они смягчили, и обмыв  
Усопшего, мы труп сожгли на ветках  
Олив, в лесу нарубленных, и холм  
Насыпали высокий из родимой  
Земли, потом в чертоги к новобрачной,  
В подземную гробницу мы сошли.  
Но кто-то, вдруг из недр неосвященной  
Могилы крик далекий услышав,  
Сказал о том Креонту; подошел он,  
И жалобы достигли до него.  
«О горе мне, – он молвил с тяжким вздохом,  
Исполнилось предчувствие мое.  
Из всех путей я ныне самый тяжкий  
Свершаю путь: то сына моего  
Зловещий крик. Скорей бегите, слуги,  
И, отвалив надгробную плиту,

Проникните во внутренность пещеры:  
То Гемон ли взывал иль божеством  
Обманут я, – узнайте». И, не медля,  
Мы сделали, как царь нам повелел.  
И в глубине гробницы темной, видим,  
Повесилась несчастная, связав  
Из тонкого покрова петлю. Рядом,  
Сжимая труп в объятиях, стоял  
Жених ее, оплакивая свадьбу  
Печальную, и гнев отца, и смерть  
Возлюбленной. Креонт увидел сына  
И подошел к нему и возопил:  
«Несчастный, что ты сделал, что с тобою?  
Какую смерть избрал? Молю, уйдем  
Отсюда прочь!» Но молча, страшным взором  
Он на отца взглянул и обнажил  
Двуострый меч. Спасаясь от удара,  
Креонт бежал, и ярость обратил  
На самого себя несчастный Гемон:  
Он бросился на острие меча.  
Клинок пронзил его, и с мыслью темной,  
Предсмертною, он милую обнять  
Слабеющей рукой старался; тяжело  
Дыша, струей кровавой обагрил  
Он бледные ланиты юной девы.  
Эвридика поспешно уходит.  
Так скорбный брак в жилище тихой смерти  
Он заключил. Там, с мертвой мертвый, спит  
Он вечным сном, пример являя людям,  
Как пагубно безумие любви.  
Сцена 3

Хор

Недоброе предвижу я: царица  
От нас ушла, ни слова не сказав.  
Вестник

И я смущен: быть может, скорбь о сыне  
Она толпе стыдится показать  
И во дворец пошла к своим рабыням  
Оплакивать семейную беду?  
За женщину столь мудрую бояться  
Нам нечего...  
Хор

Не знаю. Но в беде  
Великое безмолвие – такой же  
Недобрый знак, как и великий плач.  
Вестник

Я во дворец пойду узнать скорее,  
Не скрыла ли чего-нибудь в душе  
Несчастная. Ты прав: зловещий признак –  
Молчание среди великих бед.  
Вестник удаляется. Входит Креонт.

Он несет на руках труп сына.

Сцена 4

Хор

Вот и царь. Мертвый сын на руках у него, –  
Труп холодный, свидетель безмолвный,  
Что над ним – страшно молвить, увы! – не чужой,  
Сам отец совершил злодеянье.  
Коммос

Строфа I

Креонт

О, жестокое, непоправимое  
Дело рук моих! Вот,  
Вот чего я достиг!  
Посмотрите: убитый с убийцею  
Связан узами кровными.  
Ты ушел от меня,  
Сын мой! В смерти твоей  
Неповинен ты, нет, –  
Сам сразил я тебя в цвете жизни, безвременно!  
Хор

Увы! Постиг ты правду слишком поздно.  
Строфа II

Креонт

Правду постиг я! О, горе мне! Яростный  
Бог, поражая, лишил меня разума,  
К бездне увлек, – и теперь  
Он торжествует, поправ мое счастье.  
О, как бесцельна вся жизнь мимолетная,  
Весь человеческий труд!  
Сцена 5

Входит слуга.

Слуга

Ты жертва, царь, всех бедствий: мертвый Гемон –  
В руках твоих, а за стеной дворца  
Уж новое страданье ждет.  
Креонт

Какое  
Страдание ужаснее того,  
Что я терплю!  
Слуга

Жена твоя погибла,  
Мать Гемона, пронзив себя мечом.  
Антистрофа I

Креонт

Неизбежная, неотвратимая  
Смерть, зачем у меня  
Отнимаешь ты все,  
Все родное? О вестник безжалостный,  
Ты сразил полумертвого!  
Повтори, что за весть,  
Что ты молвил? Ужель  
Вслед за сыном моим  
Страшной смертью погибла жена моя бедная?  
Открываются двери. В глубине дворца виден труп Эвридики.

Слуга

Ты видишь сам: вот тело Эвридики.  
Антистрофа II

Креонт

Горе мне! Вижу я новое бедствие!..  
Чем еще после всего, что я пережил,  
Может Судьба мне грозить?  
Здесь, на руках моих, Гемон возлюбленный,  
Там, во дворце, – его мать. О дитя мое  
Бедное! Бедная мать!  
Слуга

Детей своих оплавав, Мегарея  
И Гемона, – когда уж не могла  
Поднять очей, покрытых тенью смертной,  
Она припала к алтарю, молясь  
О том, чтоб месть за гибель сына боги  
Обрушили на голову твою.  
Строфа III

Креонт

Горе, о, горе мне!  
Я содрогаюсь от ужаса.  
Лучше бы кто-нибудь, сжалившись,  
Сердце пронзил мне мечом!  
Нет исцеления  
Мукам моим!  
Слуга

Она тебя винила в смерти сына  
И в гибели своей.  
Креонт

Но как, скажи,  
Несчастливая себя лишила жизни?  
Слуга

Вонзила в грудь себе двуострый меч,  
Узнав про смерть возлюбленного сына.  
Строфа IV

Креонт

Сам я убил ее, граждане,  
Слышите ль? Сам я – убийца,  
Некого больше винить.  
Слуги, возьмите несчастного,  
Прочь поскорей уведите:  
Кончена, кончена жизнь!  
Хор

Ты прав: уйти скорей и позабыть –  
Последняя отрада для несчастных.  
Антистрофа III

Креонт

Где ты, желанная?  
Смерть, я зову тебя! Где же ты?  
День бесконечного отдыха,  
День мой последний, приди!  
Пусть не увижу я  
Солнца вовек!  
Хор

Но смерть сама придет, а мы подумать  
Должны о том, что ближе к нам; и пусть  
Забоятся о смерти нашей боги.  
Креонт

О милости последней я молю!  
Хор

Оставь мольбы и знай: спасенья нет –  
Для смертного судьба неотвратима.  
Антистрофа IV

Креонт

Сына убийцу и матери  
Прочь уведите скорее,

Прочь!.. Но куда мне идти?  
Все, что любил я, потеряно,  
И на главу мою пала  
Страшная кара богов!..  
Слуги уведят Креонта.  
Хор

Стремись ли к счастью ты, – прежде всего  
Будь мудрым и воли бессмертных,  
О смертный, вовек не дерзай преступать;  
И верь, что за дерзкие речи  
Постигнет безумца великая скорбь  
И мудрости поздней научит.  
Примечания

Примечания к Зелинскому

1

Не уличат меня... – По сообщению схолиаста, античный грамматик Дидим (2-я пол. I в. до н. э.) считал этот стих неподлинным, ссылаясь на своих предшественников, комментаторов Софокла. Те из современных издателей, которые придерживаются атетезы, указывают, главным образом, на то, что реплика в два стиха нарушает однострочную стихомифию, хотя подобные случаи встречаются у Софокла и в Ан. (401–406), и в других трагедиях: ЦЭ 356–369, 1000–1046; Эк 579606.

2

Он двух очей... себя лишил. – Ср. Эсх. Сем. 778–784

3

Над Диркейским... руслом... – Дирка – река на запад от Фив.

4

...надменных речей похвальбу... – Образ осаждающих Фивы как надменных насильников навеян Эсхилом: Сем. 375–676.

5

...поверженный огненосец... – Капаней. Ср. Эсх. Сем. 422–446; Евр. Финик. 1172–1186: Соф. Эк. 1318 сл.

6

...царицы ристаний... – Собственно, «славной многими колесницами»: ср. Ил IV, 391; Пинд. Од. VI, 85; Истм. VII, 20.

7

О, мужи Фив! – Обращение Креонта к старцам (???????) Зелинский перевел «сограждане», что более соответствует греческому ????????; однако так Креонт никогда к ним не обращается, и это характерно для его представления об отношениях между царем и подданными.

8

...раскаленное держать в руках железо... – В доказательство своей невиновности.

9

я ропот слышу. – См. Эк. 1029 сл. и прим.

10

Много в природе дивных сил... – См. «Трагический театр Софокла», с. 497.

11

Благороден! Безроден... тот... – В подлиннике противопоставляются ???????? – «высоко вознесенный в городе», «пользующийся высоким уважением в государстве» и ?????? – «лишенный государства», «отвергнутый государством».

12

...домового Зевса... – В подлиннике речь идет о Зевсе ???????? – покровителе очага, стоящего посреди двора, обнесенного оградой. Почитание такого «приютажного» Зевса было символом прочности семейных связей.

13

Сердобольные слезы... – Как видно, Исмена появлялась в другой маске, чем та в которой она выступала в прологе. Теперь на маске были обозначены кровавые полосы – знак того, что, горюя о сестре, она ногтями разодрала в кровь щеки.

14

О Гемон... – Ркп. традиция отдает этот стих и 574 Исмене; в первопечатном издании Альда Мануция ст. 572 был отдан Антигоне, и так поступают с тех пор многие издатели, движимые романтическими представлениями о любви Гемона и Антигоны; между тем, сама Антигона на протяжении трагедии об этом ни слова не говорит и, на наш взгляд, нет оснований менять ркп. атрибуцию реплик ни в 572, ни в 574 который отдают то хору, то все той же Антигоне. См. подробнее: Ярхо В. Н. Трагедия Софокла «Антигона». С. 77 сл.

15

Не искупит жертва сыновья... – Такой перевод имеет в виду скорее всего гибель обоих сыновей Эдипа, наиболее близкую по времени к событиям, изображаемым в трагедии. В оригинале – более общая мысль: каждое предыдущее поколение не освобождает от бед следующее за ним.

16

Стал единственным ныне... – Старший сын Креонта Мегарей погиб раньше (см. 1303) при осаде Фив. У Эсхила (Сем. 474–477) он назван среди защитников Фив и предсказывается его смерть, к которой Эсхил, впрочем, больше не возвращается. Еврипид (Финик. 930–1018) выводит первенца Креонта под именем Менекея и повествует о его самопожертвовании ради спасения родного города.

17

...из сонма граждан... пред сонмом граждан... – Попытка переводчика передать перекликающиеся между собой в оригинале ?????? в начале 656 и ?????? – в конце следующего стиха.

18

...к родственному Зевсу... – В оригинале ??? ????????, «покровителю кровнородственных связей».

19

И в справедливом деле, и в ином. – Креонт требует от своих подданных повиновения и справедливому, и несправедливому приказу. Между тем, древние греки считали такого рода нерассуждающую покорность уделом раба, а не свободного человека. Ср. поговорку:

Повинуйся господину в правом и в неправом, раб  
и «Изречения Менандра» 176: Рабом родившись, угождай хозяину.

20

Кто так настроен... – Доу принимает конъектуру Зайдлера, предложившего перенести эти стихи после 662, – этим и в самом деле достигается усиление положительной характеристики хорошего гражданина, которой затем противопоставляется описание свойств плохого, с точки зрения Креонта, подданного. Однако с сомнениями Доу в подлинности 666 сл. и 672–680 едва ли можно согласиться. Во-первых, пропали бы очень важные для образа Креонта претензии на непогрешимость его приказов (666 сл.); во-вторых, нарушилось бы равенство в объеме между речами Креонта и Гемона и как следствие – симметрия в построении всей сцены. Сейчас два монолога занимают соответственно 42 и 41 стих, – почти столько же, сколько и следующая за ними стихомифия (726–765=40 стихов). К каждому из этих отрезков примыкают по два триметра, произносимые корифеем; перед монологом Креонта – 13 стихов, после реплики корифея, заключающей стихомифию, – тоже 13. Атетеза, предлагаемая Доу, разрушает эту очевидную симметрию (13: 42: 2: 41: 2: 40: 2: 13).

21

Страх простолюдину Твой взор внушает... – Ср. ЦЭ. 597 сл. После этого стиха Доу вслед за Диндорфом, постулирует лауну в 1-й стих, поскольку в оригинале переход от 690 к 691 создает известные трудности грамматического порядка. Зелинский, как видно, либо не признавал этих трудностей (как Джебб и многие другие издатели), либо счел возможным обойти их в переводе.

22

Ты, негодяй? – Ст. 742–757 вызвали различные попытки перестановок. Доу считает, что их ркп. порядок нарушен актерами во время посмертных постановок «Антигоны», и печатает их в такой последовательности: 741, 748, 749, 756, 755, 742–747, 750–754, 757, 758 и далее в обычном порядке. См. Studies. V. 2. P. 109–111. Зелинский ограничился перестановкой, отмеченной в русском тексте.

23

Врыт в землю склеп... – Речь идет, вероятно, о какой-нибудь из заброшенных гробниц микенского времени. Ср. 1215–1218.

24

Эрот, твой стяг... – Неодолимость любовного влечения – общее место в греческой литературе. Ср. Тр. 443, 497–503; фр. 160, 563.

25

...старцы земли родимой... – В оригинале ??????? – «граждане». См. 162 и примеч.

26

Гостья с фригийских гор... – Ниоба, дочь Тантала, потеряв всех своих детей, окаменела от горя, и только из глаз ее продолжали литься слезы. В таком виде она была перенесена богами на вершину горы Синил в Лидии, где ее окаменевшее тело секут дожди и засыпает снег.

27

...то богиня, бессмертных дитя... – Тантал был сыном Зевса; мать Ниобы считалась обычно одна из плеяд – Тегета.

28

кто с богами... – После этого стиха, вероятно, утерян один стих, – в анапестах, симметрично завершающих строфу, насчитывается 6 стихов.

29

К престолу Правды вековой... – Реплика хора вызвала многочисленные толкования, противоречивость которых объясняется неясностью высказывания. Наиболее вероятный перевод: «...Ты тяжело обрушилась, дитя, на высокий алтарь Правды». Значит ли это, что Антигона нарушила заветы Правды? Но с этим не согласуются ни доводы Антигоны (451), ни ее недоумение (921). Или у Правды она ищет защиты? Тогда почему она «искупает горе отца»?

30

Негу брака познал... – Имеется в виду женитьба Полиника на Аргии, дочери Адраста, которая дала ему возможность собрать войско против родного города.

31

И все ж – не каюсь я. – 904–920 вызывают в течение многих десятилетий ожесточенную полемику среди исследователей. Доводы Антигоны, 905–912, близко напоминают рассуждения жены знатного перса Интаферна у Геродота (III, 119), а поскольку поэт и историк были близкими друзьями, то защитники этих стихов усматривают в них желание Софокла польстить своему другу. Однако аргументы жены Интаферна используются совсем в иной обстановке. Затем, было бы странно, если бы Антигона, до сих пор объяснявшая нарушение запрета Креонта долгом перед святыми законами Правды, теперь, когда судьба ее решена, стала бы приводить достаточно прагматические доводы в свою защиту. Таким образом, по содержанию по меньшей мере 904–915 надо признать вставкой, сделанной по образцу Геродота, но без достаточного понимания хода мысли Софокла. Поскольку Аристотель ссылается на 909–912 в «Реторике» (III, 16, 9), следует сделать вывод, что подозрительные стихи вставлены еще в начале или в первой половине IV в. и вошли затем во все рукописи.

32

И Данае-красе... – Аргосскому дарю Акрисию была предсказана смерть от руки внука. Поэтому он заключил свою, еще незамужнюю дочь Данаю в окованную медью башню. Сюда, однако, под видом золотого дождя проник Зевс, оплодотворивший Данаю.

33

Сын Дрианта, Ликург... – Оказал сопротивление культу Диониса и был за это заключен богом в расселину скалы, с которой он сросся. Согласно Ил. VI, 130–140, Дионис, спасаясь от Ликурга, бросился в море, где его приняла Фетида, а Ликург был ослеплен Зевсом.

34

Там, где в каменных врат ...мареве... – Финей, царь Салмидесса (на западном берегу Босфора) имел двух сыновей (братьев-финидов) от первой жены Клеопатры, которую он впоследствии заточил в тюрьму; а его вторая жена (лихая. мачеха) ослепила пасынков и заключила в склеп (979). Вся эта строфа, текст которой в нескольких местах испорчен, служит введением в судьбу Клеопатры и ее сыновей, напоминающую долю Антигоны.

35

Вела она... род... – Отцом Клеопатры был бог северного ветра Борей, матью – афинская царевна Орифия, похищенная Бореем... вьюг отцовских стая... – северные вихри; Бореада – Клеопатра, дочь Борей.

36

...о дитя родное! – Обращение хора к Антигоне показывает, что во время исполнения стасима она еще находилась на оркестре, и примеры пострадавших в далеком прошлом (Даная, Ликург, Клеопатра и ее сыновья) должны были несколько смягчить ее участь.

37

...прямо правишь город. – Перевод Зелинского сделан по ркп. чтению ????? ??????????; многие издатели, в том числе Джебб и Дэн, предпочитают конъектуру ????? ????????????? – «ты правил»: Тиресий имеет в виду достаточно длительный период, когда Креонт выступал в качестве регента (ср. ЦЭ, 1418); теперь же, отказав Полинику в похоронах, он как раз правит плохо, от чего его и хочет предостеречь прорицатель.

38

Где вещей птицы гавань... – См. ЦЭ. 395 и прим.

39

...как мглюю Покрылся свет... – Доу считает этот стих поздней вставкой: Тиресий ослеп в юности, и сейчас ему не время вспоминать о давней потере зрения.

40

...птица не издаст... – Доу принимает атетезу и этого стиха, для чего имеется и смысловое, и формальное основание: 1) о птицах речь уже была выше; 2) множественное число причастия ????????? («наевшиеся») в ст. 1022, которое Зелинский переводит нейтральным «вкусив», в оригинале согласовано с подлежащим во множественном числе ????? («боги»): «Боги не принимают от нас ни молитв, ни жертвенного пламени, отведав крови убитого человека». В 1021 подлежащее ????? («птица») не может быть формально согласовано с ?????????.

41

Сарды. – В VI в. столица сказочно богатого лидийского царя Креза.

42

...мне же царством ты обязан. – Вероятно, Тиресий хочет сказать, что Креонту удалось спасти Фивы в закончившейся войне только потому, что он, вняв совету прорицателя, принес в жертву своего сына. См. 628 и прим.

43

Многозванный... – Начинающийся здесь стасим по своему тону и назначению соответствует гипорхеме.

Многозванный. – Точнее «многоименный», т. е. пользующийся почитанием в различных культах под различными именами: Вакх, Иакх (в Элевсинских мистериях), Загрей (в связи с подземным миром), Мельпомен (в связи с Музами) и т. д. речь идет о Дионисе, зачатом от Зевса фиванской царевной Семелой (Кадмеиской девой)...краса и любовь... – В оригинале: «слава»...молнии сын! – Вняв просьбе Семелы, Зевс явился ей во всем своем величии, держа в руках огненные перуны, от которых загорелась спальня Семелы и сама она погибла в огне (см. 1139). Недоношенного ребенка Зевс вырвал из чрева Семелы и зашил себе в бедро, где он и доносил его до положенного срока.

44

Тобой Италия полна... – Южное и западное побережье Италии с давних времен было опоясано древнегреческими колониями, а в середине 40-х годов V в., незадолго до постановки «Антигоны», на месте разоренного г. Сибариса по инициативе Перикла был заложен новый город Фурии. Греческие переселенцы привезли с собой, естественно, и культуру винограда и виноделие, покровителем которых являлся Дионис.

45

...сев... змеиный. – Богатыри, выросшие из зубов дракона, убитого Кадмом. См. ЭК. 1534 и прим.

46

...скалы двуглавой... – Парнаса; ...Касталии ключ... – Протекает у ее подножия близ Дельфов.

47

...Нисы услон. – Под названием Нисы было известно свыше десятка гор на территории Греции, Малой Азии, Индии и Африки. Здесь имеется в виду Ниса на о-ве Евбее, откуда бог переправляется в расположенную через пролив Беотию.

48

Тень дыма – в древнегреческом поговорочное выражение, обозначающее ничтожную малость. Ср. Ф. 946.

49

К царю теней и к девственной Гекате... – Креонт провинился перед владыкой царства мертвых тем, что не отдал принадлежащего тому покойника (ср. 1070), а перед покровительницей перекрестков Гекатой («распутый бдительной богиней») – тем, что разносимые хищными зверями и птицами куски мертвой плоти осквернили дороги и придорожные алтари (ср. 1016–1018).

50

Бегите, слуги! – В дальнейшем рассказе Вестника не все понятно и с точки зрения археологии, и с точки зрения значения отдельных слов. Поэтому Доу предполагает между 1216 и 1220 три лакуны. См. Studies. V. 2. P. 117–119. Зелинский представлял себе дело таким образом, что слуги Креонта сдвинули в сторону камень, закрывавший вершину купольной гробницы, и увидели сверху повесившуюся Антигону и прильнувшего к ней Гемона. Догнавший их Креонт, увидев эту картину, бросился вниз и через дверь, ведущую в дромос (коридор, соединяющий вход с круглым залом, перекрытым куполом) и уже выломанную Гемоном, побежал в глубь гробницы, где и произошли остальные события. При этом, правда, остается непонятным, почему Креонт не сразу обнаружил выломанную дверь, чтобы войти в склеп, и может ли слово «устье» обозначать верх купола, а не вход в гробницу на уровне земли? Другое объяснение исходит из того, что Креонт велел слугам отодвинуть камни, которыми был

завален вход в склеп, и по дромосу достичь круглого зала, – тогда устьем более естественно будет названо то место, где дромос вливается в зал. Конечно, при этом возникнут другие вопросы: как удалось Гемону проникнуть в склеп, если раздвинуть камни под силу только нескольким людям, и что мог различить Креонт и слуги почти в кромешной темноте (света, проникавшего из дромоса, было явно недостаточно, чтобы осветить глубину склепа)? Но эти вопросы, вероятно, мало волновали аудиторию Софокла.

51

...не поступит криво. – Ближе к оригиналу: «не совершит ошибки», «не поддастся заблуждению».

52

Раскрылась дверь... – Через раскрытую дверь выдвигалась на оркестру экиклема с телом Евридики, распростертым у алтаря (ср. 1301). После 1346 экиклему убрали обратно.

53

Оплакав... Мегарея... – См. 628 и прим.

54

...сознание долга... – Здесь и в 1353 Зелинский переводит словом «долг» греческое ?? ?????? – «способность здравого размышления».

Примечания к Шервинскому

1

...Аида стал достоин. – Считалось, что тело, лишенное могилы, неприкрытое землей, лишает и душу, с ним связанную, подземного приюта, жилища, покоя. (Прим. В.О.Нилендера.)

2

...Над потоком Диркейским. – Дирка – река на запад от Фив.

3

...упал, факел сжимая... – Капаней, поклявшийся сжечь Фивы.

4

...раскаленное железо в руки Готовы брать... – В доказательство своей невиновности.

5

...кто Зевса чтит В моем дому... – Речь идет о Зевсе – покровителе очага, стоящего посреди двора, обнесенного оградой. Почитание такого «приочажного» Зевса было символом прочности семейных связей.

6

Горько плачет она... – Как видно, Исмена появлялась здесь в другой маске, чем та, в которой она выступала в прологе. Теперь на маске были обозначены кровавые полосы – знак того, что горя о сестре, она ногтями разодрала в кровь щеки.

7

Живых – Странанья мертвых ждут... – Имеется в виду мысль о том, что каждое предыдущее поколение не освобождает от бед следующее за ним, а передает свои страдания потомкам.

8

...законном, как и незаконном. – Креонт требует от своих подданных повиновения любому его решению, в том числе и незаконному. Между тем, древние греки считали такого рода нерассуждающую покорность уделом раба, а не свободного человека. Ср. поговорку: «Повинуйся господину в правом и в неправом, раб» и «Изречения Менандра»: «Рабом родившись, угождай хозяину».

9

О судьбе фригийской гостыи... – Ниоба, дочь Тантала, потеряв всех своих детей, окаменела от горя, и только из глаз ее продолжали литься слезы. В таком виде она была перенесена богами на вершину горы Сипил в Лидии, где ее окаменевшее тело секут дожди и засыпает снег.

10

...богиня, небожителей отпрыск! – Тантал, отец Ниобы, был сыном Зевса; мать Ниобы считалась обычно одна из плеяд – Тегета.

11

В брак вступил ты несчастливый... – Имеется в виду женитьба Полиника на Аргии, дочери Адраста, которая дала ему возможность собрать войско против родного города.

12

Так пострадала Даная... – Аргосскому царю Акрисию была предсказана смерть от руки внука. Поэтому он заключил свою, еще незамужнюю дочь Даная в окованную медью башню. (Сюда, однако, под видом золотого дождя проник Зевс, оплодотворивший Даная.)

13

Дриантов заносчивый сын... – Сын Дрианта Ликург оказал сопротивление Дионису и был за это заключен богом в расселину скалы, с которой он сросся. Дионис, спасаясь от Ликурга, бросился в море, где его приняла Фетида, а Ликург был ослеплен Зевсом.

14

Возле скал голубых... – При выходе из пролива Боспор есть две скалы Симплегады.

15

На Боспоре фракийском... – Царь Салмидеса (на западном берегу Боспора) Финей имел двух сыновей от первой жены Клеопатры, которую он впоследствии заточил в тюрьму; а его вторая жена ослепила пасынков и заключила в склеп. Вся эта строфа служит введением в судьбу Клеопатры и ее сыновей, напоминающую долю Антигоны.

16

...из древнейшей семьи... – Отцом Клеопатры был бог северного ветра Борей, матью – афинская царица Орифия, похищенная Бореем.

17

...дита! – Обращение хора к Антигоне показывает, что во время исполнения стасима она еще находилась на оркестре, и примеры пострадавших в далеком прошлом (Даная, Ликург, Клеопатра и ее сыновья) должны были несколько смягчить ее участь.

18

...градом правил с честью. – Тиресий имеет в виду достаточно длительный период, когда Креонт выступал в качестве регента; теперь же, отказав Полинику в похоронах, он как раз правит плохо (на лезвии судьбы), от чего и хочет предостеречь его прорицатель.

19

Электром сардским... – В VI в. до н. э. столица Лидии Сарды сказочно богатого царя Креза торговала электром – сплавом золота и серебра.

20

...через меня спасал ты Фивы. – Вероятно, Тиресий хочет сказать, что Креонту удалось спасти Фивы в закончившейся войне только потому, что он внял совету прорицателя и принес в жертву своего сына.

21

Многоименный... – То есть почитаемый в различных культах под различными именами: Вакх, Иакх (в Элевсинских мистериях), Загрей (в связи с подземным миром), Мельпомен (в связи с Музами) и т. д. Речь идет о Дионисе, зачатом от Зевса фиванской царицей Семелой, дочерью Кадма. Вняв просьбе Семелы, Зевс явился ей во всем своем величии, гремевший грозно, держа в руках огненные перуны, от которых загорелась спальня Семелы и сама она погибла в огне. Недоношенного ребенка Зевс вырвал из чрева Семелы и зашил себе в бедро, где он и доносил его до положенного срока.

22

Стражем... Италии славной... – Южное и западное побережье Италии с давних времен было опоясано древнегреческими колониями. Греческие переселенцы привезли с собой, естественно, и культуру винограда и виноделие, покровителем которых являлся Дионис.

23

...сев... Дракона! – Богатыри, выросшие из зубов дракона, убитого Кадмом.

24

...двуглавой горы. – Парнаса; ...Кастальский ключ. – Протекает у ее подножия близ Дельфов.

25

...со склонов Нисы... – Под названием Нисы было известно свыше десятка гор на территории Греции, Малой Азии, Индии и Африки. Здесь имеется в виду Ниса на о-ве Евбее, откуда бог переправляется в расположенную через пролив Беотию.

26

Плутону помолясь и придорожной богине... – Креонт провинился перед Плутоном (Аидом), владыкой царства мертвых, тем, что не отдал принадлежащего тому покойника, а перед покровительницей перекрестков Гекатой – тем, что разносимые хищными зверями и птицами куски мертвой плоти осквернили дороги и придорожные алтари.

27

...вынесли ее. – В этот момент через открытую дверь выдвигалась на оркестру экикклема с телом Эвридики, распростертым у алтаря.

28

Мегарей... оплакав... – Старший сын Креонта и Эвридики Мегарей погиб раньше, при осаде Фив.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!